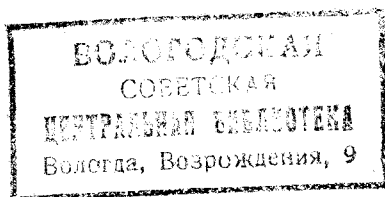

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Советская Арктика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
ПРИ СНК СССР
И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ
ГУСМП

2 ФЕВРАЛЬ
1938

И з д а т е л ь с т в о Г л а в с е в м о р п у т и

150491.

СОДЕРЖАНИЕ

Информационное сообщение об очередном Пленуме ЦК ВКП(б).....	3	
Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков	3	
Возглавить стахановское движение	11	
И. П. Трофимов. Пушнозаготовки без руководства.....	15	
И. Извлечь уроки.....	18	18
В. Ф. Табелев. Последствия случайного подбора людей	22	
Избранники народа-полярники	26	
С. А. Володарский. Ликвидировать неграмотность среди народов Севера	29	
К. Д. Егоров. Против извращений и упрощенства	30	
И. В. Алимов. Организовать пассажироперевозки	32	
 <i>ИЗУЧИМ ПОЛЯРНЫЕ МОРЯ</i>		
В. С. Назаров. Современное состояние ледовых прогнозов	36	
С. Д. Лаппо. Улучшить дело ледовых прогнозов	48	
Д. В. Карелин. Ледовые наблюдения полярных станций.....	51	
П. И. Башмаков. Изменяются ли глубины и очертания берегов северных морей	53	
 <i>НА ЗИМОВКАХ</i>		
В чем нуждаются полярные станции	58	
В. С. Казанский. На острове Врангеля	63	
П. С. Солдатов. На западном берегу Таймыра	66	
Б. В. Рихтер. Неотложные нужды островного хозяйства	68	
 <i>ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ</i>		
П. Г. Головин. В разведку на полюс.....	72	
В. С. Карелин. Заполярный театр.....	85	
И. Р. Яныгин. К низовьям Лены	96	
 <i>ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ</i>		
С. Г. Нагорный. Первый полярный летчик Нагурский	100	
Ал. Вольский. Движение на Север в эпоху Петра I.....	103	
Н. Н. Нозиков. Открытие русскими моряками Антарктиды	107	
 <i>ХРОНИКА</i>		
С. А. Иванов. (Некролог.)	112	
Организовать промежуточные бункерные базы.....	113	
Документы завоевания Арктики	115	
Семья папанинцев.....	117	
Подготовка кадров.....	119	
Н. Б. Рихтер. Запуск авиамоторов на жидком газе.....	120	

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

На днях состоялся очередной Пленум Центрального Комитета ВКП(б).

Пленум рассмотрел вопросы сессии Верховного Совета СССР и принял соответствующие решения.

Пленум обсудил вопрос „Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков“ и принял соответствующее постановление, публикуемое ниже.

Кроме того, Пленум ЦК рассмотрел ряд хозяйственных вопросов и принял соответствующие решения.

Пленум освободил тов. Постышева П. П. из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Пленум ввел в состав кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) секретаря Московского Обкома ВКП(б) тов. Хрущева Н. С. и в состав Оргбюро ЦК ВКП(б) — тов. Мехлиса Л. З.

Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков

Постановление Пленума ЦК ВКП(б)

Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии.

ЦК ВКП(б) не раз требовал от партийных организаций и их руководителей внимательного, индивидуального подхода к членам партии при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении неправильно исключенных из ВКП(б) в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) в своем решении от 5 марта 1937 г. по докладу товарища Сталина „О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников“ указывал:

„Некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают работников, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще своих кадров. Именно поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. А индивидуальный подход составляет главное дело в нашей организационной работе. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо они хватают их огулом, без меры, либо они избивают их также огулом, без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об „единицах“, об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас большая и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии.

Понятно, что троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства“.

В этом же решении пленума ЦК ВКП(б) сказано:

„Осудить практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе отдельных членов партии, об исключении из партии членов партии, или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Обязать партийные организации проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопроса об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии“.

В письме от 24 июня 1936 года „Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов“ ЦК ВКП(б) указывал на несерьезное, а в ряде случаев, бездушно-чиновническое отношение партийных органов к разбору апелляций исключенных из партии:

„Вопреки указаниям ЦК — говорится в этом письме — апелляции исключенных рассматриваются крайне медленно. Многие исключенные месяцами добиваются разбора поданных ими апелляций. Большое количество апелляций рассматривалось заочно, без всякой проверки заявлений апеллирующих, без обеспечения апеллирующим возможности дать подробные объяснения по поводу причин их исключения из партии.

В ряде районных партийных организаций был допущен совершенно нетерпимый произвол по отношению к исключенным из партии. Исключенных из партии за сокрытие социального происхождения и за пассивность, а не по мотивам их враждебной деятельности против партии и советской власти, автоматически снимали с работы, лишали квартир и т. п.

Таким образом партийные руководители этих парторганизаций, не усвоив по-настоящему указаний партии о большевистской бдительности, своим формально-бюрократическим отношением к рассмотрению апелляций исключенных при проверке партийных документов играли на-руку врагам партии“.

Как видно, предупреждающие указания местным партийным организациям были.

И все же, несмотря на это, многие парторганизации и их руководители продолжают формально и бездушно-бюрократически относиться к судьбам отдельных членов партии.

Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии.

Так например: ЦК КП(б) Азербайджана на одном заседании 5 ноября 1937 г. механически подтвердил исключение из партии 279 чел.; Сталинградский обком 26 ноября утвердил исключение 69 человек; Новосибирский обком 28 ноября механически подтвердил решения райкомов ВКП(б) об исключении из партии 72 человек; в Орджоникидзевской краевой партийной организации Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) отменила, как неправильные и совершенно необоснованные, решения об исключении из партии 101 коммуниста из 160 человек, подавших апелляции; по Новосибирской партийной организации таким же образом пришлось отменить 51 решение из 80; по Ростовской парторганизации отменены 43 решения из 66; по Сталинградской парторганизации—58 из 103; по Саратовской—80 из 134; по Курской парторганизации—56 из 92; по Винницкой—164 из 337 и т. д.

Во многих районах Харьковской области под видом „бдительности“ имеют место многочисленные факты незаконного увольнения с работы и отказа в предоставлении работы исключенным из партии и беспартийным работникам. В Змиевском районе в октябре и ноябре 1937 г. беспричинно сняты с работы 36 учителей и намечено к увольнению еще 42. В результате, в школах сел Тарановка, Замостяжное, Скрыпаевка и других не преподают историю, Конституцию СССР, русский, украинский и иностранные языки.

В г. Змиеве в средней школе преподавала биологию учительница Журко, 1904 года рождения, дочь колхозника, имеющая 8-летний педагогический стаж, заочница 4 курса пединститута. В местной газете появилась заметка о ее брате, работающем педагогом в г. Изюме, как о националисте. Этого оказалось достаточным для увольнения Журко с работы. В связи с увольнением т. Журко было выражено политическое недоверие ее мужу и поднят вопрос также и о его увольнении. При проверке же выяснилось, что заметка о брате Журко оказалась клеветнической и он с работы не снимался.

В г. Харькове по делу одной арестованной троцкистки Горской органами НКВД была допрошена в качестве свидетельницы работница

завкома фабрики им. Тинякова Эйнгорн. О своем вызове в НКВД она поделилась с начальником спецчасти Семеновым, который немедленно после этого поставил на парткоме завода вопрос о связях Эйнгорн с троцкисткой Горской. В результате, Эйнгорн была снята с работы в завкоме и уволена. Муж сестры Эйнгорн, работавший в редакции местной газеты, уволен за то, что „не сообщил о связях сестры его жены с троцкистами“.

Курский обком ВКП(б) без всякой проверки, заочно исключил из партии и добился ареста члена партии пред. завкома Дмитро-Тарановского сахарного завода Иванченковой, приписав ей сознательную контрреволюционную подготовку выступления беспартийного рабочего Кулиниченко на предвыборном собрании в Верховный Совет СССР. При проверке установлено, что вся „вина“ Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиниченко, после того, как рассказал о своей жизни, сбился в выступлении и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного Совета.

Во многих районах Куйбышевской области исключено из партии большое количество коммунистов с мотивировкой, что они являются врагами народа. Между тем, органы НКВД не находят никаких оснований для ареста этих исключенных из партии. Например, Больше-Черниговский райком ВКП(б) исключил из партии и объявил врагами народа 50 человек из общего количества 210 коммунистов, состоящих в районной парторганизации, в то время, как в отношении 43-х из этих исключенных органы НКВД не нашли никаких оснований для ареста. В партколлегию ЦК при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области являются многие исключенные райкомами ВКП(б), как враги народа, с требованием либо их арестовать, либо снять с них позорное клеймо.

ЦК ВКП(б) располагает данными о том, что такие факты имеют место и в других парторганизациях.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все эти и подобные им факты имеют распространение в парторганизациях прежде всего потому, что среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.

Такой карьерист-коммунист полагает, что раз на члена партии подано заявление, хотя бы неправильное или даже провокационное, он, этот член партии, опасен для организации и от него нужно избавиться поскорее, чтобы застраховать себя, как бдительного. Поэтому он считает излишним объективно разбираться в предъявленных коммунисту обвинениях и заранее предпринимать необходимость его исключения из партии.

Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с легкостью вопит на партсобраниях об исключении членов партии из партии на каком-либо формальном основании, или вовсе без основания. Партийные же организации нередко идут на поводу у таких крикунов-карьеристов.

Такой карьерист-коммунист безразлично относится к судьбам членов партии и готов заведомо неправильно исключить десятки коммунистов из партии для того, чтобы самому выглядеть бдительным. Он готов по маловажным проступкам исключить членов партии из партии с тем, чтобы приписать себе „заслуги“ в разоблачении врагов, а, если

вышестоящие партийные органы восстанавливают неправильно исключенных из партии, он ни мало не смущается, становится в позу человека, довольного тем, что он во всяком случае перестраховался насчет „бдительности“.

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы сорвать маску фальшивой бдительности с таких „коммунистов“ и вывести их на чистую воду, сами нередко создают им ореол бдительных борцов за чистоту рядов партии.

Пора разоблачить таких с позволения сказать коммунистов и заклеить их, как карьеристов, старающихся выслужиться на исключениях из партии, старающихся перестраховаться при помощи репрессий против членов партии.

Известно, далее, немало фактов, когда замаскированные враги народа, вредители-двурушники в провокационных целях организуют подачу клеветнических заявлений на членов партии и под видом „развертывания бдительности“ добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии.

Разоблаченный враг народа, бывший зав. ОРПО Ростовского обкома ВКП(б) Шацкий и его сообщники, пользуясь политической близорукостью руководителей Ростовского обкома ВКП(б), исключали из партии честных коммунистов, выносили заведомо неправильные взыскания работникам, всячески озлобляли коммунистов, делая в то же время все возможное, чтобы сохранить в партии свои контрреволюционные кадры.

В том же Ростове бывший зав. отделом школ Ростовского обкома ВКП(б) враг народа Шестова по заданию контрреволюционной организации провела в партийной организации Ростовского педагогического института исключение из партии около 30 честных коммунистов.

Бывший секретарь Киевского обкома КП(б)У, враг народа Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с провокационным вопросом: „А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?“. В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации, причем большинство заявлений оказалось явно неправильным и даже провокационным.

Разоблаченное ныне вражеское руководство Баррикадного райкома ВКП(б) гор. Сталинграда провокационно исключило из партии и добилось ареста члена партии с 1917 года Мохнаткина, бывшего красного партизана, начальника одного из крупнейших цехов завода „Баррикады“ за „антисоветские разговоры“. Как выяснилось в результате проверки, эти „антисоветские разговоры“ выражались в том, что т. Мохнаткин в беседе с товарищами высказывал недовольство по поводу бездушного отношения сельсовета к детям павшего в бою с белыми, в годы гражданской войны, командира партизанского отряда, в котором Мохнаткин был помощником командира. Тов. Мохнаткин восстановлен в правах члена партии только после вмешательства КПК при ЦК ВКП(б).

Такие факты провокационной работы врагов партии, пробравшихся в партийный аппарат, имели место также в Воронежской, Краснодарской, Челябинской и в других партийных организациях.

Все эти факты показывают, что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бди-

тельности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партий—это во-первых,—и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий—перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах.

Такой замаскированный враг—злейший предатель—обычно громче всех кричит о бдительности, спешит как можно больше „разоблачить“ и все это делает с целью скрыть свои собственные преступления перед партией и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительных врагов народа.

Такой замаскированный враг—гнусный двурушник—всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа.

Такой замаскированный враг—подлый провокатор—в тех случаях, когда парторганизация начинает проверять поданное на коммуниста заявление, всячески создает провокационную обстановку для этой проверки, сеет вокруг коммуниста атмосферу политического недоверия и тем самым, вместо объективного разбора дела, организует на него поток новых заявлений.

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы вскрыть и разоблачить провокационную работу такого замаскированного врага, нередко идут у него на поводу, создают ему обстановку безнаказанности за клевету на честных коммунистов и сами встают на путь массовых необоснованных исключений из партии, наложений взысканий и т. п. Больше того, даже после разоблачения врагов, пробравшихся в партийный аппарат и клеветующих на честных коммунистов, наши партийные руководители часто не принимают мер к ликвидации последствий вредительства в партийных организациях в отношении неправильных исключений коммунистов из партии.

Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага, пробравшегося в наши ряды и старающегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу.

Чем объяснить, что наши партийные организации до сих пор не разоблачили и не заклемили не только карьеристов-коммунистов, старающихся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, но и замаскированных врагов внутри партии, старающихся криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохраниться в партии, старающихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры и посеять излишнюю подозрительность в наших рядах?

Объясняется это преступно-легкомысленным отношением к судьбе членов партии.

Всем известно, что многие наши партийные руководители оказались политически-близорукими делягами, позволили врагам народа и карьеристам обойти себя и легкомысленно отдали на откуп второстепенным работникам разрешение вопросов, касающихся судеб членов партии, преступно устранившись от руководства этим делом.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и их руководители не только не исправляют антипартийную, чуждую большевизму практику в деле исключения коммунистов из партии, но часто сами, своим неправильным

руководством, насаждают формальное и бездушно-бюрократическое отношение к членам партии и тем самым создают благоприятную обстановку для карьеристов-коммунистов и замаскированных врагов партии.

Не было ни одного случая, чтобы обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, разобравшись в деле, осудили практику огульного, валового подхода к членам партии, привлекли к ответственности руководителей местных партийных организаций за необоснованное и неправильное исключение коммунистов из партии.

Руководители партийных организаций наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии — на руку врагам партии.

Во многих областных и краевых организациях лежит без всякого движения большое количество нерассмотренных апелляций. В Ростовской области не рассмотрено более 2500 апелляций, в Краснодарском крае — 2000, Смоленской области — 2300, Воронежской области — 1200, Саратовской области — 500 и т. д.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, отказавшись от рассмотрения апелляций исключенных, превратили, вопреки уставу партии, решения райкомов и горкомов ВКП(б) по этому вопросу в безапелляционные и окончательные решения.

Все это означает, что обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий по существу устранились от руководства деятельностью местных партийных организаций в самом важном и остром вопросе, в вопросе о судьбах членов партии, предоставив решение этого вопроса самотеку, а часто и произволу.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий сами поощряют практику массовых, огульных исключений из партии тем, что оставляют безнаказанными тех партийных руководителей, которые допускают произвол в отношении коммунистов.

Пора покончить с чуждым для большевиков формальным и бездушно-бюрократическим отношением к людям, к членам партии.

Пора понять, что:

„Партия стала для члена партии очень большим и серьезным делом и членство в партии или исключение из партии — это большой перелом в жизни человека“.

Пора понять, что:

„Для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии, — это вопрос жизни и смерти“ (Сталин).

Пора понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы уметь разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, в какую бы тогу он не рядился, а не в том, чтобы без разбора, или „на всякий случай“ исключать десятками и сотнями из партии всех, кто попадется под руку.

Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а наоборот предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) считает важнейшим условием успешного разрешения этой задачи — ликвидацию без остатка антипартийной практики огульного, неиндивидуального, валового подхода к людям, к членам партии.

Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и все партийные организации решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии и установить на деле индивидуальный, дифференцированный подход при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

2. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов и допускают произвол по отношению к членам партии.

3. Предложить обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий и партколлегиям КПК при ЦК ВКП(б) в трехмесячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии.

4. Обязать все партийные комитеты в своих постановлениях об исключении коммунистов из партии ясно и точно излагать мотивы, послужившие основанием к исключению, чтобы вышестоящие партийные органы имели возможность проверить правильность этих постановлений, а каждое такое постановление райкома, горкома, обкома или ЦК нацкомпартии обязательно публиковать в печати.

5. Установить, что партийные органы, восстанавливая в правах членов партии, неправильно исключенных местными парторганизациями, обязаны в своих постановлениях точно указывать какой райком, горком ВКП(б) должен выдать восстановленному в партии партийные документы.

6. Обязать райкомы, горкомы партии немедленно выдавать партийные документы восстановленным в партии, привлекать их к участию в партийной работе и разъяснять всем членам первичных парторганизаций, что они отвечают за большевистское воспитание восстановленных в рядах ВКП(б).

7. Обязать партийные организации привлекать к партийной ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии, полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы.

8. Запретить парторганизациям заносить в учетную карточку коммуниста факт исключения его из партии до рассмотрения апелляционной жалобы и вынесения окончательного решения об исключении.

9. Запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой ими должности.

Установить, что во всех случаях, когда оказывается необходимым, в связи с исключением из ВКП(б), освободить работника от занимаемой должности, это освобождение можно производить только после предоставления ему другой работы.

10. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий не позже чем к 15 февраля 1938 г. обеспечить через соответствующие советские и хозяйственные органы поступление исключенных из ВКП(б) на работу и впредь не допускать такого положения, чтобы исключенные из ВКП(б) оставались лишенными работы.

ВОЗГЛАВИТЬ СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Постановление ЦК ВКП (б) от 28 декабря 1937 года по поводу „обращения стахановцев фабрик и заводов Москвы и Московской области“ имеет исключительное значение в дальнейшем развитии стахановского движения и показывает образец сталинского конкретного большевистского руководства. Это постановление предупреждает от ошибок и указывает на правильный путь дальнейшего подъема этого замечательного движения.

Стахановское движение является новым, высшим этапом соцсоревнования, демонстрирующего образцы высокой производительности труда,

„которую может дать только социализм и чего не может дать капитализм“. „Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну“.¹

За истекшие два года со времени Первого всесоюзного совещания стахановцев мы имеем гигантский рост стахановского движения по всей нашей стране.

Не мало ценных работников, дающих высокие образцы производительности труда, социалистического отношения к труду, выросло за последнее время и у нас.

На полярных станциях за последнее время развивается движение Куцеваловых. Тов. Куцевалов, гидролог полярной станции острова Четырехстолбового, помимо перевыполнения плана гидрологических работ обязался обработать непосредственно на зимовке собираемый научный материал, с тем чтобы сразу по приезде на материк сдать его в готовом виде. Тов. Куцевалов вызвал на соцсоревнование всех гидрологов и научных работников наших полярных станций.

Почин т. Куцевалова, нашедший горячий отклик работников значительного числа полярных станций, имеет большое значение. Ведь не секрет, что у нас имеется отставание камеральных работ, что нередко производятся повторные научные исследования лишь потому, что прежние исследования и наблюдения не обработаны.

Приняв вызов т. Куцевалова, ряд полярников прислал свои обязательства. Так, работники полярной станции Варнек обязались сверх

¹ Сталин, Из речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев.

плана провести 15-суточную гидрологическую станцию и составить альбом ледовых образований (в 1937/38 году) пролива и бухты.

Зимовщики полярной станции острова Котельного, несмотря на сокращение одного метеоработника, обязались выполнить работу в прежнем объеме. Подобные обязательства взяли на себя работники полярных станций на Амдерме, Диксоне, мысе Столбовом, мысе Шелагском и других, и не только взяли, но и выполняют их. Во время известных перелетов на Северный полюс и через полюс в США работники полярных станций показали образец стахановской работы. Радио- и метеослужба работали четко.

Прекрасных стахановцев вырастили наши оленеводческие и овощно-животноводческие совхозы, рыболовецкие артели. Особенно следует выделить пастуха Индигского оленсовхоза Николая Семеновича Носкова и пастуха Ненецкого оленсовхоза — Петра Григорьевича Хатанзейского, которые добились большого прироста стада, увеличения веса оленей и уменьшения яловости важенков до минимума.

Прекрасно работают доярка А. И. Гутилина и телятница П. П. Кузьмина (Мурманский совхоз), добившиеся перевыполнения плана по удою, сохранению телят. У Кузьминой совершенно нет падежа. Комбайнер Петр Минеев (совхоз Таежный) при плане в 160 га снял урожай с 379 га.

На Тобольской судовой верфи рабочий т. Патрин выполнил 320% нормы, рабочий Ригин 310%, Забануев — 410%.

В Красноярском затоне слесаря тт. Пантелеев и Хорошев выполнили 203% нормы, а токарь т. Черненко на 238%. В Красноярских ремонтных мастерских т. Лихон систематически выполняет 2 нормы.

Стахановское движение охватило широкие круги национального населения Крайнего Севера. И на острове Врангеля, и на Чукотке, и в Таймырском, Ненецком и в других национальных округах Крайнего Севера — везде многие националы-охотники стали в первые ряды стахановцев тундры.

Среди охотников-националов выделяются охотники-ханты тт. Молдинов, Амэков, Аногас, выполняющие план охоты на 150% с лишним, охотники Кмо и Нанаун на Врангеле.

Ряды стахановцев растут среди рабочих рудников Амдермы и Шпицбергена, рабочих строительства Мурманского завода, среди речников, моряков, летчиков и научных работников.

На угольном руднике Баренцбурга (Шпицберген) т. Кравченко и Шолохов, старые зимовщики-стахановцы, 25 декабря 1937 года выдали нагоря 123 вагона угля, т. е. выполнили свою программу на 626%.

Но имеющимися результатами мы не можем удовлетвориться.

Стахановцев было бы еще больше, если бы стахановское движение было окружено у нас заботой и вниманием со стороны хозяйственных и партийных руководителей. Но в том-то и дело, что на ряде наших предприятий (строительство Мурманского завода, Архангельская мехмастерская, горные предприятия и т. д.) хозяйственники, инженерно-технический персонал не поняли великого исторического значения стахановского движения. Они не только не возглавили его, как этого требуют партия и товарищ Сталин, а наоборот, отгородились от него, свалив задачу его организации и руководства на плечи одних профсоюзных организаций.

В результате рекорды отдельных стахановцев, прекрасный почин ударников и рядовых рабочих пока не получили еще массового рас-

пространения. Многие хозяйственники, инженеры и техники не поняли того, что стахановское движение отнюдь не исчерпывается высокой производительностью труда отдельных одиночек, отдельными рекордами. Стахановские рекорды нужны и полезны как отдельные примеры, показывающие, какие огромные возможности роста производительности труда таятся при умелой организации труда, когда техника используется до дна. Однако решает вопрос массовость стахановского движения, быстрая передача опыта одиночек всей массе рабочих.

„Командиры производства с охотой подготавливают рекорды одиночек, но кропотливой, повседневной работы по распространению стахановского опыта частенько не ведут. Подготовить рекорд для одного человека и затем прошуметь — на это у нас многие хозяйственники способны. А вот объяснить всем рабочим, как работает стахановец, применить на всех станках стахановские приспособления, подготовить как следует все рабочие места... этого еще многие наши хозяйственные руководители, к сожалению, не делают. И в этом причина того, что, несмотря на выдающиеся и исключительно высокие рекорды одиночек, у нас еще нет стахановских заводов, т. е. таких предприятий, которые бы в целом удвоили — утроили выпуск продукции благодаря применению стахановских методов, благодаря повышению производительности труда“. („Правда“ от 28 декабря 1937 года.)

В своем постановлении от 28 декабря ЦК ВКП(б) указал:

„Нельзя считать правильным наименование предполагаемого стахановского месячника „сталинским месяцем стахановских рекордов“, так как всякий недельник или месячник стахановского движения должен касаться всех стахановцев, а не только рекордсменов, работа которых охватывает лишь самую незначительную часть стахановского движения, при этом расширение рядов стахановцев в период недельника или месячника должно считаться одной из важнейших задач“...

Центральный Комитет партии считает важнейшей задачей — расширение рядов стахановцев, массовость стахановского движения. Организовать надо не только рекордсменов, но и всех стахановцев.

Организация и руководство стахановским движением на наших предприятиях требуют навести большевистский порядок и крепкую дисциплину на производстве, хорошо готовить рабочее место и снабжать рабочих необходимым материалом, инструментом, чтоб ликвидировать всякие ненужные простои, срывающие стахановскую работу.

Токарь-стахановец механической мастерской (Архангельск) т. Ваенский пишет в „Арктической Звезде“ (№ 173, от 30 декабря 1937 года): „Производственные задания мною выполняются до 200—250 процентов. Но бывает, что я выполняю и меньше. Это можно объяснить отсутствием материалов и инструментов. Часто приходится самому искать материал. Его можно и не найти, обыскав всю мастерскую“.

Без большевистского порядка отдельные рекорды стахановцев повиснут в воздухе, не смогут быть закреплены и таким образом не смогут дать производственного эффекта. Без наведения большевистского порядка стахановские рекорды одиночек не могут быть переданы другим рабочим, и все смахивает скорее на „штурмовщину“, осужденную

нашей партией, чем на нормальный подъем производства в результате стахановского движения.

Необходимо иметь четкий план организации производственного процесса сверху донизу, по всем звеньям и участкам, ежедневный график работ, и не только иметь его, но, главное, драться за его точное выполнение и соблюдение.

Нам нужны не бумажные графики, красиво расчерченные и развешенные в директорских кабинетах, а графики — в действии, графики, доведенные до сознания каждого рабочего и служащего, за соблюдение которых все борются.

Стахановская работа означает требование „выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать“ (Сталин). Отсюда — правильная загрузка механизмов, планово-предупредительный их осмотр и ремонт, которые обеспечивают безаварийную работу.

Троцкистско-бухаринские шпионы и вредители, пролезшие в нашу систему, подрывая стахановское движение и мешая работать стахановцам, особенно пакостили в тарифном вопросе. Они запутывали нормы, систему зарплаты и сделали все для того, чтобы не было стимула для повышения производительности труда.

На строительстве Мурманского завода десятники, работающие на основных стройучастках, получают по 350—450 рублей, в то время как десятники обслуживающих отделов — по 750 рублей. В Архангельской мехмастерской господствует уравниловка. В связи с неразберихой в нормах стахановцы и нестахановцы получают одинаковую плату. В экспедициях Горно-геологического управления нет никакой сдельщины, и многие работники получают зарплату больше за зимовку, чем за конкретную работу. Отсюда задача — правильно нормировать, ввести систему зарплаты, стимулирующую рост стахановского движения. Наш новый ЦК Союза работников Севморпути должен возглавить это дело, быстро ликвидировать путаницу в нормах, расценках, путаницу, которой пользуются враг, лодырь, рвач.

Чтобы стахановское движение сделать действительно массовым, необходимо широко практиковать передачу опыта лучших стахановцев-одиночек всем рабочим. Для этого надо использовать лучших стахановцев в качестве инструкторов стахановских методов работы, организовать специальные кружки по изучению методов работы лучших стахановцев, широко обсуждать на производственных и технических совещаниях предложения стахановцев, опыт их работ и внедрить в производство то новое, что несут с собою стахановцы — эти новаторы нашего производства.

Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), товарищ Сталин разгромил гнилую теорию о том, что, мол, стахановское движение само перекроет последствия вредительства.

Товарищ Сталин говорил:

„Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей... Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций

вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?"

Партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители предприятий Главсевморпути должны всегда помнить эти указания товарища Сталина. Мобилизуя рабочие массы на борьбу за ликвидацию последствий вредительства, надо добиваться все большего и большего разветвления вширь и вглубь стахановского движения.

"... можно не сомневаться, — говорил товарищ Сталин, — что наши партийные организации возьмутся за это дело и помогут стахановцам преодолеть трудности".

Надо помнить и о другом указании товарища Сталина, об обуздании «упорствующих консерваторов из среды хозяйственных и инженерно-технических работников». Этот консерватизм надо беспощадно ломать, воспитывая на этом как рабочие массы, так и хозяйственно-технический персонал.

Разветвляющееся в настоящее время с новой силой стахановское движение среди работников нашей системы требует поощрения, неослабного внимания и заботы и, главное, руководства.

Руководство должно быть дифференцированным и оперативным. Не декретировать из кабинета всякие декадни, месячники, а вместе со всей массой работников хорошо к ним подготовиться.

И. П. ТРОФИМОВ

ПУШНОЗАГОТОВКИ БЕЗ РУКОВОДСТВА

Пушной отдел Главсевморпути призван руководить работой пушно-заготовительной сети и промыслово-охотничьих станций, обеспечить надзор за правильным ведением охотничьего промысла и соблюдением правил охоты на территории деятельности Главсевморпути. Эти задачи обязывают ко многому. Однако на сегодняшний день Пушной отдел не обеспечивает надлежащего руководства местами — краевыми и окружными конторами, не говоря уже о периферийных отделениях и стационарных заготовительных факториях.

Кадры Пушного отдела, расстановка их, явно не соответствуют поставленным перед отделом задачам. Имеющиеся в штате два инспектора по качеству, два охотоведа, один консультант по звероводству и один плановик почти не выезжают на места, поэтому их практическая помощь не ощущается. В основном все они занимаются лишь разработкой различных инструкций и проектов постановлений, согласовывают между отделами Главсевморпути и другими организациями вопросы заготовок и финансирования, получают контрольные цифры по заготовкам и спускают их теруправлениям, получают из теруправлений отчеты и составляют по ним сводки.

Как видно, в Пушном отделе нет ни одного оперативного работника, который обеспечивал бы выполнение основных плановых вопросов: руководство контракцией охотников, организация снабжения охотни-

ков боеприпасами, расчеты с охотниками, оперативное руководство и помощь в выполнении заготовительного плана и т. д.

Помощь центрального Пушного отдела за период с 1935 по 1937 год выразилась в посылке одного инструктора в Якутию (1935) и в посылке (1936—1937) в Якутскую контору и на Островное хозяйство двух инспекторов по качеству.

Таким образом за два с лишним года на места ездили только два инспектора по качеству, которые охватили своим инструктажем лишь 21 пункт из 437 пушнозаготовительных и промысловых точек. Центральный Пушной отдел не руководит и не имеет непосредственной связи с основными производственными и заготовительными точками (20 районных отделений, 278 стационарных факторий, 20 производственно-охотничьих и промыслово-производственных станций, 5 звероферм, 1 зверосовхоз и 113 разъездных факторий и производственных участков — ПОС). Поэтому немудрено, что за два с лишним года почти не проведено существенных изменений в промысловых орудиях.

Снабжение охотников орудиями лова и охотбоеприпасами поставлено из рук вон плохо.

Впервые в 1937 году были заказаны для таймырских охотников 4600 штук корыто-пастей, которые завезли в Дудинку, а дальше в промысловые участки они не попали; следовательно, производственного эффекта в ближайшее время они не дадут. Не говоря уже о более крупных усовершенствованиях орудий лова, центральный Пушной отдел не сумел даже обеспечить переброску конского волоса для насторожек, промышленники были вынуждены поэтому применять суровые нитки, которые, не имея качеств конского волоса (способного не принимать на себя инея), снижают добычу.

Систематически недозавозятся на места: материал для палаток, железные печи, охотбоеприпасы, свечи и т. д. Например стахановец-якут т. Спиридонов заявляет:

„Нам каждый год обещают, что будет все, а, как правило, или мало дают, а то и совсем ничего... Охотники очень недовольны снабжением в первом и втором кварталах 1937 года. Хорошего снабжения не было уже с 1932 года. Если бы нас полностью снабжали, разве мы бы столько добывали? Мы больше ездим и ищем снабжение, чем охотимся. Охотник без палатки и железной печи в такие морозы не может охотиться. Сидя на одном месте, много ли вокруг себя убьешь? Очень нужны свечи, без которых вечером или ночью нельзя хорошо снять шкурку или провести массовую работу среди охотбригады. Нет тозовских патронов... Дайте нам полное снабжение, тогда мы дадим пушнины столько, сколько еще не давали никогда“. (Из протокола слега охотников-стахановцев.)

Такие требования охотников можно слышать почти повсеместно на Крайнем Севере.

Пушной отдел фактически не занимается организацией охотбригад и стахановского движения. Охотники-промышленники (Анабара, Алланхи, Булуна, Эвенкии, Ямала и др.), имея производственные возможности ловли песца на 5—6 тыс. руб., заключают договора на 1—2 тыс. руб., тем самым заранее страхуют себя на перевыполнение договора и получение звания стахановца. Наряду с этим действительные стахановцы остаются в тени, забота о них отсутствует. Например, ходатайство районных организаций о премировании домом (для перевода на оседлую жизнь) одного из инициаторов стахановского движения на севере Якутии т. Шемякова (ныне депутат Верховного Совета СССР), систематически перевыполняющего план (400—430%), до сих пор маринуется в Пушном отделе. Ссылаясь на неправильное использование премиальных фондов

бывшими начальниками Архангельского и Якутского теруправлений (ныне разоблаченные враги народа), начальник Пушного отдела т. Ломакин централизовал премиальные фонды, тем самым лишив теруправления возможности во время отмечать лучших охотников.

В практике работы на местах нередко случаи обсчета охотников, о чем Пушной отдел узнает, как правило, последним. Например, в Якутский центральный пушной склад поступает пушмехсырье со всех северных районов Якутии, где проводится пересортировка. Сданная охотником пушнина обезличивается. Воспользовавшись правом установления цен на принятое пушмехсырье, Якутская база систематически снижала цены на принятые в районах шкурки, Иркутская база, проводя пересортировку этих же самых шкур, приняла их по значительно повышенной цене, чем она была указана Якутской базой. На этой операции пушконтора Якутского теруправления получила „прибыль“ в первом и втором кварталах 1937 года около 500 тыс. руб. Аналогичный случай был в Эвенкийском национальном округе, где тоже из-за обсчета охотников при приеме белок Игарская пушзаготконтора получила „прибыль“ 416 тыс. руб.

Нередки случаи, когда стахановцы-кредиторы в пушных конторах, ввиду запутанности учета и отчетности, оказывались „должниками“ (Барабанский, Сыроватский и др.). Некоторые районные пушзаготконторы еще не оплатили охотникам за принятую от них в 1936/37 году пушнину (Аллаиха, Усть-Янск, Булун, Анабар, Хатанга и др.).

Неповоротливость центрального аппарата Пушного отдела видна и на других примерах. При наличии в штате двух охотоведов и специалиста по звероводству допустили в 1937 году падеж щенят серебристых чернухурих лисиц и очень большой процент стерильности (без приплода). Например, в Туруханской звероферме из 170 щенят пало 69, или 40%, приплода, а в Саккырырской звероферме не дали приплода в 1937 году (стерильность) 45% из общего числа 29 маток.

В районах и кочевых сельсоветах совершенно отсутствуют помещения для заготовительной сети и складов. Заготовку пушнины производят в непригодных (временных) помещениях, сырых тордохмах (чумах)— все они плохо защищены от снега и дождя, часто внутри этих помещений снежные сугробы. Это зачастую влечет за собой порчу пушмехсырья и других ценностей (Омолуй, Батагай, Туринск, Туман и др.).

Пушным отделом до сих пор не издан даже техминимум для работников факторий (дело тянется полтора года), не разработано положение о пушных конторах и периферийной сети. Отдел не помогает низовкам в вопросе финансирования и не знает их повседневных нужд и запросов.

* * *

Пушной отдел Главсевморпути не знает действительного положения с низовыми кадрами на периферии, учет хотя бы руководящих работников периферии отсутствует. Между тем на этом участке явно неблагополучно.

Это видно хотя бы из следующего примера. Якутская пушнозаготовительная контора дает б. начальнику Южносаккырырского ПОСа некоему Сосновскому такую аттестацию: „Сосновский Г. Г. хороший хозяйственник, оперативник, работает в ПОС с 1932 г., производственная охотничья станция под его руководством пользуется большим авторитетом среди населения“ (специальное донесение от 8 апреля 1937 года). Однако спустя четыре месяца подписывается приказ об отдале под суд

Сосновского на следующем основании: „Сосновский махровый великодержавный шовинист, производственная работа протекала у него само-теком, сорвал строительство вольеров для отсадки молодняка (щенят), снижал племенное звероводство, распространял картежную игру, развивал пьянство, драки, доходившие до убийства“.

Засоренность аппарата чуждыми элементами, проходимцами и случайными людьми налицо. В Анабарской районной пушной конторе работает в должности бухгалтера беспробудный пьяница Смирнов, который запутал учет и отчетность, а также расчеты с охотниками, систематически проявлял великодержавный шовинизм. Там же работает пушником отделения некто Минин (ранее вычищенный по чистке сов-аппарата), который к работе относится халатно, занимается рвачеством. В Саскылахской фактории работает некий Румянцев, бывший растратчик.

В Обдорской пушной конторе аппарат также сильно засорен. Там вы найдете колчаковского офицера Артёмьева, отъявленного бандита Рогачева, кулака Томилина и др., которые производили растраты, систематически обсчитывали националов, похищали материалы, допускали самоуправство (фактории Щучье, Яда, Антипаюта, Тамбей, Се-яга, Янги-юган и др.).

Аппарат Пушного отдела не руководит развитием пушного хозяйства, работой заготовительной сети, промыслово-охотничьими станциями, зверсфермами, а также не обеспечивает надзора за правильным ведением охотничьего промысла.

Работники Пушного отдела обязаны в ближайшие же дни перестроить свою работу. Работой на местах надо руководить конкретно и оперативно.

ИЗВЛЕЧЬ УРОКИ

(Архангельский политотдел)

Архангельский политотдел имел больше чем достаточно указаний для того, чтобы коренным образом перестроить свою работу. Однако политотдел до последнего времени не обеспечивал руководства первичными партийными организациями (теруправление, морской отдел, заготснабконтора и др.). Работа политотдела сводилась к заседательской суетне. С 13 августа 1936 года по 13 октября 1937 года проведено 65 различных партийно-комсомольских и профсоюзных собраний-заседаний. Однако качество этих собраний, судя по большинству обсуждаемых вопросов и выступлений, очень низкое.

В морском отделе с февраля по декабрь 1937 года проведено было 22 общих закрытых партсобрания, на которых рассмотрено 60 вопросов, из них 30 — разбор проступков коммунистов (50% всех рассмотренных вопросов). Партийная организация морского отдела составляет 34 чел., а привлечено было к партийной ответственности 19 чел., что составляет 56% от всей организации. Причем одни и те же проступки одних и тех же коммунистов разбирались иногда по 5—6 раз.

С февраля по ноябрь 1937 года было проведено 18 заседаний партийного комитета. На этих заседаниях рассмотрен 51 вопрос, из них 43% — проступки отдельных членов ВКП(б).

Практика разбора некоммунистических поступков коммунистов занимает большое место в повестке дня обсуждаемых вопросов и в других первичных парторганизациях. Например, первичные организации заготовснабконторы за 3 месяца рассмотрели 12 дел, что составляет 43% всех рассмотренных вопросов, а в теруправлении за 2 месяца разобрано 8 дел коммунистов, что составляет 63% всех рассмотренных вопросов.

Дело доходило до того, что партийные организации задерживались на разборе одного дела по 40—60 часов (дело Данилкина, Бредиса, Мартисова и др.) и все же оставляли этих „коммунистов“ в рядах ВКП(б), хотя, судя по материалам, они давно поставили себя вне рядов партии.

Архангельский политотдел (бывшие начальник Н. А. Иванов и зам. начальника А. А. Кулаков) проглядел, что враги народа умышленно пытались толкнуть партийную организацию на путь показной бдительности, чтобы скрыть, замаскировать свою подрывную работу против партии.

На кустовых партсобраниях обсуждался ряд больших политических вопросов, как, например, решение февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) и доклад товарища Сталина на этом Пленуме; постановление ЦК ВКП(б) о возобновлении приема в партию; Положение о выборах в Верховный Совет СССР; о некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок; отчет о работе Архангельского политотдела и др. Но и эти вопросы обсуждались формально. Парторганизация в целом и политотдел не сделали надлежащих партийных выводов. Поэтому своевременные сигналы о пролезших в теруправление врагах народа не были своевременно использованы для их разоблачения.

Так, на закрытом партсобрании от 20 июня 1937 года член партии В. Кулаков указывал на антисоветские действия некоего Матвеева (бывшего белого офицера), а также на вредительские действия в механической мастерской Данилкина, сознательно затягивавшего ремонт „Малыгина“. Там же говорилось о наличии в морском отделе антисоветских элементов. Там же член партии Ковзун указывал на исключительно плохую дисциплину в механической мастерской.

Во время доклада о работе политотдела (11 мая 1937 года) указывалось на политическую беспечность парторганизации, на большие убытки сельхозотдела, на засоренность кадров совхозов, на вредительскую деятельность Чистякова, Попова, Сергеева и др. Были также сигналы о конкретных виновниках аварий на ледоколах. Отмечалось, что политотдел не обращает внимания на судоверфь, куда был послан директором троцкист Клинов.

В политотдел, в частности к бывшему начальнику Иванову, поступали сигналы как от первичной парторганизации, так и от отдельных коммунистов о вредительской деятельности Чистякова, Клинова, Бредиса, Мартисова и др. Однако Иванов не воспользовался этим для разоблачения врагов народа, он ограничился лишь писанием докладных записок Политуправлению.

Партийная организация судоверфи еще в декабре 1936 года сигнализировала в политотдел о вредительской деятельности начальника Клинова, технорука Рыбникова, но политотдел никаких мер не принял. В феврале 1937 года парторганизация вновь ставила перед политотделом вопрос о снятии хозяйственного и технического руководства судоверфи, но и это требование парторганизации осталось без внимания.

Лишь только спустя большой промежуток времени были исключены из партии и разоблачены Чистяков, Горшков, Прищепа.

Таких примеров можно было бы привести большое количество. Политотдел смазывал все эти вопросы, не поднимал их на должную политическую высоту. Первичные парторганизации и политотдел, проводя бесчисленное множество собраний и заседаний, не боролись за реализацию своих решений, решения поэтому оставались на бумаге.

Партийно-комсомольские комитеты и политотдел ограничились формальной организацией партийно-комсомольского просвещения. Слушатели кружков комплектовались без учета их подготовки, в результате члены партии, изучающие историю ВКП(б) ряд лет, а также коммунисты, имеющие среднее образование (Кулаков, Порох, Григорьев), занимались в одном кружке с товарищами, изучающими историю партии впервые (Штебин, Никонов, Трапезников и др.). При комплектовании слушателей кружков не учитывалась их территориальная разбросанность. Например, коммунисты, живущие в Бакарицах, приезжают на учебу в город (морской отдел, заготснабконтора), тогда как, договорившись с территориальными организациями, они могли бы заниматься на месте в Бакарицах.

Неблагополучно с пропагандистами. Политическое лицо отдельных пропагандистов вызывает серьезное сомнение. Состав пропагандистов менялся в течение 1937 года по несколько раз. Все это лихорадило партийно-комсомольскую учебу, снижало качество пропаганды, в результате посещение занятий слушателями не превышало 40—50%.

Отсутствие необходимых учебных пособий также резко сказывалось на качестве пропаганды. Отдел партпросвещения при Политуправлении Главсевморпути (т. Догмаров) мало руководил партийно-комсомольской учебой, особенно в части методических указаний и необходимой консультации.

В массовой политической работе, в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, партком и политотдел упустили основное—качество агитации—и поэтому не возглавили, как следует, возросшую политическую активность масс.

В практике работы первичных партийных организаций и политотдела критика и самокритика не были на должной высоте. Наблюдались случаи, когда за критику того или другого начальника отдела работникам снижали зарплату или увольняли с работы (Бахметов, Засолоцкий, Шадрин и др.). Бывший начальник политотдела Иванов фактически поддерживал „теорию“ врагов народа о якобы суженной демократии в нашей системе, заявляя, что „надо отбить охоту у парторгов писать донесения в политотдел, а заставлять работать самих“, или „заставим коммунистов иметь дело с вышестоящими парторганизациями только через политотдел“.

В работе политотдела преобладали метод командования и приказной системы руководства, отсутствие живой связи не только с широкой массой, но даже с отдельными коммунистами.

* * *

Политотдел не ставил вопросов о перестройке профсоюзной работы (особенно об укреплении трудовой дисциплины), заработной плате, руководстве стахановским движением. Такая „линия“ политотдела привела к тому, что до сих пор работа союза незаметна, а обком союза

не завоевал авторитета среди рабочих и хозяйственников. Обком союза не только плохо занимается организацией стахановского движения и соцсоревнования, но не проявляет заботы об удовлетворении элементарных законных прав и интересов трудящихся.

Враги народа не мало навредили в хозяйстве Архангельского теруправления. Однако это оставалось незамеченным профсоюзом.

В чем выразилась подрывная работа врагов народа?

Пользуясь политической беспечностью, они создали во всех цехах и отделах Архтеруправления бесплановость в работе, всячески пытались обставить дело так, чтобы в этой неразберихе, порождаемой бесплановостью, не были замечены их вражеские махинации. Борьба за конкретное выполнение производственных задач была дезорганизована, стахановское движение находилось в загоне, совершенно бесконтрольно разбазаривались средства, время и материалы. Игнорировались материально-бытовые интересы рабочих. Рабочие-грузчики в дождливую осень жили в палатках и неотапленном доме, у них не было места, где бы можно было просушить одежду и обогреться.

Было много случаев, когда трудящийся, уходя в отпуск, не получал отпускных денег. Люди фактически проводили отпускное время не на отдыхе, а в коридорах теруправления и его отделах в ожидании денег. Немало случаев, когда администрация заставляла работать в выходные дни, а расчет оплаты производила через 3—4 месяца, и то после решения РКК. В механической мастерской судоверфи, в транспортном секторе и др. участках систематически задерживалась зарплата, иногда даже по нескольку месяцев. Вражеские элементы систематически пытались вызвать этим недовольство рабочих.

Обо всех этих безобразиях знал и центральный аппарат Главсевморпути, но сколько-нибудь существенных мер не принял. Напротив, своими директивами финансовый отдел (Балагул, Здравяк) и морской отдел (Геци) запутывали и без того запутанное дело. Например, 1 апреля 1937 года по судоремонту морского отдела утверждено 4270 тыс. руб. Однако вторым распоряжением, от 13 июля, расходы по судоремонту были снижены до 4152 тыс. руб., причем по трансфинплану Главсевморпути намечены были ассигнования на оборудование судов 1500 тыс. руб., а в расшифровке, приложенной к трансфинплану, эти ассигнования выпали. Трансфинплан утвержден лишь только 13 июля 1937 года, и работа фактически первое полугодие шла без плана. Таким образом в момент утверждения трансфинплана Архангельский морской отдел уже перерасходовал по ремонту судов 730 тыс. руб. плюс к этому оплаченные счета по покупке оборудования на сумму 487 тыс. руб. Это было известно как морскому управлению, так и финансовому отделу Главсевморпути, однако серьезных мер пресечения этих незаконных действий не было принято. Таких примеров финансовой запутанности можно было бы привести много и по другим отделам.

Работники Архангельского политотдела и теруправления должны извлечь отсюда соответствующие уроки. Надо не на словах, а на деле развернуть самую решительную борьбу за ликвидацию последствий вредительства.

ПОСЛЕДСТВИЯ СЛУЧАЙНОГО ПОДБОРА ЛЮДЕЙ

Члены партии и кандидаты Севморпути, работающие непосредственно в окружном центре Чукотки и в поселке Севморпути в Анадыре, являются большим отрядом среди партийных организаций Севморпути и местных партийных организаций Чукотского национального округа. Парторганизация Севморпути и Анадырский политотдел призваны быть передовым отрядом в проведении ленинско-сталинской национальной политики: систематически доводить до национального чукотского населения, а также зимовщиков и сезонников все важнейшие мероприятия партии и правительства; перестроить партийную работу в соответствии с решениями февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) и указаниями товарища Сталина; организовать партийно-политическую жизнь так, чтобы обеспечить все условия коммунистам в работе над повышением своего идейно-политического уровня; организовать большевистскую критику и борьбу с последствиями вредительства в области рыбозаготовок и советской торговли; решительно провести очищение аппарата Чукотского треста и контор от шпионо-вредительских элементов.

Все эти вопросы имеют огромное значение. Однако нужного оживления в жизнь анадырской парторганизации политотдел не внес.

Врид. начальника политотдела Чичурина прибыла на Чукотку во главе своих родственников, которые были расставлены на различные участки работ. Эти родственники в большинстве своем оказались людьми, не способными на творческую и положительную работу. В результате непартийных методов руководства со стороны Чичуриной — грубость, окрики, отсутствие правильного понимания политических задач в деле освоения Чукотского полуострова, неудовлетворительная массово-политическая работа, отсутствие борьбы по ликвидации последствий вредительства, — политотдел по существу не оправдал себя.

Первичные партийные организации были явно небоеспособны. Например, первичная партийная организация при пушноторговой конторе за весь 1937 год собралась на партийное собрание только один раз, на этом собрании обсуждены вопросы — отчет парторга и перевыборы парторга. Никаких других вопросов коммунисты этой организации не обсуждали. Между тем, эта парторганизация не могла не видеть, что в советской торговле на Чукотке имеют место прямое вредительство и искажения советской политики цен.

Товары, развезенные по факториям Чукотки в 1937 году, не были обеспечены строго проверенными рейскурантами. Последние никем не утверждались и не контролировались. В результате допущено преступление в ценообразовании, частично выявленное при проверке цен на товары, засланные в фактории, и на товары, имеющиеся в Анадыре. Например, мужские сапоги продавались на факториях по 185 р. 70 к., а в Анадыре — по 111 р. 90 к. Аналогичная картина и с другими товарами — кастрюли, мыло, мед, мука и т. д. Из этого видно, что цены на товары в самом Анадыре, где сосредоточено русское население, были значительно ниже цен в национальных районах. Это есть прямое извращение политики партии в области торговли с целью вызова недовольства среди национального населения. Вредительскую „политику“ проглядели коммунисты, работающие в торговой конторе, во

главе с помполитом Афониным. Этого не заметил и Анадырский политотдел.

Несмотря на разоблачение вредительства во Владивостокском теруправлении, политотдел не сделал из этого факта соответствующего вывода и не прекратил безобразий в области советской торговли.

Ликвидированы ли эти вредительские последствия на сегодня? Нужно прямо сказать, что еще нет. Кое-что начали делать в этом направлении, но, очевидно, ни Владивостокское теруправление, ни Чукотская торговая контора не стоят на высоте задач, проявляют еще беспечность, благодушие. Нужно вмешательство Главного управления Севморпути. Необходимо использовать зимний период и непосредственно на местах, в факториях, выправить цены, иначе и в дальнейшем неизбежны будут большие переплаты со стороны национального населения.

* * *

Не лучше обстояло дело и в другой партийной организации — при Чукотском тресте. Здесь партийные собрания проходили на очень низком уровне. Например, во время обсуждения доклада товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) никаких практических предложений в результате обсуждения принято не было.

Коммунисты этой парторганизации не обсудили на своих партсобраниях ни одного вопроса о деятельности Чукотского треста, о засорении аппарата треста шпионо-вредительскими элементами. Между тем деятельность треста на участке рыбокомбината велась вредительски. Сырьевые ресурсы эксплуатируемых рыболовных участков далеко не полностью используются трестом по причине, якобы, слабой оснащенности промыслов и отсутствия берегового оборудования. Исходя из этих лживых мотивов, планы добычи рыбы за последние несколько лет были явно занижены по сравнению с тем, что можно было бы дать даже при наличии существующего оснащения. Так, в оценке специалистов, знающих наше рыбное хозяйство, рыбные промыслы Севморпути в Анадыре без особого напряжения при существующем оборудовании могли бы давать не меньше 50 тыс. центнеров в год. Фактически же добыча и переработка за годы 1935/36 и 1937 составили только от 28 до 32 тысяч. В то время как планы добычи рыбы были на протяжении ряда лет занижены, капиталовложения, наоборот, из года в год росли.

Посольное хозяйство треста было построено также вредительски. 37 бетонных чанов, на которые израсходованы сотни тысяч рублей, к посолу рыбы в 1936 году оказались непригодными, так как в них проникала почвенная вода. Потребовалась новая их переделка. Виновики вредительских актов не были даже привлечены к ответственности. Политотдел ограничился только разговорами о вредительстве.

В качестве основных работников рыбокомбината были привлечены люди, которые в прошлом были собственниками крупных предприятий. Например, директор промыслов Розенштейн имел в Благовещенске свой кожевенный завод, мельницу и универмаг, а после работал подрядчиком и представителем иностранных фирм. Помощником у Розенштейна работал некий Капилевич — бывший крупный рыбопромышленник во Владивостоке, братья и сестры его ныне проживают в Японии.

Засоренность аппарата шпионо-вредительскими элементами достигла больших размеров. Даже в аппарате политотдела до самого последнего времени работал в качестве секретаря пьяница Буйко — личность, не заслуживающая политического доверия.

Политотдел не заботился о выполнении указания товарища Сталина, сделанного им на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). Политотдел не добился в своей работе правильного сочетания партийно-политической работы с хозяйственными задачами, не создал условий для критики и выявления недочетов и проморгал вредительскую работу врагов на Чукотке, хотя сигналов со стороны трудящихся было более чем достаточно. Политотдел и местные партийные, советские организации не реагировали на сигналы и не принимали мер к разоблачению шпионо-вредительских элементов.

Можно ли на этом фоне говорить о положительной партийно-политической работе Анадырского политотдела? Разумеется, нет. Вся работа политотдела вертелась на хлостом ходу. О том, что это было именно так, свидетельствует ряд фактов. Возьмем избирательную кампанию. Изучением „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“ охвачены были далеко не все избиратели. Политотдел не мог предъявить никаких данных, характеризующих его работу в этой области с национальным населением. Не были организованы кружки националов по изучению „Положения о выборах“. Реализация „Займа обороны СССР“ среди зимовщиков прошла исключительно слабо.

Политотдел подменил работу первичных парторганизаций тем, что вместо созыва партийных собраний по первичным организациям широко практиковал кустовые партийные собрания.

Практика созыва кустовых партсобраний привела к тому, что принимаемые решения не проверялись и не проводились в жизнь, ибо первичные партийные организации были устранены от этого контроля (ведь решения выносились не по отдельным парторганизациям), а политотдел эту важнейшую часть своей работы не поставил на партийную высоту. Партийное хозяйство политотдела (протоколы, другие партийные документы) находится далеко не в образцовом порядке.

Не лучше обстоит дело и в области партийно-воспитательной работы. Возьмем кандидатскую школу. Она была организована 15 августа 1936 года, а в марте 1937 года развалилась. Взять другой кружок актива по изучению истории ВКП(б) (руководил Богомолов), в котором числилось 10 членов партии. Этот кружок также прекратил свое существование еще в июне 1937 года.

Вопросами партийного просвещения политотдел не занимался так, как этого требует ЦК ВКП(б).

Стахановское движение не было предметом постоянной заботы политотдела, в результате имеют место извращения. Так, была дана установка на фактории считать стахановцами только тех охотников, которые добудут не меньше 60 хвостов песка (без учета особенностей района, добычи и установленного плана, методов добычи, качества обработки и т. д.). На рыбных промыслах формально числится в списке 75 стахановцев, а никакой работы с ними не ведется. Вторая годовщина стахановского движения не была отмечена даже собранием. Между тем среди рабочих рыбпромыслов имеются прекрасные работники, дающие подлинные образцы стахановской работы, среди которых массово-политическая работа не велась.

Нельзя обойти молчанием и прямое нарушение профсоюзной демократии, которое было проявлено политотделом, в частности Чичуриной, во время выборов делегатов на Первый всесоюзный съезд профсоюза работников Севморпути.

Как проходили там эти выборы? Было созвано специальное совещание, на котором Чичурина предложила провести делегатами Берестецкого (помощника начальника политотдела по комсомолу), Каплана (из Чукотского треста), Чичурину, Балабаева, Гавриленко и других ответственных работников. Чтобы провести Берестецкого делегатом на съезд, он был срочно послан на морскую базу. Но там его не без основания провалили. Тогда снова было решено провести Берестецкого и Чичурину на собрании третьей базы. На этом собрании было выдвинуто восемь кандидатур, однако президиум собрания (руководили им Чичурина и Берестецкий) дело поставил так, что пять кандидатур были сняты с голосования и оставлены лишь три кандидатуры — Чичурина, Берестецкий и Баркалов.

При первом голосовании делегатом был избран только Баркалов. Кандидатуры Чичуриной и Берестецкого все-таки не прошли. На следующий день непосредственно на производстве было проведено переголосование двух кандидатур — Чичуриной и Берестецкого. Большинство голосов получил, наконец, Берестецкий.

Но этим дело не закончилось. Чичурину не без ее влияния решили провести делегатом на собрании рабочих рыбоконсервного завода. Но собрание опять не выбрало Чичурину, — делегатом был выбран электромонтер, председатель завкома т. Баев. Казалось бы, на этом дело кончится. Однако в последнюю минуту Берестецкий снял свою кандидатуру, и Чичурина таким образом стала делегатом.

Так были навязаны кандидатуры Чичуриной и Берестецкого. Не ясно ли, что это есть прямое нарушение профсоюзной демократии, попытка навязать кандидатов сверху, совершенно недопустимое поведение бывшего руководства политотдела.

„Стиль“ работы врид. начальника политотдела Чичуриной заключался в том, что она вместо чуткого и партийного подхода к запросам и нуждам рабочих-зимовщиков проявляла „метод“ грубого окрика, бездушного бюрократического отношения к зимовщикам и их семьям.

Партийная организация вместе с новым большевистским подкреплением, прибывшим на зимовку, крепко взялась за немедленное изжитие этих недостатков.

Политуправление Главсевморпути приняло срочные меры к укреплению Анадырского политотдела, назначив начальником политотдела одного из помполитов.

Однако следует отметить, что во всех безобразиях, творимых на Чукотке, виновато прежде всего Политуправление Главсевморпути, которое без проверки и изучения санкционировало назначение Чичуриной врид. начальника политотдела. Уже один тот факт, что Чичурина окружила себя на зимовке большим количеством родственников, был достаточным предупреждением Политуправлению. Но эти и другие сигналы о явном неблагополучии не были своевременно учтены.

Уроки Чукотки еще раз показывают, к каким политически отрицательным последствиям приводит случайный подбор людей.

Все эти факты должны быть изучены с тем, чтобы не допускать их впредь и извлечь из них соответствующий урок. По-большевистски оперативно руководить парторганизациями на местах — в этом гвоздь!

ИЗБРАННИКИ НАРОДА-ПОЛЯРНИКИ

-Александр Данилович Давыдкин

Александр Данилович Давыдкин родился в 1907 году, в Иркутской области, на реке Шуринда, в большой семье бедняка-эвенка.

Отец Александра Давыдкина был смолodu заикален киренским купцом Дмитриевым. Круглый год работали на него Давыдкины и никогда не вылезали из долгов.

Нужда и полуголодная жизнь рано согнали в могилу родителей, братьев и сестер Давыдкина.

После их смерти маленький Давыдкин пошел батрачить к кулаку Пинегину. Много издевательств перенес Давыдкин от этого кулака.

После Октябрьской революции Нейский туземный совет командировал Давыдкина в Ленинград, в Институт народов Севера.

В 1934 году, окончив институт, товарищ Давыдкин работает секретарем Илимийского райкома комсомола, организует совпартшколу и затем работает директором этой совпартшколы.

В декабре 1934 года районный съезд советов избирает Давыдкина членом райисполкома, а с февраля 1937 года он работает председателем райисполкома.

Тов. Давыдкин член бюро райкома и окружкома комсомола.

12 декабря 1937 года т. Давыдкин избран депутатом в Совет Национальностей от Эвенкийского национального округа.

Председатель окрисполкома

Старовойтов

Аркадий Дмитриевич Евсюгин

Аркадий Дмитриевич Евсюгин родился в 1910 году в деревне Верхней Пеше, Ненецкого округа, в семье бедняка-ненца.

Рано лишившись отца, Евсюгин должен был искать работу, чтобы прокормить себя и мать. 13-летним подростком он стал в семье главным добытчиком.

Комитет Севера при президиуме Архангельского крайисполкома направил Евсюгина учиться на ненецкое отделение Архгубсовпартшколы. Там он вступил в комсомол.

В 1928 году т. Евсюгина командировали в Тиманскую тундру, секретарем тундрового совета. Там он вел широкую разъяснительную работу среди трудящихся-ненцев. В результате этой работы тундровый совет был очищен от кулаков.

Вместе с новым председателем Евсюгин вел активную борьбу с кулаками и организовал бедняков-ненцев в первый колхоз „Ядей-ты“. Этот колхоз и сейчас является крупнейшим колхозом Тиманской тундры.

В марте 1930 года Евсюгин был принят в партию.

С 1930 по 1933 год А. Д. Евсюгин учился в Институте народов Севера. За отличную учебу был неоднократно премирован. Два года т. Евсюгин работал там ответственным секретарем коллектива ВЛКСМ.

С 1933 по 1936 год т. Евсюгин работал секретарем Большеземельского райкома ВКП(б).

Работа среди кочевого населения требовала постоянных разъездов, постоянного общения с ненцами-оленеводами и промышленниками. Личным примером он показывал, как должен работать большевик.

В 1936 году т. Евсюгин был избран вторым секретарем, а в августе 1937 года первым секретарем Ненецкого окружного комитета партии.

Аркадий Дмитриевич Евсюгин 12 декабря 1937 года выбран депутатом в Совет Национальностей от Ненецкого национального округа.

Макар Михайлович Обухов

Депутатом в Совет Национальностей от Корякского национального округа выбран Макар Михайлович Обухов.

Тов. Обухов родился в 1902 году в корякском селе Карага. Родители его занимались охотой и рыболовством. Несколько лет т. Обухов учился в школе, а с тринадцатилетнего возраста начал работать, помогая семье.

С 1925 года т. Обухов начал работать на руководящей советской работе, сначала секретарем, затем председателем сельсовета в Караге; с 1931 по 1932 год он был инст-

руктором и членом Олюторского райисполкома, с 1932 по 1934 год работает председателем райисполкома в Караге. В 1934 году крайисполком утверждает т. Обухова председателем Корякского окрисполкома. На Втором окружном съезде Советов в апреле 1935 года он снова избирается председателем окрисполкома, где работает и до настоящего времени.

Тов. Обухов — член ВКП(б), член Пленума и Бюро Корякского окружкома партии.

Зам. пред. окрисполкома *Забашти*

Тывлянто

Депутатом в Совет Национальностей от Чукотского национального округа выбран т. Тывлянто.

Тов. Тывлянто родился в 1905 году в Анадырском районе, в семье кочевника-луораветлана. С 13-летнего возраста ему пришлось работать батраком у кулаков.

До 1923 года Тывлянто был неграмотным, а в 1923 году уже работает переводчиком при первом ревкоме в поселке Анадырь. Вскоре он был послан учиться в Институт народов Севера, где он пробыл до 1928 года, после чего был командирован на работу инструктора в Анадырский райисполком.

С 1929 по 1930 год т. Тывлянто продолжал учиться в Институте народов Севера,

а в 1930 году работает массовиком в бухте Лаврентия.

В 1931 году он снова возвращается в Ленинград на учебу, а с 1933 года работает помощником краеведа на Чаунской культбазе.

В 1934 году т. Тывлянто выбран председателем Чукотского окружного исполнительного комитета; с 1936 года работает заместителем председателя Камчатского областного исполнительного комитета, а с июля 1937 года снова председателем Чукотского окружного исполнительного комитета.

Тов. Тывлянто — член партии, активно участвует в партийной и общественной жизни.

Антипин

Николай Тимофеевич Няруй

На правом берегу Обской губы, где сейчас вырос поселок Ныда — центр Надымского района, в семье бедного рыбака-охотника ненца в 1906 году родился Николай Тимофеевич Няруй.

Семья Няруя круглый год жила по берегам рек и занималась рыбным промыслом.

С ранних лет Николай Няруй стал помогать отцу, он не мог даже и мечтать об учебе. За бесценно продавая добытую рыбу купцам, они с трудом добывали себе скудное пропитание.

Только советская власть избавила семью Няруя от жестокой эксплуатации и угнетения купцами и шаманами.

С этого времени начался культурный и политический рост Николая Няруя. Летом и зимой он занимался рыбным промыслом, охотой, а все свое свободное время использовал для повышения своего культурного уровня. Он активно участвует в общественной работе, в проведении мероприятий партии и советской власти.

В 1931 году т. Няруй как активист-общественник избирается членом правления

интегральной кооперации, выполняя работу заготовителя.

В 1932 году он вступает в ряды ВКП(б).

В 1933 году как лучший коммунист и общественник т. Няруй командировается Надымским райкомом партии на учебу в Салегард, в национальный педагогический техникум. Там он проучился два года.

Будучи одним из активных коммунистов Ямало-Ненецкой окружной парторганизации, т. Няруй избирается членом бюро Надымского районного комитета ВКП(б) и членом бюро окружного комитета ВКП(б).

В 1936 году т. Няруй успешно окончил шестимесячные курсы в городе Тюмени, вернулся в Надымский район и до сентября 1937 года работал заместителем секретаря районного комитета ВКП(б).

В сентябре 1937 года т. Няруй избран третьим секретарем Ямало-Ненецкого окружного комитета ВКП(б), а в декабре выбран депутатом в Совет Национальностей от Ямало-Ненецкого национального округа.

Ямало-Ненецкий окрисполком

Кирилл Данилович Ямкин

От Таймырского национального округа в Совет Национальностей выбран Кирилл Данилович Ямкин.

К. Д. Ямкин родился в 1903 году на станке Ситково, Потаповского кочевого совета, Дудинского района. Отец Ямкина большую часть своей жизни батрачил на кулаков и шаманов. Из многочисленной семьи Ямкиных дожили до Великой Октябрьской революции только Кирилл Данилович и его отец. Октябрьская революция навсегда освободила Ямкиных от кулачко-

шаманского гнета, и они смогли обзавестись своим хозяйством. До коллективизации Ямкины, как и все коренные жители Заполярья, кочевали по тундре. В 1929 году К. Д. Ямкин вступает в колхоз и организует других кочевников. Он ведет работу по укреплению колхоза и решительно борется с кулачко-шаманской агитацией.

Ямкин быстро растет на работе, активно участвует в общественно-политической жизни округа. Его избирают членом Потаповского кочевого совета. В 1932 году на

Первом окружном съезде советов Кирилл Ямкин избирается членом пленума Таймырского окрисполкома. В этом же году он вступает в члены ВКП(б).

После учебы т. Ямкин вновь возвращается в Потаповский совхоз. Работая в совхозе, он становится знатным пастухом и за стахановскую работу дважды премируется.

В 1936 году Ямкин проявил героическую выдержку и инициативу при перевозке продовольственных и промтоварных грузов из Дудинки в Волочанку. С группой товарщицей он в свирепую пургу, длившуюся

восемь дней, отстоял грузы и оленей. В результате все тридцать нарт, груженные товарами, и все участники экспедиции под руководством коммуниста Ямкина благополучно прибыли в Волочанку — центр Авамского района.

Сейчас т. Ямкин работает инструктором Дудинского райисполкома.

За последние годы семья Кирилла Даниловича Ямкина, живущая в колхозе „Труженик“, стала зажиточной, передовой семьей в Таймырском национальном округе.

Швачка

Лука Федорович Ернов

Лука Федорович Ернов родился в 1896 году в глухой деревушке Бала, Самаровского района, Остяко-Вогульского округа, в семье рыбака-охотника хантэ.

Тяжелое детство выпало на долю Луки Федоровича Ернова. Ему не было и двух лет, когда умерли отец и мать. Все свое безотрадное детство он провел в скитании по чужим людям. Много горя он испытал в своей жизни, работая на кулаков. Об учебе и думать не приходилось: в то время дети трудящихся хантэ вообще не учились.

Рассказы земляков, побывавших в Тобольске, Тюмени и Омске, возбуждали желание самому посмотреть на жизнь городов. Восемнадцатилетним юношей Ернов покидает родную деревню, уходит в Тюмень и поступает матросом.

Каторжный труд, мизерная зарплата, унижения и оскорбления — все это испытывал товарищ Ернов, будучи матросом.

Здесь на пароходе началась сознательная жизнь Ернова. В трюме парохода, в короткие часы отдыха, с помощью товарищей он овладел грамотой.

После Октябрьской революции Лука Федорович Ернов идет в родной Остяко-Вогульский край, организует вокруг себя бедноту, принимает активное участие в организации советов на Севере.

В 1919 году, когда полчища интервентов-белогвардейцев, пытаясь отнять завоевания Октября, заняли Сибирь, — Лука Федорович вступает в партизанский отряд и в течение всего 1919 года вместе с героической Красной армией участвует в ликвидации колчаковщины в Сибири.

Еще не успела страна окончательно очиститься от колчаковских, денikinских,

юденинских банд и прочей своры, как новый враг ополчился на Страну Советов. Это были белополяки. Тов. Ернов вступает в ряды Красной армии и участвует в боях против белополяков.

После окончания гражданской войны т. Ернов активно борется за восстановление народного хозяйства, работая на разных хозяйственных работах в Сургутском районе, а затем на водном транспорте. Водники Обско-Иртышского госпароходства знают товарища Ернова как активного борца за восстановление речного транспорта.

Работая на транспорте в 1928 году, т. Ернов вступает в ряды коммунистической партии.

В 1930—1931 годах т. Ернов принимает активное участие в коллективизации рыбаков и охотников, по-большевистски борется за укрепление колхозов.

С 1931 по 1937 год Лука Федорович работает в органах НКВД.

В июне 1937 года т. Ернов единогласно избирается секретарем Остяко-Вогульского окружного комитета партии. Выдвинут кандидатом в депутаты в Совет Национальностей Верховного Совета СССР общими собраниями колхозников Няпинского, Нарынского, Базьяновского колхозов, рабочими, служащими и инженерно-техническими работниками Самаровского рыбного комбината.

Кандидатура т. Ернова поддержана на собраниях и предвыборных совещаниях во всех районах Остяко-Вогульского национального округа. 12 декабря т. Ернов избран депутатом в Совет Национальностей.

Отв. секретарь Окрисполкома *Валеев*

ЛИКВИДИРОВАТЬ НЕГРАМОТНОСТЬ СРЕДИ НАРОДОВ СЕВЕРА

В борьбе с неграмотностью среди населения в СССР достигнуты колоссальные успехи. Только за годы первой и второй пятилеток обучено больше 40 миллионов трудящихся. До Октябрьской революции среди населения было меньше 30% грамотных, сейчас грамотность взрослого населения Советской страны больше 90%.

Однако, наряду с огромными достижениями, в работе по ликвидации неграмотности и малограмотности имеется много серьезных недостатков. Враги народа — троцкистско-бухаринское охвостье — всячески пытались затормозить осуществление этой исторической задачи. Пробравшись к руководству в аппарат Наркомпроса РСФСР и в наркомпросы ряда других союзных республик, вражеские элементы срывали дело ликвидации неграмотности. Известно, какое огромное значение в борьбе с неграмотностью имеет издание учебников на национальных языках, подготовка кадров ликвидаторов неграмотности. Старое руководство Наркомпроса РСФСР вредительски срывало и запугивало эту работу.

Партия нанесла по этим вражеским делам сокрушительный удар.

Партия и правительство в своих решениях по обучению неграмотных и малограмотных неоднократно подчеркивали огромное политическое значение этого дела. В постановлении, принятом два года назад (январь 1936 года), СНК Союза и ЦК ВКП(б) предложили в течение 1936 и 1937 годов полностью обеспечить ликвидацию неграмотности среди трудящихся СССР.

Что сделано в осуществление этого важнейшего решения? Ничтожно мало.

Состояние работы по ликвидации неграмотности среди многонационального населения Крайнего Севера совершенно неудовлетворительно. По данным Наркомпроса РСФСР, на 1 января 1937 года неграмотных на Крайнем Севере учтено 49 167 человек, из них обучалось только 9400.

Ликвидация неграмотности на Крайнем Севере — прямая обязанность Наркомпроса РСФСР, и часть этой работы правительством возложена на Главсевморпуть. На Главсевморпуть же возложен контроль за ведомствами, работающими в области развития культуры народов Севера.

Как эти задачи выполняются?

В 1935 году культбазы, основные культурные очаги Главсевморпути на Севере, ликвидацией неграмотности не занимались. После решения ЦК ВКП(б) и СНК Союза (январь 1936 года), в котором были даны развернутая программа мероприятий и четкая директива о завершении ликвидации неграмотности в течение 1936 и 1937 годов, началось некоторое оживление. Был со-

ставлен план, издан приказ о ликвидации неграмотности. Спустя короткое время организовали проверку выполнения этого приказа. Формально как будто сделано все, а по существу ничего. Директивы партии и правительства не выполнены. Средства на ликвидацию неграмотности отпущено не было. Кадры ликвидаторов неграмотности также не были подобраны, этим делом никто не занимался. Враги народа всячески пытались навредить и напакостить на этом участке. Из 8 тысяч национального населения, обслуживаемых культбазами, в основном неграмотного, в 1936 году было обучено грамоте лишь около 100 человек.

В 1937 году на ликвидацию неграмотности было отпущено 250 тыс. руб. На эти средства предполагалось обучить грамоте 2280 человек. План был, но борьбы за план не было. О кадрах ликвидаторов своевременно не позаботились, об учебниках тоже. Что делали культбазы в этом отношении, никто не знал. Работой по ликвидации неграмотности не руководили.

В итоге — выполнение боевой директивы ЦК и СНК о ликвидации неграмотности было вредительски сорвано и в 1937 году. По отдельным случайным сведениям (точных сведений в Отделе культуры Главсевморпути не было и нет) культбазы ликвидацией неграмотности охватили около 400 человек — это из 2280 человек по плану.

Некоторые культбазы в борьбе за ликвидацию неграмотности проявляют неплохую инициативу. Чаунская культбаза организовала кочевой ликбез. Результат работы: 16 человек, главным образом активисты националы, стали грамотными людьми. Еще более отрадно то, что среди учащихся ликбеза было 6 женщин. В условиях Чукотки такая работа проделана впервые. И эту замечательную инициативу Отдел культуры Главсевморпути ничем не отметил, ценный опыт ее на другие культбазы не передал.

Борьба за ликвидацию неграмотности среди национального населения Крайнего Севера — одна из важнейших и почетных задач культбаз. Но эту работу культбазы проводят крайне слабо. В работе культбаз по ликвидации неграмотности много крупнейших, нетерпимых недостатков. Кадры ликвидаторов неграмотности нехватает. Подготовкой и подбором их занимаются слабо. Учебников нет. Со стороны отделов культуры теруправлений Главсевморпути упорной борьбы за ликвидацию неграмотности не было и нет.

Если в собственном „доме“ (в культбазах) Отдела культуры Главсевморпути существуют такие „порядки“, то что можно сказать о контроле за работой Наркомпроса РСФСР в области ликвидации неграмотности,

контроле, который возложен на Главсевморпуть, на его Отдел культуры?

Враги народа не только срывали ликвидацию неграмотности, но и грубейшим образом нарушали национальную политику.

В ряде районов (Таймыр, Хатанга, Казым) людей, не знающих русского языка, пытались обучать на русском языке. Подобные извращения допускались в ликбезах Сосвинской культбазы. Здесь население манси обучали на русском языке.

В Ненецком округе (Архангельской области) пытались ликвидировать неграмотность путем создания месячных курсов. На курсы вызывали людей с отрывом от производства. Такие меры, кроме того, что они явно негодные, не массовые, искажали самую суть дела ликвидации неграмотности.

Планирование работы по ликвидации неграмотности поставлено из рук вон плохо. По существу ни управление школ взрослых Наркомпроса РСФСР, ни его Отдел по ликвидации неграмотности и малограмотности этим делом не занимаются. Есть целые районы, где население сплошь не охвачено ликбезом, — например, северная часть Тазовского района (Гылымский кочевой совет с 294 хозяйствами).

Мы уже не говорим о Чукотке, о Якутии и других северных районах, в которых органы Наркомпроса буквально ничего не сделали. Здесь, как говорится, буквально неподнятая целина.

Наркомпрос РСФСР не имеет никакого представления, что делают край-, облоно, районо, работой их не руководит. Наркомпросу известно только одно, что средства, отпускаемые на ликвидацию неграмотности, используются в ничтожной степени, осо-

бенно на подготовку кадров ликбезработников. А между тем, кадров мало, их острый недостаток всюду, особенно нехватает знающих национальные языки.

Наркомпрос РСФСР сорвал выпуск учебных пособий, в частности — букварей для ликбезпунктов. В этом отношении троцкистско-бухаринская мразь своей вредительской работой нанесла большой ущерб делу ликвидации неграмотности.

Если по ликвидации неграмотности среди народов Севера плохо, но кое-что делается — то по ликвидации малограмотности буквально никакой работы нет.

Как же Отдел культуры Главсевморпути осуществлял контроль за этой „деятельностью“ Наркомпроса РСФСР?

Формально, для видимости кое-что сделано. Отдел культуры много раз „писал“, „обращал внимание“, наконец „требовал“ улучшения дела. Наркомпрос иногда внимал этим требованиям. Созывал совещания. Планировал. Декларировал. В апреле 1937 года было создано совещание по ликвидации малограмотности среди народов Севера. Совещание приняло хорошие решения. Но и только. Эти решения остались на бумаге.

Совершенно ясно, что от такого контроля пользы мало. Нужен такой контроль за деятельностью Наркомпроса, который бы положил конец саботажу важнейших директив партии и правительства, который бы быстро, по-большевистски ликвидировал наследие бывшего вражеского руководства Наркомпроса РСФСР и обеспечил коренной перелом в ликвидации неграмотности и малограмотности среди народов Крайнего Севера.

К. Д. ЕГОРОВ

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЙ И УПРОЩЕНСТВА

(О букварях для северных школ)

На Крайнем Севере тринадцать северных народов создали свою письменность, эти народы — саами, манси, ханты, ненцы, селькупы, эвенки, эвены, нанай, уде, луораветланы, нымыланы, нивхи и юнты.

Издававшаяся до сих пор литература на языках этих народов печаталась с применением латинского алфавита.

В целях развития культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, правительство решило заменить латинский алфавит русским алфавитом.

Это мероприятие должно облегчить изучение грамоты и оказать помощь северной школе в развитии социалистической культуры среди народов Севера.

Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 7 марта 1937 года поручил

Президиуму ВЦИК дать соответствующим органам указания об обеспечении издания в 1937 году учебников на новом алфавите для I и II классов и о подготовке учебников для ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Одновременно было поручено Главному управлению Севморпути оказать всемерное содействие в деле правильного внедрения утвержденного алфавита во всех национальных округах Севера.

Однако все эти постановления Президиума ЦИК СССР выполняются пока неудовлетворительно.

Еще в июне 1937 года было выяснено, что к началу учебного года школы будут удовлетворены учебниками только на 50%.

План Учпедгиза предусматривал выпуск 44 учебников для I класса. Между тем для II класса, а также для школ взрослых издания учебников совсем не было предусмотрено; этим самым нарушалось выполнение постановления правительства.

Согласно постановлению правительства Учпедгиз должен был издать 25 учебников к 1 июля 1937 года. После проверки оказалось, что не только учебники не изданы к сроку, но и утверждено в Наркомпросе лишь 18 учебников. Три рукописи находились еще на рецензии, а четыре рукописи еще не поступали.

Наркомпрос РСФСР вместо установленного двухнедельного срока утверждал каждую рукопись 1—2 месяца, а букварь для ненецких школ находился в Наркомпросе на утверждении более 4 месяцев.

Учебники вышли в свет под ответственностью двух учреждений: Института народов Севера Главсевморпути и Наркомпроса РСФСР; первый их одобрял, а второй — утверждал.

Казалось бы, учебники должны быть высокого качества. Но надо прямо сказать, — крайне неудовлетворительно они организовали составительскую работу.

Буквари составлены на низком идейно-политическом уровне. Некоторые авторы допустили извращения исторического характера. Авторы букварей не выполнили указания ЦК партии и товарища Сталина по вопросу об издании учебников истории.

В букварях допустили упрощения, граничащие с политическими извращениями. Буржуазно-националистические тенденции выразились в обособлении языков народов Севера от русского языка и в упрощении фонетики языка (чрезмерное преобладание апострофов).

Качество выпущенных учебников весьма невысокое. Возьмем для иллюстрации буквари, составленные Чернецовой, Суник, Василевич, Прокофьевым.

Букварь для мансийских школ И. Я. Чернецовой так говорит о Великой Социалистической Революции (стр. 66, перевод стр. 77—78):

„В октябре месяце 1917 года трудящиеся победили. Они царя, богатей прогнали. Сами хозяевами стали“.

Выходит, что царя трудящиеся прогнали только в октябре 1917 года.

В нанайском букваре О. П. Суник пишет об Октябре так:

„В этот день рабочие богатей прогнали, власть советов установили“.

Нет ни слова об участии крестьянства в Октябрьской Революции.

В букваре для эвенков (тунгусов) автор Г. М. Василевич допустила то же самое извращение, не показав, что дала советская власть рабочим и крестьянам.

Крайне упрощенно описывается жизнь и революционная деятельность Ленина.

Примитивно подошел к этому вопросу Прокофьев. В обширном букваре на ненецком языке, занимающем 88 страниц, о Ленине буквально сказано следующее:

„Отец спросил:

— Яленко, это кто?

— Знаю же, это Ленин.

— А, ну, напиши его имя.

Яленко к доске пошел. Написал — Ленин“.

Больше никаких пояснений, никаких сведений из биографии Ленина не дано.

Крайне упрощенно дается характеристика Ленина и в упомянутом учебнике Чернецовой.

В букварях нашли свое отражение буржуазно-националистические тенденции; не уделяется должного внимания социальным и экономическим темам; вместо этого в букварях преобладает фольклорный материал.

Букварь на нымылланском (корякском) языке С. Н. Стебницкого почти весь заполнен сказками. Но автор не сумел обработать даже и фольклорную тематику. Преобладают сказки о лисе: „Лиса“ (стр. 52), „Лиса“ (стр. 55), затем подряд „Хитрый лис“, „Лиса и волк“, „Лиса“, „Лисенята“, „Рассказ Ковака“ (опять о лисе).

Авторы букварей О. П. Суник и К. С. Сергеева не справились с разработкой тематики по материалам из советской действительности.

В букваре на нанайском (гольдском) языке К. П. Суник помещена статья о жизни луораветлан. Автор говорит о советах, школах, красных ярангах и ни слова о колхозах луораветлан.

Или вот еще факт, говорящий о том, как упрощается обстановка классовой борьбы, борьба против шпионажа. В букваре на юйтском (эскимосском) языке (автор К. С. Сергеева) напечатан рассказ „Пограничники охраняют“ (перев. стр. 100). Рассказ этот слишком упрощен, идеологически не выдержан.

По ознакомлении с рассказом видно, что Сергеева искажала содержание рассказа Умной Маши, опубликованного в журнале „Чиж“ (№ 6, 1936 г., 28 стр.), опустив одну из самых интересных и важных частей рассказа, посвященного борьбе советского мальчика против шпионажа.

Крайне неудачно составители учебников разрешают задачу о воспитании дисциплины труда.

Стебницкий поместил в букваре такой разговор „усердных работников“:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю.

— А товарищ твой что делает?

— Мне помогает“.

Стебницкий не дал примеров из жизни героев, стахановцев, ударников, борцов за социалистическую трудовую дисциплину.

К общим недостаткам необходимо отнести следующие. Во всех букварях мало

дано материала из колхозной жизни народов Севера. Почти отсутствует материал о реконструкции промыслов, не отображена связь между хозяйством северных народов и экономикой Советского Союза на конкретных примерах реконструкции промыслового (рыболовецкого, морзверобойного, охотничьего) хозяйства.

Все эти извращения — результат вредительства буржуазных националистов, отсутствия борьбы с последствиями вредительства, чрезвычайно слабого руководства делом издания учебников со стороны управлений Наркомпроса.

Совещание, созванное по инициативе Отдела культуры Главсевморпути (ноябрь), признало правильную критику изданных учебников; оно подтвердило эти извращения, политические ошибки авторов. Совместно с заинтересованными учреждениями (Когиз, Наркомпрос и др.) оно выработало ряд мероприятий по искоренению перечисленных извращений и по улучшению издания учебников.

На совещании выяснилось, что ни одному автору не были даны методические указания, не были предъявлены программы, требования, которые должны выполняться составителями учебников. Институт нерусских школ Наркомпроса взял на себя обязанность срочно подготовить эти методические требования; они должны быть составлены на

основе указаний, данных ЦК партии и товарищем Сталиным по вопросу об издании учебников.

При разработке программы по составлению учебников должна быть поставлена задача обогащения языка народов Севера новым запасом слов. Надо объявить решительную борьбу с равнением некоторых авторов на ограниченный запас слов народов Севера.

В этом деле могут принять участие учителя северных школ и педучилищ. Их надо привлечь к составлению новых учебников.

Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства* (Ленин, т. XXVII, стр. 48—49).

Теперь же Наркомпрос обязан разослать учителям северных школ сообщения о допущенных им ошибках, об извращениях в учебниках и о том, как надо относиться к разосланным учебникам, как исправить недостатки и какие учебники должны быть совершенно изъяты.

Только в борьбе за партийность в учебе, против упрощенства учительство северных школ сможет выкорчевать последней троцкистско-бухаринской своры, буржуазных националистов и вредителей на идеологическом фронте.

И. В. АЛИМОВ

ОРГАНИЗОВАТЬ ПАССАЖИРОПЕРЕВОЗКИ

Рост полярных станций, горно-геологических и прочих экспедиций, развертывающееся промышленное строительство в Арктике, освоение новых сибирских рек — все это увеличивает пассажироперевозки в Арктике.

Однако пассажироперевозкам у нас до сих пор не уделяется внимания.

Пассажироперевозки как по морю, так и по реке планируются в общей тоннокилометровой работе флота. По реке пассажир идет за 0,5 тонны груза, а по морю — как за тонну груза, причем, если по речному транспорту все же кое-как планируется количество пассажиров, то в морском транспорте совершенно отсутствует количественный учет пассажиров, — все пассажиры обезличены в общей тоннокилометровой продукции.

Между тем, пассажиры в Арктике, как по морю, так и по реке, составляют уже достаточно большое количество, и планированием и организацией пассажироперевозок следует заняться всерьез.

Ведь только на Нордвикстрой в 1937 году должно было быть завезено около 500 человек, в Тукиси — около 100 человек, на

полярные станции восточной части Карского моря около 100 человек. Не одну тысячу людей ежегодно мы перевозим на Колыму, Новосибирские острова, на многочисленные полярные станции и т. д. Однако всерьез организацией пассажироперевозок на море еще никто не занимается.

Столь же плохо организованы пассажироперевозки по реке, между тем количество их также весьма велико. Например, речной транспорт Красноярского территориального управления перевез по Енисею и его притокам в 1935 году более 2500 человек, столько же было и в 1936 году. По плану 1937 года намечалось перевезти 3200 человек. Перевозка пассажиров в районе Красноярск — Игарка — Дудинка на реке Енисее производится Енисейским управлением речного пароходства Наркомвода, которое также относится к перевозке пассажиров безобразно.

Как у нас фактически организованы перевозки пассажиров по морю, по реке и в каботажном плавании в море Лаптевых?

Пассажиры во все пункты Северного морского пути отправляются из трех портов: с запада — из Архангельска и Мур-

манска и с востока — из Владивостока. Однако ни в одном из этих портов нет помещений для пассажиров, ожидающих отправки в Арктику или прибывающих из Арктики.

В результате — ожидающим отправления в Арктику приходится испытывать много затруднений. Как правило, в Морском управлении Главсевморпути точного времени отхода парохода в море не знают, поэтому отправляющиеся в Арктику приезжают в эти порты задолго до отправления парохода.

Гостиницы в период навигации в Архангельском и Мурманском портах заняты большей частью работниками нашей системы, что стоит больших денег. Кроме того, мест в гостиницах обычно не хватает, работникам, ожидающим отправки в Арктику, приходится ночевать в коридорах учреждений, на вокзале, у случайных знакомых. То же самое бывает и при возвращении работников из Арктики. Между тем, при желании, можно построить в этих портах соответствующие помещения, которые зимой могут быть использованы для других целей (учебных комбинатов, курсов, клубов и др.).

...Наконец после долгих мытарств работник попадает на пароход... и сразу сталкивается с непригодностью парохода к пассажироперевозкам.

Наркомвод имеет ряд судов, пригодных для перевозки пассажиров в Арктике, как, например, „Сучан“, „Сталинград“, „Смоленск“ и др., но они не используются для этого. Даже когда некоторые из них попадают в Арктику — они используются только как грузовые суда.

Например, в навигацию 1937 года Владивостокское территориальное управление заключило договор с Наркомводом на использование парохода „Сталинград“ исключительно на перевозку грузов, без права пассажироперевозок. Жизнь сама внесла коррективы в этот вредительский договор; пассажиров „Сталинграду“ все-таки пришлось перевозить.

Несмотря на наличие пригодных к пассажироперевозкам пароходов, пассажиры перевозятся в непригодных для перевозки людей грузовых твиндеках. В этих твиндеках наскоро устанавливают двухъярусные койки, сколачивают грубый стол и пару скамеек — и твиндек готов к приему пассажиров. Койки устанавливаются исключительно с расчетом вместить больше людей, совершенно не считаясь с тем, что пассажиры должны находиться в нем длительное время, иногда по несколько месяцев.

Так, в твиндеке п/х „Десна“ в навигацию 1937 года находилось около 400 человек; при выгрузке и погрузке трюм вскрывался, и фактически пассажиры оказывались под открытым небом, подверженные всем, столь частым в Арктике, изменениям погоды.

Можно привести как пример и п/х „Унжа“, в твиндеке которого в навигацию 1937 года находилось более двух месяцев 70 пассажиров, часть которых болела из-за неподготовленности твиндека для пассажирского помещения.

По вине вредителей и недорослей из Архангельского теруправления работники, несущие культуру в Арктику, должны были жить в грязи, в холоде, спать два месяца не раздеваясь, вповалку.

Пример „Десны“ и „Унжи“ еще поучителен тем, что работники, терпеливо перенесшие все невзгоды, не попали на место работы.

Систему организации перевозок по Северному морскому пути необходимо изменить радикально. Во-первых, в Архангельске, Мурманске и Владивостоке надо построить благоустроенные пассажирские помещения; во-вторых, сократить время проезда работника от Большой земли до пункта назначения в Арктике и обратно; этого можно достигнуть специальным выделением пассажиро-грузовых рейсов пароходов типа „Сталинград“, „Сучан“, „Смоленск“ и др., приспособленных к пассажироперевозкам.

В дальнейшем же Главсевморпуть должен построить специальные пассажиро-грузовые суда для Северного морского пути. Уже сейчас назрела необходимость делать на основные важнейшие пункты в Арктике (Тикси, Нордвик) в навигацию два пассажирских рейса, ибо в настоящих условиях приходится людей, оказавшихся непригодными к работе в Арктике, оставлять там только потому, что не на чем их отправить обратно на материк.

Эти предложения вполне осуществимы и дадут большую экономию. Например, в 1937 году содержание 400 человек, ехавших на п/х „Десна“ и не попавших на Нордвик, составило более полутора миллиона рублей; содержание 70 человек, ехавших на п/х „Унжа“ и не доехавших до станций, составило также сотни тысяч рублей. Если к тому же прибавить содержание пассажиров, задержанных доставкой на других пароходах, то ясно, что мы выбросили несколько миллионов на ветер только из-за неправильной организации пассажироперевозок.

Мы предлагаем следующий метод организации морских пассажироперевозок в 1938 году.

С открытием навигации из Архангельска должен выходить пассажирский пароход с назначением обслужить Диксон и расположенные по пути станции на Матшаре или Юшаре и острове Белый.

Пассажиры, направляющиеся на полярные станции восточного района Карского моря, высаживаются на Диксоне, откуда затем они направляются на полярные станции на одном из ледокольных пароходов („Малыгин“, „Русанов“, „Садко“, „Седов“,

„Сибиряков“). Ледокольный пароход отвозит зимовщиков на полярные станции; возвращающихся же с полярных станций зимовщиков оставляют также на Диксоне, откуда пассажиры перевозятся на Большую землю следующим рейсом пассажирского парохода в Мурманск или Архангельск, а ледокольный пароход идет в новый рейс на восток.

Пассажирский пароход должен за навигацию сделать примерно три рейса из Архангельска (или Мурманска) до Диксона. Эти пассажирские рейсы себя вполне окупят.

Пассажироперевозки на Тикси и Хатангу (Нордвикстрой) можно организовать таким же способом через Диксон, что даст нам возможность сделать два пассажирских рейса в навигацию.

Организация пассажироперевозок на ледокольных пароходах с созданием на Диксоне передаточного пассажирского пункта, конечно, с устройством на Диксоне общежития для пассажиров, обеспечит своевременное прибытие людей к месту работы и скорейшее возвращение работников на Большую землю, что даст большую экономию на зарплате. Пора уже считаться с пассажиром в Арктике!

За последние годы в связи с освоением новых рек — Хатанги, Анабара, Оленека, Яны, Индигирки и др. — уже назрела необходимость в установлении регулярной связи этих мест с портом Тикси и бухтой Амбарчик, откуда уже имеется возможность организовать регулярную связь с центром Якутии и с Большой землей.

Сейчас связи между этими пунктами нет. Добраться до этих рек почти невозможно. Так дальше терпимо быть не может. Нам необходимо срочно установить надежное и регулярное сообщение по побережью моря Лаптевых и в первую очередь организовать пассажирское сообщение.

Порту Тикси необходимо дать один — два пассажиро-грузовых парохода с соответствующей грузоподъемностью (тонн на 500), с малой осадкой.

Посмотрим, как же пассажиры перевозятся на таких реках, как Енисей и Лена.

Специальных самоходных пассажирских судов на этих реках нет. На Енисее пассажиры Главсевморпути перевозятся на небольшом лихтере № 1 (металлическая баржа) и лихтере № 3; на палубе последнего построили пассажирские помещения (что ухудшило и осложнило погрузку и выгрузку огромного 3000-тонного лихтера и не было возможности использовать драгоценное рефлекторное оборудование, имеющееся на лихтере).

На Лене пассажиры в 1937 году перевозились на вновь построенной деревянной пассажирской барже.

Эти баржи как на Лене, так и на Енисее

подбуксировывались под караван теплохода „Первая пятилетка“ (на Лене) и теплохода „Красноярский рабочий“ (на Енисее), делая, как правило, лишь один рейс в Тикси и Диксон.

Пассажировместимость этих судов во много меньше действительной потребности, и один рейс никак не разрешает проблемы пассажироперевозок. В силу этого пассажиры, основной контингент которых составляют работники Севморпути, едут на всяких судах, совершенно непригодных к людским перевозкам. Едут в палатках, устанавливаемых на грузе, в трюмах, на палубе пароходов, барж. — едут где только возможно. В 1936 году мне приходилось, например, самому видеть, как в сентябре — октябре в пути из Тикси в Якутск люди, с большим трудом пробравшись по грузу в трюм баржи № 32 (в которой лежали в три ряда бочки с рыбой), считали себя устроенными, ибо на палубе было еще хуже.

Несколько слов о пассажирских перевозках речных пароходств Наркомвода на Енисее и Лене.

Пассажирских пароходов Наркомвода на Енисее недостаточно, они не удовлетворяют потребности. Пассажиры едут на открытой палубе, на дровах, на всем, где только может уместиться человек.

Расписание на Енисее пассажирских пароходов не выдерживается, а на Лене расписание составляется только для видимости. На всех пристанях Енисея и Лены идет „драка“ пассажиров за право проезда, хотя бы на дровах. Как правило, ни у Наркомвода, ни у Главсевморпути пристаней — речных вокзалов — нет.

В особенности это тяжело сказывается в Якутске. Пассажирские пароходы в Якутске подходят к совершенно голому берегу за 8 километров от города и — будь то день или ночь, безразлично, — пассажиров высаживают на берег, где нет даже крыши, чтобы укрыться от дождя.

А перевозка пассажиров в верховье Лены на карбасах из Качуга в Усть-Кут! Наши работники теряют здоровье, силу и энергию из-за отсутствия внимания к пассажироперевозкам со стороны Главсевморпути.

А способы перевозки пассажиров на вновь освоенных реках — Оленеке, Анабаре, Яне, Индигирке и других! Здесь перевозки поставлены во много раз хуже, чем на Енисее и Лене.

Мы должны в срочном порядке заняться строительством или приобретением пассажирских речных судов.

Правильная организация пассажироперевозок, как и грузоперевозок по морским и речным путям, является одним из важнейших звеньев работы морского и речного транспорта.

Пароход „Диксон“ в торосах моря Лаптевых в 1937 году

• (Фото А. Лесе)

В. С. НАЗАРОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕДОВЫХ ПРОГНОЗОВ¹

С 1553 года по 1912 год — за 359 лет — с запада в Карское море прошло 213 кораблей, т. е. 0,6 корабля в год. За то же время товарных кораблей прошло 78.

В настоящее время в Карском море бывает ежегодно больше 100 кораблей. Движение кораблей по Северному морскому пути растет с каждым годом, в связи с чем возрастают и требования к обслуживанию навигации.

Успешная проводка судов по Северному морскому пути в значительной степени зависит от качества долгосрочных ледовых прогнозов, в соответствии с которыми планируются движение судов и расстановка ледоколов на трассе пути.

В настоящей статье приведены все ледовые прогнозы для морей Советской Арктики на 1937 год, а также сводный прогноз, составленный по данным всех прогнозов. Для суждения о степени правдивости прогнозов приведено описание ледовой обстановки в период навигации 1937 года. Здесь же приведено описание прогностических приемов, которыми пользуются в настоящее время, а также замечания по каждому приему (прогнозу) и выводы.

Приводимые прогнозы даны в редакции их авторов на 15 декабря 1936 года, с учетом последующих корректур прогнозов 15 марта и 15 мая 1937 года.

Прогноз Н. Н. Зубова на 1937 год. Нет никаких оснований предполагать неблагоприятные условия навигации в 1937 году от Мурманска и до Колымы. Процессы, развернувшиеся в течение зимы как в атмосфере, так и в гидросфере, подтверждают сказанное.

Надо считать по имеющимся данным на март 1937 года: по температурам Баренцова и Гренландского морей, по температурам воздуха на метеорологических станциях и по ледовым наблюдениям с самолетов и берега, — навигация от Мурманска до Колымы не представит затруднений. Район Чукотского моря будет неблагоприятнее, чем в 1936 году.

Прогноз В. Ю. Визе на 1937 год. В морях западного сектора Советской Арктики, а также в море Лаптевых ожидается весьма благоприятное состояние льдов. Во второй половине навигационного сезона для судов зверобойного типа будут доступны: Земля Франца-Иосифа,

¹ Печатается в порядке обсуждения. Данная статья возникла в связи с работой автора по анализу ледовых прогнозов в Межведомственном бюро ледовых прогнозов при Главсевморпути.

остров Визе, остров Уединения, остров Домашний, пролив Вилькицкого, мыс Молотова и остров Беннета. Навигация в южной части Карского моря начнется раньше нормального срока.

Прогноз А. Бурке на 1937 год. Общее состояние льдов, исходя из трехлетней повторяемости, будет равно состоянию льдов в 1934 году; с учетом же продолжающегося потепления, мощность льдов в западной половине будет меньше, чем была в 1934 году.

Предположение, что плавание в западной половине будут легкие, на основании теплой зимы, — неосновательны. Можно ожидать некоторого уменьшения мощности льда, но не сокращения его площади. Исходя из соображений, что средняя годовая температура не подвергается большим колебаниям, надо ожидать длительной холодной весны и некоторого похолодания летом.

В общем ледовитость будет несколько слабее 1936 года, но все же проводка судов будет сопряжена с затруднениями, и ледоколы будут работать интенсивно.

Прогноз В. Назарова на 1937 год. Ледовые условия Карского моря будут благоприятны. Окончание навигации позднее. Положительными факторами в Карском море являются:

а) толщина ледового покрова моря меньше в сравнении с толщиной льда 1936 года на 30 см и меньше на 20 см в сравнении с средней толщиной льдов Карского моря;

б) малая теплоотдача моря в осенний период, вследствие оставшегося льда от лета 1936 года.

Особо следует обратить внимание на отрицательную роль воздушных потоков, действующих над морем в 1937 году. Если в 1935/36 году с декабря по апрель отношение потоков $\frac{NW}{SE} = 0,3$, то в 1936/37 году отношение потоков имеем $\frac{NW}{SE} = 0,8$. Принимая во внимание, что чем

севернее, тем больше ледовитость и площадь Карского моря, а, следовательно, северо-западный поток может произвести работу значительно большую, нужно ожидать нагона льда в Карское море, который может быть и не будет связан с поступлением льда в море с полярного бассейна, но вызовет уплотнение льда Карского моря. Последнее обстоятельство заставляет ожидать наиболее тяжелой ледовой обстановки в треугольнике: остров Диксона — острова Исаченко, острова Исаченко — пролив Вилькицкого.

Вскрытие Енисейского залива надо ожидать в первой половине июля (примерно, 6 июля).

Прогноз Д. Карелина на 1937 год. Ледовые условия Баренцова моря вполне благоприятны, особенно во вторую половину навигации. Достижение Земли Франца-Иосифа возможно с середины июля на ледокольных пароходах, а с августа — на зверобойных судах. Начало навигации возможно на 5—10 дней раньше против 1936 года.

Ледовые условия юго-западной части Карского моря благоприятны, вскрытие произойдет на 5—10 дней раньше, чем в 1936 году; лед будет слабее обычного. В северо-восточной части вскрытие произойдет в середине — конце июля. Море будет доступно для ледокольных пароходов с середины августа, а с конца августа — и для зверобойных судов. В северной части моря и у Северной Земли особенно неблагоприятной обстановки не ожидается. Эта часть будет доступна с середины августа для ледокольных пароходов.

Вскрытие побережья в южной части моря Лаптевых произойдет в первой декаде июля, в северной — в конце июля. Затруднений для плавания транспортных судов с середины августа не предвидится.

В восточной части Восточносибирского моря ожидается малоблагоприятная ледовая обстановка. Вскрытие произойдет в первой декаде июля, доступ для ледокольных пароходов возможен со второй половины июля. Возможность самостоятельного продвижения транспортных судов маловероятна до конца августа.

В западной части Чукотского моря, граничащей с Восточносибирским морем, ожидается малоблагоприятная ледовая обстановка. Вскрытие произойдет позднее, чем в 1936 году, и доступ для судов в район мыса Шмидта окажется возможным не ранее конца июля.

Ожидаемое вскрытие некоторых участков Северного морского пути в 1937 году:

Полярная станция	Вскрытие	
	ожидаемое	действительное
Баренцбург	15 мая	8 мая
Югорский Шар	25 июня	15 июня
Остров Вайгач	25 июня	5 июня
Маточкин Шар	1 июля	10 июня
Остров Белый	10—15 июля	20 июля
Остров Диксона	15 июля	26 июля
Мыс Стерлегова	15—20 июля	5 августа
Острова „Комсомольской Правды“	5 августа	25 июля
Бухта Нордвак	15—20 июля	26 июля
Мыс Шелагский (припай)	5—10 июля	17 июня
Мыс Шмидта (припай)	20—25 июля	5 июля
Остров Врангеля	15—20 июля	5 августа

Прогноз Н. Черниговского на 1937 год. По данным сравнения результатов гидрологических наблюдений и по данным гидрологических работ зимовки надо ожидать раннего вскрытия пролива Вилькицкого в 1937 году, ориентировочно — в последнюю пятидневку июля. Прогноз дан в мае 1937 года.

Прогноз Г. Ратманова на 1937 год. Ледовая обстановка в Чукотском море, точнее — в проливе Лонга, будет все же не легкой, близкой к среднему состоянию в этом районе (труднее, чем в 1934 году, и легче, чем в 1933 году). В связи с таким положением все операции необходимо планировать с расчетом максимального движения грузов с запада.

Прогноз Н. Волкова на 1937 год. Собранные нами данные позволяют сделать следующее предположение: в районе Чукотского моря и Берингова пролива лето 1937 года будет самым ледовым за последние 4 года, по общей ледовой обстановке приближаясь к 1933 году.

Полного очищения Берингова пролива в северной части и Берингова моря следует ожидать в середине июля.

Навигационные условия в первую половину лета будут более благоприятными в центральной части, во вторую половину — в прибрежной части моря.

Подход к острову Врангеля возможен в первую половину навигации только с восточной стороны.

В ранний осенний период необходимо ожидать покрытия тяжелыми паковыми льдами южной части моря, а также Берингова пролива.

По прогнозам Визе, Зубова, Бурке, Назарова, Карелина, Черниговского, Ратманова, Волкова мною составлен следующий прогноз:

Благоприятные условия в западном секторе Арктики. Раннее начало и позднее окончание навигации. Надо ожидать уплотнения льда в Карском море, главным образом в районе остров Исаченко — пролив Вилькицкого. В море Лаптевых ледовая обстановка благоприятная. В Восточносибирском море ледовитость средняя, в Чукотском море мало благоприятные ледовые условия.

Состояние ледовитости за навигацию в 1937 году

Начало навигации раннее. Вскрытие Маточкина Шара произошло 10 июня, с отклонением от среднего многолетнего времени вскрытия на 30 суток, остров Вайгач — на 19 суток, Югорский Шар — на 12 суток, остров Диксона — на 10 суток, пролив Вилькицкого — на 10 суток.

Сроки вскрытия на трассе морского пути были: Баренцбург — 8 мая, Югорский Шар — 15 июня, остров Вайгач — 15 июня, остров Белый — 20 июля, остров Диксона (бухта) — 26 июля, мыс Стерлегова — 5 августа, пролив Вилькицкого — 23 июля, острова „Комсомольской Правды“ — 25 июля, бухта Нордвик — 26 июля, мыс Шелагский — 17 июля, мыс Шмидта — 5 июля, остров Врангеля — 5 августа.

Площадь льда в процентах к общей площади каждого моря, по данным за вторую половину августа, была: ¹ Карское море — 25%, море Лаптевых — 30%, Восточносибирское море — 40%, Чукотское море — 6%.

Сравнение площади льда в процентах к общей площади моря в 1937 году с другими годами, по данным за вторую половину августа, по годам показано в нижеследующей таблице:

М о р е	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Карское	36	35	10	70	62	15	45	25
Море Лаптевых	—	—	22	70	30	10	40	30
Восточносибирское	75	84	65	58	20	50	60	40
Чукотское	25	24	32	18	20	8	12	6

Тяжелые ледовые условия в период навигации были на участке трассы от устья Пясины до мыса Челюскина, где лед держался 7—9 баллов. В конце навигации были тяжелые ледовые условия в западной части моря Лаптевых.

Методика прогнозов

Существующая методика ледовых прогнозов для северных морей имеет в основе своей четыре приема:

1. Характеристика ледовой обстановки в Баренцовом море, Карском и в море Лаптевых дается в зависимости: а) от предшествующего атмосферного состояния (состояние атмосферы около Исландии), б) результатов сравнения гидро-метеорологических условий на территории морей по данным наблюдений за все время. Этим приемом пользуется В. Ю. Визе.

¹ Данные о площадях льда за 1937 год получены по предварительным сведениям.

2. Характеристика ледовой обстановки в Баренцовом, в Карском, в море Лаптевых, Восточносибирском и Чукотском морях дается в зависимости: а) от температуры Атлантического течения (Гольфстрима), б) результатов сравнения гидро-метеорологических условий на акватории морей за имеющееся время наблюдений, в частности учет градусо-дней мороза для отдельных пунктов Северного морского пути. Данным приемом пользуется Н. Н. Зубов.

3. Характеристика ледовой обстановки дается на основе периодичности (повторяемости благоприятных и неблагоприятных годов). Этим приемом пользуется капитан А. Бурке.

4. Характеристика ледовой обстановки Карского моря дается в зависимости: а) от устойчивости (преобладающих) воздушных потоков и плотности воды в Карском море за зимние месяцы, б) результатов сравнения гидро-метеорологических условий Карского моря по имеющимся наблюдениям.

Вскрытие Енисейского залива дается в зависимости от температуры воды в Усть-Енисейском порту и толщины льда на острове Диксона. Подробно практика этого расчета изложена в журнале „Водный транспорт“ № 7 за 1935 год. Данным приемом пользуется В. Назаров.

Прогнозы, представленные на навигацию 1937 года (Карелиным для всех морей Арктики, Черниговским — для пролива Вилькицкого, Георгиевским — для района мыса Шмидта, Ратмановым, Волковым, Ивановым — для Чукотского моря), основывались на сравнении гидро-метеорологических условий предыдущих лет с годом, на который дается прогноз, — с условиями 1937 года, т. е. строились они в основном по второму приему.

Айсберг в районе Земли Франца-Иосифа

Естественное вздутие льдов в море Лаптевых

(Фото Н. Штерцера)

Проверка прогнозов

Прогноз В. Ю. Визе на навигацию 1937 года для Баренцова, Карского и моря Лаптевых оказался правильным для Баренцова моря, а для Карского и моря Лаптевых он не оправдался с точки зрения характеристики районов, которые имел в виду автор прогноза, хотя количество льда в этих морях было ниже среднего, как это видно из вышеприведенного сопоставления ледовых карт за годы с 1930 по 1937.

Надо полагать, что причина несоответствия прогноза Визе с действительной ледовой обстановкой лежит в переоценке им прогностического значения местонахождения Исландского минимума. Он пишет:¹

„Основным моментом формирования ледовой обстановки между островом Диксона и мысом Челюскина является состояние атмосферы около Исландии, т. е. в районе, отстоящем от рассматриваемого участка трассы на 4000 км. Мы видим, что тяжелым ледовым условиям предшествует нормальное положение Исландского минимума, при отсутствии вторичного минимума на Баренцовом море. Легким ледовым условиям предшествует аномальное распределение давления: Исландский минимум оказывается расщепленным на два, из которых один располагается над Девисовым проливом, другой — над Баренцовым морем“.

Далее Визе полагает, что приближение Исландского минимума к Карскому морю создает подток теплых воздушных масс в это море; последнее, по его мнению, и определяет ледовитость Карского моря. Возможно, это так, но ведь нам хорошо не известны пути перемещения

¹ В. Визе, Современное состояние вопроса о ледовых прогнозах. „Проблемы Арктики“, № 1, 1937 г.

Исландского минимума, а место его нахождения на карты наносится с большой долей фантазии. При этом мы не установили зависимости между перемещением Исландского минимума и погодой в морях Советской Арктики, а, следовательно, мы не знаем, что нам даст перемещение Исландского минимума на морской трассе, например, на участке от острова Диксона до мыса Челюскина — чистую воду или десятибалльный лед? Так, в 1937 году, согласно положению Исландского минимума, на указанном участке трассы предполагались весьма благоприятные условия, а в действительности всю навигацию держался лед 7—9 баллов. В 1933 году прогноз Визе для восточной части Карского моря совершенно не оправдался. Таким образом, из прогнозов на 1933—1934—1935—1936 и 1937 годы, составленных Визе, оправдались прогнозы на 1934—1935 и 1936 годы и не оправдались на два года — 1933 и 1937.

Установленная Визе зависимость имеет значение, но для большей точности прогнозов, видимо, надо изучать типы погоды по трассе пути, соответствующие тому или иному положению Исландского минимума. На первом месте при изучении погоды должно стоять изучение воздушных течений, т. е. изучение распределения атмосферного давления, так как последнее позволяет установить распределение льда и перенос тепла воздушными массами на акватории морей.

Насколько ледовитость морей связана с атмосферным давлением, видно из нижеследующей таблицы, где дано давление за первые четыре месяца на острове Диксона (в миллиметрах) и ледовитость (в баллах) на участке трассы от острова Диксона до мыса Челюскина.

Г о д ы	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Давление за I, II, III, IV	757	762	753	764	754	755	761	761
Лед	3	8	0	9	4	2	7	7

Лед в баллах дан в августе месяце на участке, ограниченном с запада меридианом 86° Е и с севера линией, идущей от островов „Известий ЦИК“ на мыс Оловянный. Из таблицы видно, что чем выше давление, тем больше ледовитость, и наоборот. Оказывается, атмосферное давление за первые месяцы какого-либо года характеризует барометрическую тенденцию данного года, которая может являться показателем предстоящей ледовитости указанного района. Дальнейший анализ достаточно надежных данных за 8 лет позволил составить следующее соотношение:

$$i = 0,8(D - 753) \dots \dots \dots (1)$$

где i — лед в баллах на указанном участке, D — атмосферное давление (в миллиметрах) на станции остров Диксона за первые четыре месяца года, на который дается прогноз.

Нижеследующая таблица „Ледовая обстановка в баллах“ показывает соответствие между вычисленной ледовитостью по соотношению (1) и наблюденной в действительности.

Ледовая обстановка в баллах					
Годы	Вычис- ленная	Наблю- денная	Годы	Вычи- сленная	Наблю- денная
1930	3	3	1934	1	4
1931	7	8	1935	2	2
1932	0	0	1936	7	7
1933	9	9	1937	7	7

Из данных последней таблицы видно, что прогноз, основанный на вычислении, будет оправдываться на 86%, т. е., пользуясь данным приемом, можно давать прогноз с точностью значительно большей, чем это удастся, пользуясь первым приемом, без учета местной погоды, путем подсчета.

Физический смысл соотношения (1) хорошо выявлен Б. Л. Дзердзеевским на составленных им сборных синоптических картах по данным за пять лет. На его карте, характеризующей благоприятные синоптические условия для района остров Диксона — мыс Челюскина, остров Диксона охвачен областью низкого давления, а следовательно — на указанном отрезке трассы работает южный и юго-восточный ветер, угоняющий лед на север. На карте неблагоприятной синоптической обстановки остров Диксона охвачен областью высокого давления, и на трассе пути остров Диксона — мыс Челюскина работает северо-западный ветер, нагоняющий лед к Таймырскому полуострову и в пролив Вилькицкого с севера. В зависимости от того, какой тип синоптической обстановки преобладает, создается благоприятная или неблагоприятная ледовая обстановка; числовым выражением зависимости ледовой обстановки от синоптической на трассе от острова Диксона до мыса Челюскина является соотношение (1).

Из рассмотренного прогноза следует, что определение предстоящей ледовитости на отдельных участках трассы, положим от острова Диксона до мыса Челюскина или в районе острова Беннета, как это было в 1937 году, на основании только местонахождения Исландского минимума, весьма безосновательно. Значительно больше будет оснований, если характеристика ледовой обстановки будет даваться в зависимости от положения Исландского минимума и местной погоды.

Прогноз на 1937 год Н. Н. Зубова, построенный по второму приему, оправдался для Баренцева моря, частично — Карского, Восточно-сибирского и моря Лаптевых, и совершенно не оправдался для Чукотского моря.

Крупнейшим недостатком в приеме построения прогноза Зубова является отсутствие системы расчета в основе прогноза. У Зубова решающую роль имеет подсчет в уме, повседневное наблюдение за погодой на морях и в значительной степени интуиция автора прогноза. Последнее обстоятельство исключает возможность перенять опыт, совершенствовать данный прогностический прием и затрудняет суждение о нем.

Весьма существенное значение в прогностическом приеме Зубова имеет зависимость ледовитости полярных морей от Гольфстрима, подмеченная Нансеном и несколько развитая Зубовым. Эта зависимость пока не имеет числового выражения и учитывается на-глаз.

Сравнение наблюдений¹ „Садко“ 1935 года, „Фрама“ 1894 года и полюсной станции в 1937 году показывает, что наиболее мощный слой Атлантического течения, 850 метров, находится к северу от Карского моря на широте $82^{\circ}41'6''$, менее мощный — несколько севернее, в районе наблюдений „Фрама“ — 84° северной широты — около 800 метров и в районе полюсной станции — $88^{\circ}54'6''$ — около 400 метров. Такое распределение мощности глубинного Атлантического течения объясняется его циклоническим движением, которое под действием силы, возникающей вследствие земного вращения, отклоняется на юг к советским берегам.

¹ Н. Н. Зубов. Журнал „Метеорология и гидрология“, № 6, 1937 г.

Это обстоятельство объясняет два вопроса: поверхностное постоянное течение в морях Советской Арктики и принос тепла Атлантическим течением в эти моря. „Противозаконное“, поверхностное течение вдоль берегов Аляски и Советской Арктики, идущее с востока на запад, — антициклоническое течение, является, очевидно, компенсационным течением по отношению к глубинному циклоническому течению. Картина поверхностного течения и дрейфа льда в основном повторяет обратную картину глубинного течения в морях Советской Арктики. Как показывают наблюдения, поверхностный холодный слой воды над Атлантическим течением тем меньше, чем дальше от полюса к советским берегам, где его толщина не превышает 75—100 метров. Последние глубины являются предельными, до которых происходит вертикальная циркуляция вод полярных морей при зимнем охлаждении. Следовательно, часть тепла Атлантического течения через вертикальную циркуляцию передается морям Советской Арктики. Нельзя отрицать также роли морских течений в перемешивании атлантических вод с поверхностными водами. В данном случае, надо полагать, незначительную роль играют приливо-отливные течения и очень значительную — поверхностные компенсационные и сгонные течения. Последние создают большой отток от советских берегов Арктики поверхностных опресненных вод. Такая система течений, с одной стороны, увеличивает плотность вод морей, создавая тем самым более благоприятные условия для распространения атлантических теплых вод, с другой — сильный сгон вод ускоряет продвижение атлантических вод к советским берегам. Поэтому весьма существенным прогностическим элементом, видимо, является плотность воды морей Советской Арктики в зимний период. Если, положим, море имеет высокую плотность, то теплый подстилающий слой атлантических вод будет более развит; если же плотность вод моря низкая, тогда развитие теплого подстилающего слоя будет слабое. Данное рассуждение приводит к следующему: весьма благоприятный год в ледовом отношении вызывает сильное опреснение морей, понижение плотности их вод, а, следовательно, и слабое развитие подстилающего теплого слоя, и в результате следует тяжелый по ледовитости год. Последнее обстоятельство указывает на возможность существования периодичности в ледовитости морей Советской Арктики.

Выше мы рассмотрели сопоставление синоптической обстановки с ледовой и установили некоторую зависимость между ними. Рассмотренная затем схема течений в морях Советской Арктики указывает на принос тепла Атлантическим течением, причем количество тепла, приносимое морским течением, несомненно колеблется по годам. Установление зависимости между принесенным теплом и ледовитостью является ближайшей задачей.

Из сказанного следует, что ледовитость морей Советской Арктики зависит от состояния атмосферы и гидросферы. Следовательно, построение прогнозов с учетом только роли атмосферы или гидросферы мало основательно и ведет к дорогостоящим ошибкам.

Прогноз, данный капитаном Бурке, основан на периодичности, существование которой он утверждает на основании наблюдений за животным миром в Арктике. Бурке полагает, что в погоде Арктики существует шестидесятилетний период; так, по его мнению, наступившее потепление в 1914 году будет продолжаться до 1944 года, а затем пойдет похоло-

дание. На фоне шестидесятилетнего периода он усматривает трехлетний период колебаний ледовитости с чередованиями: благоприятный (1932), неблагоприятный (1933), малоблагоприятный (1934), благоприятный (1935). Данная им общая характеристика ледовых условий на трассе Северного морского пути в навигацию 1937 года оправдалась частично.

Судить о состоятельности предположения Бурке в настоящее время весьма трудно; можно сказать, что из анализов синоптического материала школой Мультановского за 50 лет периодичности не замечено. Из наблюдений на полярной станции Диксон не видно постоянного сохранения трехлетней повторяемости, исключение представляет пока только одно трехлетие (1932—1935).

Прогноз, данный на навигацию 1937 года Карелиным, на основе сравнения гидро-метеорологических элементов по трассе пути за предыдущие годы с годом, на который дается прогноз, оправдался для Баренцова моря. Для морей Карского, Лаптевых, Восточносибирского и Чукотского действительная обстановка оказалась противоположной ожидавшейся, т. е. где ожидалось более легкие условия, оказались более тяжелые, и наоборот.

Данные сроки ожидаемого вскрытия отклоняются от действительного времени вскрытия на ± 14 суток, т. е. средняя абсолютная ошибка равна 28 суткам, что при продолжительности навигации в среднем 60 суток составляет весьма большую ошибку. Если допустить, что с такой же точностью дано предсказание ледостава, то в среднем возможная ошибка предсказания сроков продолжительности навигации будет 48 суток, при продолжительности навигации 60 суток. Из сказанного следует, что ценности такое предсказание не имеет.

Для вычисления ожидаемых сроков вскрытия Карелин пользовался полученной им приближенной эмпирической зависимостью сроков вскрытия от градусо-дней мороза и толщины льда. Так как срок вскрытия является функцией многих величин (толщины льда, снегового покрова, общего состояния погоды), то предсказание его весьма сложно.

Прогноз на навигацию 1937 года Назарова — автора данного обзора — оправдался. Прогноз был дан на основании преобладающих воздушных потоков в восточной части Карского моря, или, что то же самое, на основании сохранения барометрических тенденций, а также сравнений гидро-метеорологических элементов предыдущих лет с годом, на который дается прогноз. Данный прием все же требует дальнейшей проверки.

Прогнозы для Чукотского моря на 1937 год Ратманова, Волкова и Иванова, основанные на сравнении гидро-метеорологических элементов предыдущих лет с годом, на который дается прогноз, — не оправдались. Ошибочность указанных ледовых прогнозов обусловлена: а) весьма сложной гидро-метеорологической обстановкой Чукотского моря, б) отсутствием продолжительных наблюдений по этому морю, в) слабым анализом имеющегося материала.

Выводы

1. 1937 год, как и ожидалось по прогнозам, имел ледовитость меньше средней, что видно из следующей таблицы (см. стр. 46).

Настоящая таблица составлена по данным за все годы, подсчет площадей произвел инж. Н. А. Белинский по поручению Междуведомственного бюро ледовых прогнозов при Главсевморпути.

Площадь льда во второй половине августа в процентах по отношению к общей площади моря

М о р е	Минимум	Максимум	В 1937 г.
Карское	10	71	25
Море Лаптевых	8	72	30
Восточносибирское	26	84	40
Чукотское	8	36	6
Среднее	12	66	25

2. Средний процент оправдываемости ледовых прогнозов за годы 1933—1937 составляет 70%, отдельно за 1937—65%. Данные заключения сделаны по обзорам ледовых прогнозов: 1933 — В. Визе, 1934 — А. Лактионов, 1935 — Л. Рудовиц, 1936 — Н. Евгенов, 1937 — В. Назаров.

3. Дальнейшее развитие ледовых прогнозов должно идти по линии уточнения зависимостей между динамикой атмосферы и гидросферы и ледовитостью морей Арктики. Важнейшими прогностическими элементами надо признать:

- а) установление зависимостей ледовитости отдельных отрезков трассы от распределения атмосферного давления,
- б) установление зависимостей между плотностью воды в морях Советской Арктики в зимний период и последующей ледовитостью,
- в) подсчет теплообмена между воздухом и водой для основных пунктов трассы,
- г) использование аэрологических и актинометрических наблюдений.

4. Необходимо ознакомиться с признаками, которыми пользуются местные жители (луораветланы мыса Шмидта) для предвидения ледовых условий.

5. Совершенно нетерпимо отсутствие в печати обработанных результатов научных наблюдений.

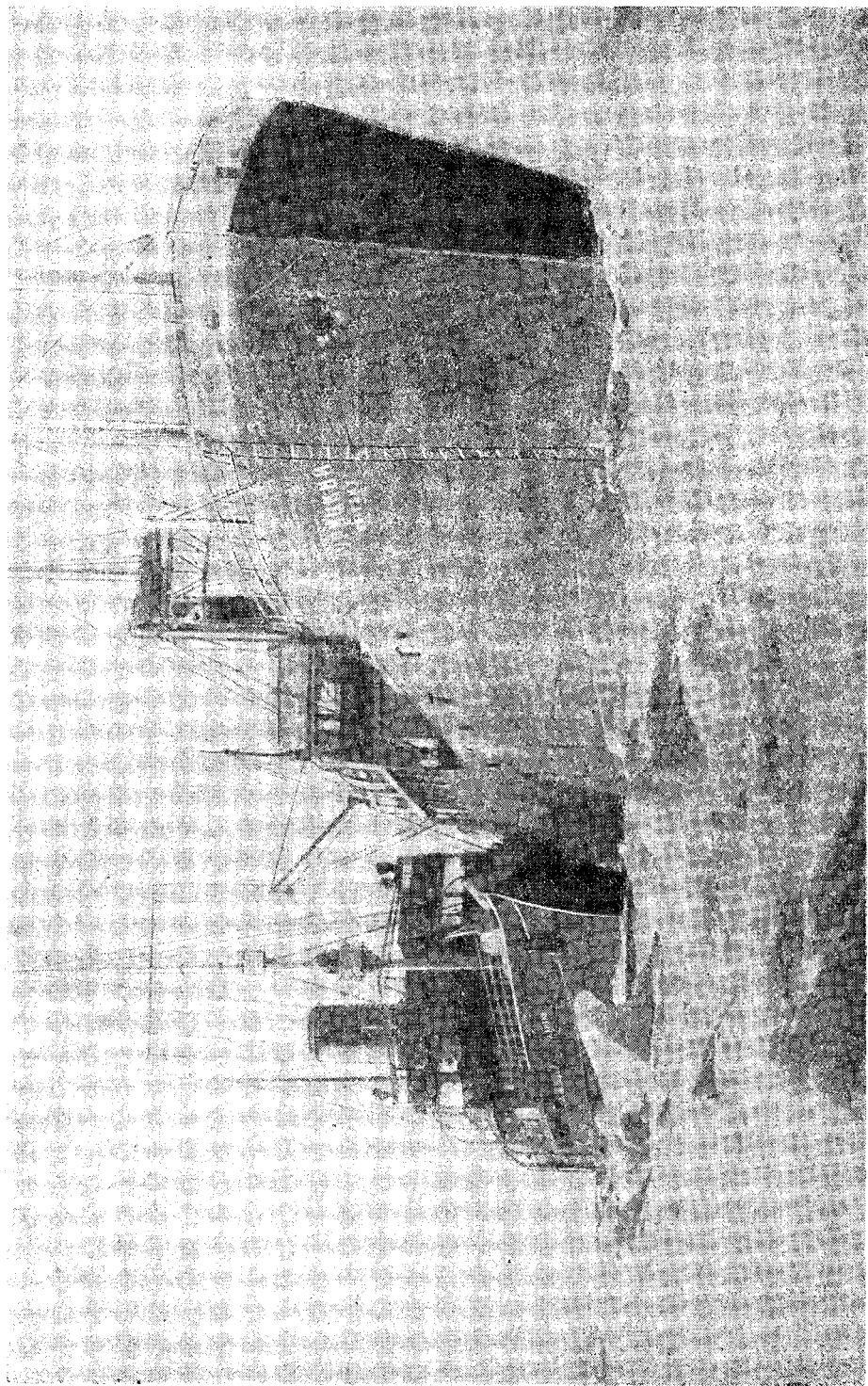
Пора издать строго обработанные результаты плаваний.

6. Опыт навигации 1937 года доказал необходимость оперативной ледовой службы. Надо надеяться, что в 1938 году таковая служба будет. Надо практиковать работу ледовых лоцманов.

7. Необходимо давать для оперативного руководства общий сводный прогноз, составляемый на основе всех прогнозов.

Работа ученых по построению наиболее отвечающих действительности прогнозов до настоящего времени еще полностью себя не оправдала.

Рост грузооборота по трассе Северного морского пути ставит серьезные задачи перед наукой о ледовых прогнозах, которая не имеет права отставать. Ледовые прогнозы должны стать обоснованной, точной теорией, которая „дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела“ (Сталин).

Ледокол „Урицкий“ буксируется у парохода „Урицкий“ в море Лангевых в 1937 году

(фото А. Леев)

УЛУЧШИТЬ ДЕЛО ЛЕДОВЫХ ПРОГНОЗОВ

Ледовые прогнозы начинают уже вводиться в практику эксплуатации Северного морского пути, но для совершенствования их предстоит еще много работы.

Несовершенство ледовых прогнозов для арктических морей объясняется прежде всего малым периодом наблюдений за состоянием льдов и атмосферными явлениями по всей трассе Северного морского пути. Началом этих наблюдений можно считать 1932 год.

Проводимые в настоящее время наблюдения далеко не являются систематическими и не охватывают всех необходимых для прогнозов видов. Достаточно указать, что утвержденные Межведомственным бюро ледовых прогнозов стандартные гидрологические разрезы и авианаблюдения за состоянием льдов по определенным маршрутам и в определенные сроки выполняются нерегулярно.

Особенно отстает изучение моря Лаптевых и Восточносибирского моря, для которых методы ледовых прогнозов еще не освоены.

Какие мероприятия нужны для обеспечения удовлетворительных ледовых прогнозов?

Межведомственным бюро ледовых прогнозов в свое время были запрошены отдельные научные работники, в частности проф. В. Ю. Визе и Н. Н. Зубов, которые считают необходимым проведение следующих мероприятий:

I. Освещение режима Гольфстрима и Атлантического течения, начиная от истоков, ежегодно: в Флоридском проливе, у Ньюфаундленда, по разрезу Согне-фиорд—Исландия, по разрезам в Гренландском море на 74-й, 78-й и 80-й параллели.

Эти наблюдения должны делаться в августе. По разрезу в Баренцовом море Нордкап—Медвежий—в мае и августе. По Кольскому меридиану—в ноябре и феврале до 73° сев. широты и в мае и августе—до кромки льдов.

II. Освещение режима арктических морей по стандартным разрезам в море Лаптевых, в Карском море, в Восточносибирском, Чукотском, в Беринговом проливе и в Беринговом море—в период навигации.

III. Освещение кромки льдов в арктических морях на судах: в северной части Гренландского моря и к северу от Шпицбергена—в августе, в Баренцовом и Карском морях—с мая по конец навигации, в море Лаптевых и Восточносибирском—в период навигации—судном с базой в Тикси, в Чукотском и Беринговом морях—судном с базой в бухте Провидения, в навигационный период.

IV. Глубокие самолетные разведки для наблюдений за состоянием льдов в навигационный период: с мыса Желания по маршрутам на Землю Франца-Иосифа, на остров Визе и на остров Уединения—с мая до конца навигации; с острова Диксона на восток, на север и на северо-восток; с мыса Челюскина на северо-запад, на северо-восток в море Лаптевых и на юго-восток, вдоль побережья; с мыса Уэлен на север и вдоль азиатского и американского побережья; с мыса Шмидта к острову Врангеля, к острову Геральда и вдоль побережья.

V. Организация сбора и систематизация ледовых наблюдений на всех судах, плавающих в полярном бассейне.

VI. Устройство полярной станции на северной оконечности острова Котельный.

VII. Организация и получение ежедневно средних и крайних температур воздуха, данных о силе, направлении и продолжительности ветра и ледовых наблюдений со станций: Мюгбюттен (восточное побережье Гренландии), Ян-Майен, Грин-Харбур, остров Медвежий, мыс Барроу, Мурманск, Земля Франца-Иосифа, мыс Желания, Канин Нос, Юшар, остров Уединения, остров Белый, остров Диксона, мыс Челюскина, острова Ляховские, остров Котельный, остров Врангеля, мыс Шмидта и мыс Уэлен.

VIII. Производство метеонаблюдений на всех судах, плавающих в полярном бассейне, и составление синоптических карт полярного бассейна на летнее время.

Организация в устьях рек Оби, Енисея, Лены, Индигирки и Колымы систематических наблюдений над расходом тепла, выносимого реками. Производство сплошной динамической съемки морей Карского, Лаптевых, Восточносибирского и Чукотского. Опубликование метеорологических наблюдений полярных советских станций. Систематическое составление карт средних месячных изобар для района от Гренландии до меридиана реки Мекензи к северу от 50° сев. широты. Карты должны быть готовы через три дня по окончании месяца. Систематическое составление карт средних месячных аномалий температуры воздуха для района от Гренландии до меридиана реки Мекензи к северу от 60° сев. широты.

Опубликование наблюдений по Кольскому меридиану за прошлое время. Ежегодное издание для всех полярных морей

СССР сводок состояния льдов по наблюдениям с судов, самолетов и станций («Ежегодник льдов»). Наблюдение на полярных станциях за толщиной льда. Организация службы ледовых лоцманов.

Из перечисленных мероприятий полностью выполнено лишь около половины. Около 50% требуемых мероприятий для обеспечения ледовых прогнозов не выполнено и не выполняется. Как ни странно, встретились затруднения в регулярном составлении карт средних месячных изобар и температурных аномалий из-за неполноты получаемых сведений с метеорологических станций союзной и зарубежной сети.

Нет сомнения, что большинство указанных мероприятий выполнимо и должно быть выполнено, учитывая широкий размах эксплуатации Северного морского пути. Для этого нужно, чтобы в системе Главсевморпути был какой-то оперативный аппарат, который бы выполнял эти работы и нес за них ответственность, чего до сих пор не было.

* *

О ледовых лоцманах. Вопрос о введении ледовых лоцманов на Северном морском пути, поставленный научными работниками, имеет свое основание, хотя как будто к прогнозам прямого отношения не имеет.

Действительно, какой бы ни был прогноз, отсутствие на судах ледовых лоцманов всегда может привести к срыву транспортных операций на Северном морском пути.

Последние годы в арктические рейсы вокруг мыса Челюскина направляются пароходы, капитаны которых ни разу не плавали во льдах. В результате такие пароходы с трудом идут за ледаколом и делаются совершенно беспомощными, как только остаются одни. Эти случаи в практике Севморпути обычны.

Ледовое плавание имеет свои определенные правила и специфические особенности в различных районах. К сожалению, многие опытные капитаны не знают ледовых правил, не говоря уже о новичках.

Таким образом, подготовка ледовых капитанов и ледовых лоцманов для обслуживания Северного морского пути является весьма важным мероприятием.

Как используется ледовый прогноз? Нельзя не остановиться на чисто формальном отношении к ледовым прогнозам со стороны оперативного руководства транспортными операциями по Северному морскому пути.

Ледовая обстановка в арктических морях слишком сложна, чтобы можно было удовлетвориться при организации транспортной операции только двумя по-

ложениями: благоприятные ледовые условия и неблагоприятные.

Необходимо внимательней подходить к ледовому прогнозу, в котором обычно дается анализ ожидаемой ледовой обстановки, с обоснованием некоторыми факторами. В таком случае оперативник сможет учесть возможные затруднения при проведении операции, ему будет легче ориентироваться в условиях практического хода операции и справиться со встретившимися затруднениями.

О сводной редакции ледового прогноза. До сего времени все ледовые прогнозы составлялись отдельными учреждениями и отдельными научными работниками, обсуждались в Междудевомственном бюро при Главсевморпути, на котором в заключение давался в лучшем случае самый краткий обобщенный вывод. Оперативные работники располагали обширным материалом по прогнозу различных авторов, мнения которых в деталях содержали значительные расхождения. Таким образом оперативному работнику предоставлялось самому разбираться в предполагаемой ледовой обстановке.

Такая практика представления ледовых прогнозов не удачна, и на будущее время все ледовые прогнозы должны объединяться в единый сводный, который бы объективно отражал все обоснованные детали отдельных прогнозов. В таком случае оперативному работнику будет легче разобраться в ожидаемой обстановке.

О схеме ледовых прогнозов. Необходимо конкретизировать ледовые прогнозы и сделать их более отвечающими практическим целям. Действительно, в ледовых прогнозах встречаются такие понятия, которые могут приниматься по-разному. Взять, например, замерзание моря в районах, где дрейф льда наблюдается в продолжение большей части зимнего периода; в таком случае замерзание моря не может быть связано со сроком окончания навигации, как обычно представляется. Часто в прогнозах не выделяется вопрос состояния льдов по трассе Северного морского пути, где состояние льдов может не совпадать с общей ледовитостью моря, как это было в 1937 году.

Составление ледового прогноза, придерживаясь определенной схемы вопросов, должно помочь приблизить ледовый прогноз к практическим целям. Желательно, чтобы ледовый прогноз для Северного морского пути освещал следующие вопросы для каждого отдельного моря:

1. Общую характеристику предполагаемого состояния льдов и сопутствующих ему гидро-метеорологических условий.

2. Вероятное состояние льдов в прибрежной части моря по трассе Севморпути.

3. Вероятное распределение льдов по отдельным участкам моря.

4. Ожидаемый срок вскрытия моря (взлом зимнего ледового покрова), у побережья и в проливах по трассе Севморпути.

5. Вероятный первоначальный срок освобождения моря от льда или разряда льдов для возможности навигации у побережья и в проливах по трассе Севморпути.

6. Вероятный характер дрейфующих льдов и их сплоченность в различные периоды навигации на трассе Севморпути.

7. Ожидаемый срок появления молодого льда в конце навигации по отдельным участкам побережья.

8. Предполагаемый срок прекращения навигации.

9. Гидро-метеорологические и другие факторы, на основе которых сделан прогноз.

О декадном бюллетене погоды. Издаваемый Управлением полярных станций бюллетень погоды содержит телеграфные метеорологические данные наблюдений полярных морских станций, сведения о состоянии льда и о температуре воды в море. Кроме того, бюллетень публикует температурные данные стандартных гидрологических разрезов, сведения об уровнях и температуре воды на главных реках (Обь, Енисей и Лена).

Бюллетень этот является единственным источником, который дает материал для ледовых прогнозов и вообще для неотложных вопросов, связанных с освоением арктических морей. К сожалению, этот бюллетень издается с опозданием и выходит нерегулярно. Такое положение в дальнейшем недопустимо и пагубно отражается на научной работе, в частности на ледовых прогнозах. Нельзя признать правильным, что Управление полярных станций прекратило издание «Бюллетеня погоды», который облегчал повседневное наблюдение за состоянием арктических морей.

Гидрологические прогнозы для рек Севморпути. Этот вопрос требует пристального внимания со стороны работников Северного морского пути.

Существующий отдел гидрологических прогнозов в Главном управлении гидрометслужбы не занимается нижним течением рек, входящих в систему Северного морского пути — Оби, Енисея, Лены. Вне его работ стоят также северные морские реки — Пясина, Хатанга, Анабар, Оленек, Яна, Индигирка и Колыма. В то

же время судоходство по этим рекам, особенно в их нижнем течении, связанное с Северным морским путем, нуждается в гидрологическом обслуживании.

С характером стока рек, впадающих в арктические моря, до известной степени связано состояние льдов в навигационный период на Северном морском пути. Сроки вскрытия и замерзания устьев северных рек стоят в прямой зависимости с навигационным периодом по Северному морскому пути. Таким образом, гидрологические прогнозы для северных рек имеют важное значение для эксплуатации не только самих рек, но всего Северного морского пути. В то же время в центре гидрологическими прогнозами рек никто не занимается, а гидро-метеорологические отделы территориальных управлений Главсевморпути уделяют мало внимания этому вопросу.

В настоящее время только гидро-метеорологические отделы на Енисее (Игарка) и на Лене (Якутск) дают далеко не полные гидрологические прогнозы, а по остальным рекам Северного морского пути подобные сведения полностью отсутствуют.

Гидрометотделам Управления полярных станций и Арктического института следует уделить самое серьезное внимание гидрологическим речным прогнозам.

Работа в области ледовых прогнозов в 1938 году должна быть резко усилена. Опыт показал, что уже к 1 января можно сделать некоторые предположения о состоянии льдов в арктических морях на основании состояния Атлантического течения, поступающего в Северный Ледовитый океан, и хода зимних температур воздуха по наблюдениям полярных станций. К марту ледовый прогноз может быть конкретизирован, давая более или менее определенные показатели вероятной мощности ледового покрова на арктических морях в навигационный период.

В мае мартовский прогноз представляется возможность уточнить, учитывая синоптический прогноз погоды, в смысле распределения льдов и характера навигационного периода.

Во всяком случае при должной постановке дела успех правильного прогноза состояния льдов в арктических морях может быть обеспечен, в частности для более освоенного и наиболее ледовитого Карского моря.

В навигацию 1938 года работа по прогнозу состояния льдов и погоды требует особого внимания, в связи с зимовкой судов в дрейфующих льдах.

ЛЕДОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЙ

Полярные станции, расположенные на морском побережье Советской Арктики, проводят систематические наблюдения и изучения льдов в прибрежной полосе. Летом они дополняют рейсовые наблюдения судов и самолетов, детализируя общую картину ледовой обстановки; в зимнее, весеннее и осеннее время они являются почти единственным источником ледовой информации.

Ледовые наблюдения имеют большое научное значение и используются в ледовых прогнозах. Прежде всего это относится к наблюдениям за ростом льда.

До сих пор за ростом льда в арктических морях производились наблюдения лишь в отдельных экспедициях („Тегеттгоф“, „Мод“ и др.), и детализация его в зависимости от различных физико-географических условий ввиду малочисленности наблюдений не могла проводиться. Теперь наблюдение за ростом льда поставлено почти на всех полярных станциях, и через несколько лет мы будем располагать надежными данными, пригодными для точных выводов.

На некоторых же станциях ледовые наблюдения проводились продолжительное время, и их данные позволяют уже сейчас делать первые выводы. Например, на острове Диксона эти наблюдения проводятся уже 13 лет. Данные этой станции показали, что лед нарастает в строгой закономерности с суммой отрицательных температур воздуха. Эта зависимость между толщиной льда и суммой отрицательных температур, выраженная графически, имеет вид параболической кривой, которую можно выразить аналитическим уравнением:

$$H = 2,15 (T)^{0,515},$$

где H — общая толщина льда, T — сумма отрицательных температур.

Практическая ценность этого уравнения для ледовых прогнозов заключается в том, что, пользуясь им, можно рассчитать возможную толщину ледяного покрова в зависимости от полученных данных о температурах воздуха. Например, можем определить максимальную мощность ледяного покрова к концу зимы. Это определение имеет большое значение в последующем состоянии льдов в течение весны и в начале лета.

На основании тех же многолетних наблюдений на острове Диксона была найдена величина суточного прироста льда в зависимости от среднесуточной температуры и от уже имеющейся толщины льда. Прирост оказался равным

$$1,19 (H)^{-0,644} (T),$$

где H — имеющаяся толщина льда, T — среднесуточная температура воздуха.

Оказалось, что суточный прирост льда уменьшается по мере того, как увеличивается общая толщина льда.

Когда будет накоплен достаточно подробный материал по другим станциям, можно будет сравнить величину роста льда по различным пунктам Арктики и найти причину расхождений. Это значительно подвинет вперед наши знания о физических процессах во льду.

Возможно, что такие зависимости удастся установить не только для процессов роста льда, но и для его весеннего разрушения, и это даст дополнительное средство для уточнения ледовых прогнозов.

Другим разделом наблюдений над льдами, имеющим большое значение, является установление хронологического порядка в пространстве вдоль линии побережья таких ледовых процессов, как вскрытие и замерзание. Производить эти наблюдения стало возможным лишь в самое последнее время, в связи с значительным ростом сети полярных станций.

Путем сравнения времени вскрытия и замерзания в различных районах Арктики удалось выяснить, что эти процессы, начинаясь в каждом море из какого-либо определенного пункта, постепенно распространяются в определенном направлении. Поэтому пункты, находящиеся в удалении от этого первого пункта, замерзают или вскрываются позднее. Таким образом речь идет об определении последовательного, волнообразного хода замерзания и вскрытия, начинающегося всегда в определенном пункте побережья, который можно назвать центром замерзания или вскрытия.

Таковыми центрами замерзания оказались следующие районы:

- 1) пролив Вилькицкого, 2) устье Оби — Енисея, 3) устье Лены, 4) устье Колымы, 5) восточный берег Новой Земли.

Центры вскрытия расположены в следующих районах:

- 1) Берингов пролив, 2) западный берег Новой Земли, 3) устье Оби — Енисея, 4) устье Лены, 5) устье Колымы.

Установление центров замерзания и вскрытия, а также путей распространения волн замерзания и вскрытия имеет как чисто практическое, так и научное значение.

Незнание путей распространения осеннего замерзания и весеннего вскрытия или пренебрежение этими знаниями неизбежно приводит к тому, что суда вынуждены зимовать в самых неподходящих местах, неблагоприятных в отношении сроков замерзания и сроков вскрытия.

Особенно показателен в этом отношении итог навигации 1937 года, когда было

несколько случаев посылки судов на верную зимовку вследствие чрезмерного затягивания навигации в тех районах, которые замерзают одними из первых.

Научное значение данных о замерзании и вскрытии заключается в том, что они позволяют связать непрерывной цепью ряд ледовых процессов, совершающихся в различных районах Арктики. Поэтому в некоторых случаях достаточно выяснить происходящие события в начальном пункте, т. е. в центре замерзания или вскрытия, чтобы разгадать последующий ход событий во всей цепи. Например, получив сведения о замерзании Лены, мы можем почти безошибочно сказать, когда замерзнет район бухты Нордвик, уточнив этим ледовый прогноз.

Вопрос о причинах постоянства расположения центров замерзания и вскрытия обязывает особенно тщательно подходить к физико-географическому познанию Арктики и к выяснению физической стороны процессов, совершающихся во льду в их взаимосвязи с внешними условиями. Это способствует накоплению точных научных данных о природе Арктики.

Особое место занимают наблюдения полярных станций над зимним состоянием льдов, в частности над распространением прибрежного припая. В прошлом, когда полярных станций не существовало, единственным источником сведений о состоянии льдов являлись случайные санные поездки по льду. В результате подобных поездок, предпринятых Геденштромом, Анжу, Врангелем и другими, среди полярных исследователей укоренилось мнение о значительном протяжении неподвижного берегового припая. В частности, для моря Лаптевых и Восточносибирского моря распространение припая от берега на север принималось равным 250—300 км. Судя же по подробным наблюдениям наших станций, в этом припая в течение зимы происходят весьма частые подвижки, сопровождающиеся образованием полыней и разводий.

Очень важными являются наблюдения наших полярных станций над развитием и разрушением льда, над его первым возникновением в виде тонкого слоя сала и дальнейшим превращением в мощный двухметровый ледяной покров, над последующим течением, взламыванием и выносом в открытое море. Благодаря тому, что станции производят целый комплекс гидрологических и метеорологических наблюдений и исследований, отмечены основные черты закономерной связи между ледовыми процессами, с одной стороны, и гидро-метеорологическими факторами, — с другой.

Эта связь, обнаруженная лишь в результате последних исследований и еще не уточненная, тем не менее занимает видное место в современных ледовых прогнозах. Например, предсказание времени весеннего вскрытия и осеннего замерзания различных бухт и проливов стало возможным благодаря выяснению определенной зависимости между состоянием льда и температурами воздуха. В случае существования положительной температурной аномалии за предшествующий период вскрытие обычно происходит раньше и замерзание позже нормального срока, а в случае существования отрицательной температурной аномалии вскрытие запаздывает и замерзание ускоряется. По некоторым станциям такая связь настолько ясно обнаружена, что ее можно выразить в виде математического уравнения, учитывающего, с одной стороны, величину и знак температурной аномалии в градусах, а с другой стороны — величину отрезка времени, на который передвигаются сроки замерзания или вскрытия по сравнению с нормой.

Для вывода таких — хотя бы и схематичных — зависимостей требуется знание средних многолетних температур и средних многолетних дат замерзания и вскрытия, с которыми можно было бы сравнивать аномалии отдельных моментов. Чем длительнее период предварительных наблюдений, тем точнее можно установить средние значения элементов и тем точнее будут найденные зависимости. Методика ледовых прогнозов до сих пор не вполне определилась, и она не имеет еще твердой и обоснованной базы, но с накоплением материалов наблюдений по станциям эта база постепенно будет укрепляться.

На станциях ведется также интенсивная работа по химическому изучению льда, изучению дрейфов льда, его механических свойств (последние данные особенно необходимы для ледокольного флота) и т. д.

Все наблюдения в последнее время проводятся по единой стройной методике, благодаря чему облегчаются их систематизация и использование. Максимальное использование научных данных, собираемых станциями, безусловно приведет к значительному снижению риска вынужденных зимовок судов и лишней раз подтвердит вывод о том, что практическое освоение Северного морского пути возможно лишь параллельно с научным его освоением. Максимальная безопасность полярного мореплавания может быть достигнута лишь в результате использования новейших достижений полярной науки.

ИЗМЕНЯЮТСЯ ЛИ ГЛУБИНЫ И ОЧЕРТАНИЯ БЕРЕГОВ СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

На Новой Земле в заливе Незнаемом на южном берегу Маточкина Шара, в восточном его устье и в других местах этого острова видны длинные и широкие довольно правильные террасы, похожие на громадные ступени гигантских лестниц. Такие же террасы имеются на островах Земли Франца-Иосифа, Шпицбергена, на острове Каменном (перед устьем реки Пясины), на Северной Земле и на Новосибирских островах.

Указанные террасы принимаются как доказательство векового поднятия берегов (или регрессии моря), совершавшегося на протяжении тысяч лет и притом периодически.

Вековым поднятием берегов объясняются и так называемые реликтовые озера (бывшие ранее небольшие морские заливы и бухты, отделившиеся от моря вследствие поднятия берега), встречающиеся на Мурмане, Новой Земле и Вайгаче, на Северной Земле, Новосибирских островах, острове Врангеля и на островах дельты реки Лены.

Другими, такими же очевидными доказательствами векового поднятия берегов северных морей считаются:

присутствие масс плавника (принесенного течением и выброшенного на берег морем), встречаемого на берегах Новой Земли, Шпицбергена, Северной Земли, на острове Врангеля и Новосибирских островах на высоте до 15 метров над уровнем моря, т. е. на такой высоте, до которой морские волны при современном уровне моря никогда не могут достигнуть. Этот плавник мог быть заброшен туда только при более высоком уровне моря, что имело место сотни лет тому назад;

присутствие масс морских раковин в почве тоже на большой высоте. Например, на материковом берегу Кувшинской салмы (Кольский залив на Мурмане) на высоте около 30 метров над морем осыпь склона одной горы почти целиком состоит из морских раковин, какие водятся у берегов Мурмана и теперь, причем они как будто совсем недавно из воды. Почва кладбища в селе Полярном на Мурмане, на высоте около 40 метров над уровнем моря, состоит сплошь из морских раковин. Исследователи Арктики находили морские раковины на горах северной части Новой Земли на высоте 30 метров над уровнем моря, в 5—7 километрах от берега;

находки скелетов китов и китообразных в почве указанных выше террас; например, в Бельзунде на Шпицбергене

скелет кита был найден в террасе на высоте около 5 метров над уровнем моря, на Северной Земле на высоте около 8—12 метров и на Земле Франца-Иосифа на высоте 7—15 метров. На южном берегу пролива Д. Лаптева в щебне и песке было найдено крупное китообразное животное. В слое вечной мерзлоты на полуострове Ямал встречаются не только скелеты китов, но даже сало их, сохранившееся благодаря вечной мерзлоте.

Заметим, что остатки морских животных встречаются только в тех террасах, которые расположены до высоты не более 50 метров над уровнем моря. Число этих террас нигде не превышает шести. Террас без остатков морской фауны и флоры, расположенных обычно выше 70 метров над морем, бывает не больше 4—5, причем они располагаются одна над другой значительно реже, чем первые террасы. Из этого заключают, что вековые колебания берегов северных морей в отдаленные от нас эпохи, когда эти террасы образовались, совершались медленнее, чем в позднейшие времена и теперь, что доказывается меньшей высотой и большей частотой ниже лежащих террас.

Белое море не имеет столь ясно выраженных признаков векового подъема берегов, как Баренцево, Карское и другие северные моря, но и оно не лишено доказательств этого процесса. Например, вверх по течению реки Чижи (Конушинский берег) на южном ее берегу встречаются песчаные косы с окатанной галькой и растительностью морских песчаных прибрежий, в устье реки Мглы (Канинский берег) в наносах правого ее берега, покрытых слоем ила, встречаются массы плавника; в террасах Канинского полуострова на высоте от 6 до 20 метров над уровнем моря встречаются морские раковины; такие же раковины встречаются в почве на Соловецких островах на высоте около 40 метров над морем; на острове Анзерском и Большом Муксаломском — на первом в местечке Красная Кеньга, а на втором у горы Фавор вдоль морского берега расположены совершенно правильными рядами гряды из окатанной гальки и мелких камней; означенные гряды могли образоваться только в результате морского прибоя, причем на Красной Кеньге они находятся на высоте от 20 до 40 метров, а на горе Фавор — 25—35 метров над уровнем моря.

Три ряда, высотой до 4 метров, таких

же бывших заплесков моря из гальки и песку встречаются и на острове Колгуеве.

Какова же величина векового подъема берегов северных морей, если этот процесс происходит и в наше время?

Темпы подъема частей берегов Норвегии, соседних с нашим Мурманом, определяют в 1,8 метра в столетие. Такую же величину векового подъема берегов принимают и для нашего Мурмана, но нужно заметить, что наблюдений над поднятием берегов у нас не производилось и не производится, тогда как эти наблюдения в Норвегии ведутся систематически с 1851 года, а впервые были начаты еще в 1751 году. Производство наблюдений над колебанием почвы и у нас представляло бы несомненный интерес, тем более, что благодаря большому числу научных станций на северных морях эти наблюдения возможны теперь на всем протяжении берегов — от Норвегии до Берингова пролива.

Если берега северных морей испытывают подъем, то очевидно, что это должно сказаться и на глубине морей, омывающих эти берега. Само собою понятно, что означенное изменение в глубинах, именно уменьшение их, скорее всего должно быть замечено на небольших по площади и неглубоких отдельных банках.

Сравнивая описи Белого моря и Мурмана, производившиеся Литке и Рейнеке в 1822—1831 годах, с описями современными (для Мурмана 1905—1934 годов и для Белого моря 1887—1912 годов), находим следующее изменение глубин.

У Мурмана

1. Корга в 1,3 кабельтовых на северо-восток от мыса Фаддеева, имевшая глубину 0,3 м (1 фут), теперь стала осушной.

2. Подводный камень на створе южных концов островов Витте и Сального (Юканский рейд) имел глубину 1,2 м (4 фута), теперь на нем 0,3 м (1 фут).

3. Подводный камень в губе Корабельной (Териберка) в 4 кабельтовых к югу от западного края мыса Деппоранского теперь стал осушным.

4. На банке Игла на Семиостровском рейде глубина с 6,1 м (20 ф.) уменьшилась до 5,2 м (17 ф.).

5. Подводный камень в 1 кабельтове к северо-востоку от острова Концевого (у восточного края острова Малого Оленьего) теперь стал осушным.

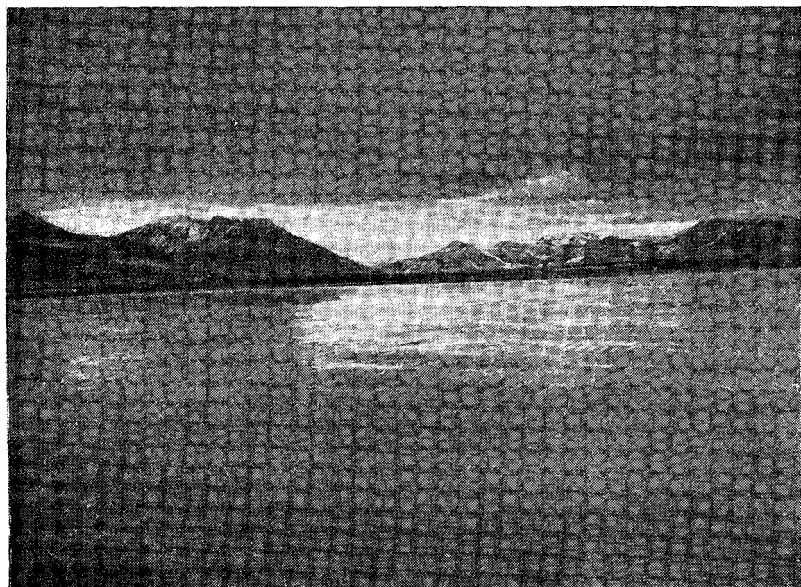
6. Камень, находящийся на юго-востоке в 4 кабельтовых от мыса Типункова (полуостров Рабочий), имевший в 1870 году глубину 0,3 м (1 ф.), теперь осушной.

7. Камень Малая Воронуха (Кольский залив) прежде был подводным, теперь стал осушным.

8. Высота переймы (перешейка), соединяющей южную оконечность острова Екатерининского с материком, бывшая прежде около 0,7 м (2 ф.) над уровнем малой воды, теперь 1,3 м (4 ф.).

9. Пролив по восточную сторону острова Входного в губе Западной Долгой, бывший мелководным, теперь сохнет.

10. Проливы между островами Безымянным и Шалимом с одной стороны и

Маточкин
Шар

островом Еретиком — с другой (в Урегубе), прежде мелководные, теперь осыхают.

11. Пролив между островами Престей и материком (Эльвенес-фиорд в Варангерском заливе) прежде был мелководным, теперь тоже осыхает.

В Белом море

12. Глубина в залудье Тарханово (Канинский берег) прежде была 1,5 м (5 ф.), теперь 1 м (3 м.).

13. Банка Сквородка (в губе Пушлахта), бывшая подводная, стала осушной.

14. Троицкий (Вербокурский) стамик у острова Анзерского прежде имел глубину около 1 м (3 ф.), теперь осыхает.

15. Лимицкий стамик — прежняя глубина 1,5 м (5 ф.), теперь: северный стамик осыхает, а на южном — глубина 0,3 м (1 ф.).

16. На Северном Кемском стамике глубина была 1,2 м (4 ф.), теперь 1 м (3 ф.).

17. В проливе между крестами на Вороньих коргах (Соловецкий рейд), ведущем в гавань Благополучия, глубина была 0,7 м (2,5 ф.), теперь 0,3 м (1 ф.). В XVI столетии между этими крестами, поставленными для указания фарватера в гавань, ходили монастырские суда.

18. Ривенский стамик; прежняя глубина на нем 0,3 м (1 ф.), теперь осушной.

19. Хенекорга, прежде подводная, с глубиной около 0,3 м (1 ф.), теперь надводная.

20. Самбалудский стамик был почти осыхающий, теперь осыхающий.

21. Банка Воробьева (Кандалакшский залив) прежде имела глубину 1 м (3 ф.), теперь осыхает.

22. Киберинская корга (Кандалакшский залив) — глубина была около 1 м (3 ф.), теперь осыхает.

23. Пролив между островом Поповым и материком (Кемь), прежде мелководный, теперь осыхает.

24. Бухточки Грязная и Онуфриевская на восточном берегу острова Соловецкого (к северу от мыса Печак), прежде доступные для небольших шлюпок, теперь и в полные воды только-только заливаются водой.

25. Бухточка в 270 м к северо-западу была доступна для больших шлюпок в настоящее время эта бухточка чуть заливается водой, да и то только в самые большие приливы.

26. Сенной стамик на Соловецком рейде имел глубину 2,4 м (8 ф.), теперь 1,8 (6 ф.).

27. На банке Шоглянке (Онежский залив) глубина была 1,8 м (6 ф.), теперь 1 м (0,3 ф.).

Приведенный перечень был бы много полнее, если бы все банки, какие мы знаем сейчас, в свое время знали бы также и Литке и Рейнеке, а все известные им банки были бы описаны ими более подробно. И действительно, при недостаточном тщательном обследовании экспедиции Рейнеке и Литке значительного числа мелей, особенно больших по площади, как, например, Северных Кошек, Кедровской, Песчанонаволоцкой, То-

Маточкин
Шар

порушной, Топовской, Заяцкой и многих других мелей, наименьшие глубины на них могли быть тогда пропущены. Поэтому сравнивать наименьшие глубины на этих банках по данным Литке и Рейнеке с наименьшими глубинами, полученными позднейшими экспедициями, с тем чтобы разность между ними отнести на счет векового поднятия морского дна, — будет неверно.

Нужно сказать, что и в приведенных выше примерах разность в глубинах вряд ли можно целиком приписать поднятию морского дна. Несомненно, что в этих расхождениях есть некоторые ошибки от разностей уровня моря, принятых экспедициями Рейнеке и Литке, и современными, но, с другой стороны, объяснять эти расхождения в глубинах только разностями принятых тогда и теперь уровней моря тоже нельзя, так как случаи, указанные в примерах 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 25, являются фактами очевидной исторической достоверности, свидетельствующими о наличии векового подъема морского дна.

Гидрографические исследования Литке около Новой Земли в 1821—1824 годах были весьма поверхностны, а прибрежного промера и совсем не производилось. Поэтому его работы, а равно Пахтусова и Цивольки, совершенно не представляют данных, сравнение которых с результатами современных промеров дало бы право говорить о вековом поднятии морского дна в районе Новой Земли. Что этот процесс совершается и здесь и, следовательно, также влечет за собой изменение глубин, указывают случаи превращения судоходных проливов в несудоходные и даже в надводные перешейки, в силу чего некоторые острова стали полуостровами.

Например, теперешний полуостров Адмиралтейства во времена Литке был островом, отделявшимся от берега Новой Земли мелководным проливом; в конце XVI века этот пролив был еще настолько глубок, что им прошло судно В. Баренца.

Академик Озерецковский в записках академика Ивана Лепехина со слов Мезенского кормщика Рахманина сообщает, что так называемый Обманный Шар на острове Междущарском в половине XVIII века еще был под водой, теперь же здесь низменный перешеек. На острове Колгуеве доказательством векового подъема берегов является превращение Промойной губы на южном берегу острова в озеро. Группа крестов при устье реки Васькиной, бывшая в 1902 году у самого берега моря, в 1921 году оказалась уже в 2,5 километра от берега, благодаря образовавшейся отмели, выдвинувшейся в море.

Если глубина северных морей изменяется вследствие векового поднятия морского дна, то под влиянием того же фактора меняются в деталях и очертания берегов, что мы уже видели на примерах превращения островов в полуострова, а проливов в перешейки. Но очертания берегов материка и островов северных морей еще сильнее меняются в результате непрерывного размыва и обвала берегов. Это явление наблюдается на северных морях у всех обрывистых песчано-глинистых берегов, и происходит оно под влиянием двух причин: тепла и действия морского прибоя.

По мере усиления летнего таяния почва берегового обрыва и верхний торфяной покров оттаивают, в результате чего начинаются оползни и обвалы. Эти обвалы и оползни были бы еще не столь интенсивны, если бы не действие морского прибоя, который довольно быстро разрушает основание берегового обрыва, подмывая его и тем самым способствуя обвалам берега. Упавшие к подножию обрыва части берега размываются здесь волнением, образуя в некоторых местах так называемые заструги (у полуострова Ямала пабереги).

Разрушению берега способствует и морской лед, который, напирая на берег, подрывает его снизу.

Правильно поставленных систематических наблюдений над процессом разрушения берегов у нас также не производится. Поэтому для суждения о том, как быстро этот процесс совершается, нет никаких данных, за исключением сведений для редких отдельных районов. Например, убыль берегов Новосибирских островов в разных частях их колеблется в пределах от 0,4 до 2 метров в год.

Скорость размыва берегов зависит от силы прибоя волн, скорости течения, напора льда с моря, движения плавника и прочности строения самого берега. Так, северный берег полуострова Ямала (в проливе Малыгина) разрушается очень медленно. Об этом можно судить из того, что знак земляной холм, насыпанный в 1737 году на мысе Юмбо-сале лейтенантами Малыгиным и Скуратовым при описи ими этого берега, только через 171 год, т. е. в 1908 году, оказался на самом обрыве. Расстояние от берегового обрыва до знака в год его сооружения не известно, но, вероятно, оно не было большим.

Разрушение берега происходит, пожалуй, быстрее, чем где-либо на северных морях, на острове Моржовце в Белом море. Относительно размыва берегов этого острова имеются многолетние данные (единственный случай систематических наблюдений над разрушением берега).

Заметим, что названный остров расположен перед входом в Мезенский залив, как раз в том месте Белого моря, где высота прилива и скорость приливотливного течения наиболее велика; высота среднего сизигийного прилива — 6,6 м (22 ф.) и наибольшего — 7,3 м (24 ф.) и скорость течения от 3 до 4 миль в час. Волнение здесь также бывает значительное, так как эта часть моря открыта океану, к которому остров Моржовец обращен северо-западной частью. Берега острова Моржовца песчано-глинистые с примесью не крупного камня, покрытые толстым слоем торфа со слоем вечной мерзлоты в нем. Северо-западная оконечность острова возвышена до 21—30 метров и обрывиста. К юго-востоку остров постепенно понижается. Форма острова овальная, причем своей большей осью он вытянут с северо-запада на юго-восток, т. е. как раз по направлению приливного течения, вступающего с океана в Белое море и в Мезенский залив по этому румбу. Поверхность острова усеяна массой озер разной величины. Наибольшая длина острова (по съемке 1915 года) около 8,5 мили.

В 1841 году на Моржовце (на северо-западной оконечности) был поставлен первый маяк. Место для маяка было выбрано в 1837 году и находилось от ближайшего обрыва берега в 576 метрах. В 1857 году это расстояние сократилось до 202 м, а в 1865 году до обрыва берега осталось только 65 метров.

В 1869 году, в год начала постройки второго Моржовецкого маяка на этом же берегу острова (по определению 1915 года в широте $66^{\circ}45'32''$, 8 и долготы $42^{\circ}25'12''$), до берегового острова от этого маяка было 790 метров, в 1882 году оно уменьшилось уже до 277 метров, т. е. за 12 лет берега убыло 513 метров, по 43 метра в среднем в год. До 1878 года разрушение берега шло особенно быстро, чему способствовали небольшие озера, находившиеся между маяком и берегом. Когда береговой обрыв подходил к озеру вплотную, то озерная вода начинала просачиваться сквозь перемычку, отделявшую озеро от обрыва, и чем дальше, тем сильнее, пока наконец не устремилась в море в виде водопада, и тогда разрушение берега пошло очень быстро.

В 1874 году над разрушением берега были начаты наблюдения: на 1 января каждого года измерялось расстояние от маяка до берегового обрыва. Эти измерения были прекращены в 1926 году, когда был построен новый, третий маяк, в 2,4 мили на юго-восток от второго.

Результаты измерений показывают, что в отдельные годы разрушение берега совершенно прекращалось, но зато были годы, когда берега убывало по 17 метров. В среднем же за время с 1882 года по 1926 год берег разрушался по 5 метров в год, а за промежутки с 1869 по 1926 год — почти по 13 метров в год.

Новые жилые дома для маяка были построены в 1865 году. Они находились: дом для служителей в 742 метрах от берегового обрыва и дом смотрителя в 777 метрах. В 1912 году до дома служителей от обрыва берега оставалось 28 метров, а в 1918 году он оказался всего в 6 метрах от берега и был разобран. До дома смотрителя в 1926 году оставалось 13 метров. Таким образом за 61 год берега убыло 764 метра, или, в среднем, в год убывало по 12,5 метра.

Если среднюю величину разрушения берега Моржовца принять в 13 метров, то за сто лет остров укорачивается с северо-запада на 1300 метров, т. е. почти на три четверти мили. Благодаря озерам, способствующим размыву берегов, разрушение острова периодами совершается еще быстрее. Надо полагать, что приблизительно через тысячу лет от острова Моржовца останется только один след в виде песчано-глинистых с камнем кошек.

Разрушение Абрамовского берега в Мезенском заливе (берег такого же строения, как и остров Моржовец) совершается медленнее, так как сила прибоя волн здесь значительно меньше, чем у Моржовца. Первый Абрамовский маяк (на мысе Абрамова), построенный в 1910 году, находился тогда от берегового обрыва в расстоянии 91 метра. В 1926 году это расстояние сократилось до 32 метров, т. е. за 16 лет берега убыло 59 метров, при ежегодной средней убыли по 3,5 метра.

Из всего сказанного очевидно, что расхождения, в некоторых случаях и весьма заметные, между картами какого-либо района, составленными в 1822—1831 годах, и картами современными нельзя целиком приписать только неточности работ сто лет тому назад. Вне всякого сомнения, эти расхождения в глубинах морей и в очертаниях их берегов в значительной доле являются следствием векового поднятия морского дна и разрушения берегов. Ясно также, что указанные вековые изменения, поскольку они достигают иногда заметной величины, должны учитываться и картографами и моряками при пользовании старыми картами.

В ЧЕМ НУЖДАЮТСЯ ПОЛЯРНЫЕ СТАНЦИИ

(По радио с зимовок)

Мыс Желания

Новая смена прибыла на мыс Желания 21 октября 1937 года, за восемь дней до наступления полярной ночи.

Большая часть наших грузов из Архангельска шла пароходом „Пролетарий“, остальная часть — пароходом „Аркос“. „Пролетарий“, не выгрузив основных грузов (картофеля, капусты и других овощей, копченостей, масла, рыбы, макарон), ушел в бухту „Тихую“. „Аркос“ также не выгрузил многих продуктов и, несмотря на протест начальника зимовки, ушел в Русскую Гавань.

Каждый год повторяются одни и те же недостатки. Неумение работать прикрывается „особыми условиями“ Арктики, стихией. Но дело здесь, конечно, не в стихии, а в том, что маршрутный рейс „Аркоса“, ежегодно ходящего на Новую Землю, был составлен неправильно. „Аркосу“ полагалось сделать 21 заход, причем на мыс Желания приходился 18-й заход, т. е. один из самых последних. Если бы под нажимом зимовщиков, едущих на мыс Желания, не был изменен рейс „Аркоса“, — не удалось бы произвести выгрузку даже части грузов и смену зимовщиков. На более южные станции, как Колгуев и Юшар, грузы были выгружены в первую очередь, и на их разгрузку ушли самые лучшие дни для навигации. Грузы для Колгуева и Юшара можно было бы отправить любым пароходом, идущим в этом направлении незагруженным.

В связи с поздним прибытием парохода на мыс Желания, сразу же после выгрузки на берег грузов начались пурги, морозы, и грузы засыпало снегом. Потребовалась большая и трудоемкая работа всех зимовщиков по откопке и разборке грузов.

„Аркос“ стоял у мыса Желания всего несколько часов, а за это время новая смена должна была принять станцию со всем оборудованием на сумму свыше миллиона рублей. Фактически это был не прием зимовки, а лишь формальное подписание ведомостей.

Благодаря ежедневным авральным работам зимовщиков, все эти неполадки выправлены. Мы перевезли на станцию уголь, дрова и все грузы и основательно подготовились к проведению полярной ночи. Несмотря на невыгрузку целого ряда необходимых грузов, мы полагаем, что проведем полярную ночь без особых трудностей.

Снабжающие организации невнимательно относятся к таре для полярных грузов. Часто дорогостоящие техоборудование и продукты плохо

тарируются, другие же виды грузов — ломы, лопаты, цепи — наоборот, запаковываются в хорошие ящики. Например: при неоднократной перевалке наших грузов в трюмах „Аркоса“ яичная тара была разбита и грузы попорчены; вар упакован в хорошей дубовой бочке, а засахаренные лимоны в плохих бочках, в результате две бочки лимонов пришли в полную негодность. Сахар, погруженный на дно трюма, за месяц пути отсырел.

Небрежность и безответственность допускаются и при выгрузке. Привезенные из мичуринского питомника яблоки были испорчены в самый последний момент при выгрузке с „Аркоса“ на берег: в результате пробоины металлической бочки с бензином, положенной по небрежности на ящики с яблоками, последние пропитались бензином.

Не выполняется приказ о двойной мешковой таре для сахара, крупы, муки; ординарная тара рвется, груз пропадает.

Серьезный вопрос при разгрузке — это маркировка грузов. Ящики и бочки настолько исписаны номерами, отражающими стадии прохождения грузов, что невозможно в них разобраться. Копии паковочных ярлыков, написанные под копирку и выданные нам, неразборчивы и не отражают того, для чего они предназначены.

До сих пор качество меховой одежды очень низкое: она плохо скроена и сшита, слишком тяжела, плохо греет, и зимовщики одевают ее только в случаях особой необходимости. На зимовке больше всего носят полушубки и валенки, и если их качество будет улучшено — они заменят многие виды меховой одежды.

Очень удобны меховые нерпичьи шлемы, типа авиационных: они легкие, теплые и не продуваются ветром. Такой шлем может носиться не менее двух лет и заменит неважные по качеству шапки-ушанки.

Назрел вопрос о выработке стандартов мебели для полярных станций и о способах ее перевозки. Привезенные нам стулья и шкафы оказались исключительно низкого качества и при перевозке ломались, так как часто сверх мебели грузятся тяжеловесы. При погрузке в трюмы парохода мебель занимает слишком много места, нерационально используя габариты судов.

Мебель для зимовок должна быть прочной, сделанной из твердых пород дерева, обязательно разборной, на металлических скрепах. На каждой зимовке найдется работник, сумеющий собрать разборную мебель. Такая мебель прослужит десятки лет.

Начальник станции *А. А. Савельев*

Мыс Выходной

Из всех строений на полярных станциях самым важным является жилой дом. Наиболее удобный тип этой постройки — деревянный дом, проконопаченный, обшитый снаружи тесом, а внутри оштукатуренный. Штукатурка предохраняет дом от продувания сильными ветрами и способствует содержанию помещения в чистоте. То же относится и к радиорубке, если она помещается вне жилого дома.

Склады необходимо строить рублеными, конопаченными. Практикующиеся сейчас тесовые складские помещения, как бы хорошо ни были сделаны, всегда пропускают снежную пыль во время сильных ветров.

Баня также должна быть рубленая, конопаченная, обшита снаружи тесом, с засыпкой промежутка между стеной и обшивкой опилками или шлаком. Потолки жилого дома и бани должны быть также утеплены.

Пролив Маточкин Шар

(Фото П. Новицкого)

Смену зимовщиков, а также завоз стройматериалов, строителей, снабжение станций продуктами и оборудованием нужно производить в начале навигации, не позднее сентября. Необходимо максимально использовать светлое время и наиболее благоприятную погоду для строительства и разгрузочных работ.

Плохим примером снабжения в 1937 году явилось „обслуживание“ зимовщиков Новой Земли пароходом „Аркос“, который ввиду позднего рейса выгружал грузы не на полярных станциях, а где попало: например, груз для Выходного остался на Матшаре и т. д. В результате груз пропадает, гниет, тонет в море.

Ни в каком случае нельзя допускать отправки грузов для полярных станций в стеклянной таре, она бьется, и продукты гибнут. Ее нужно заменить металлическою тарой.

За счет большого количества меховых сапог и кухлянок, необходимых только при разъездах, надо увеличить норму русских сапог и вале-нок. Желательно за счет количества теплой одежды повысить ее качество.

Снабжение продуктами, культинвентарем и литературой по количеству и по качеству было удовлетворительное.

Старший по зимовке *А. И. Медведев*

Остров Котельный

Наиболее отвечающими арктическим условиям постройками считают обычные бревенчатые, тщательно срубленные дома, с двойными полами и потолками, хорошо проконопаченные.

Рекомендую станциям обмораживать снаружи теплые строения мокрым снегом, что значительно сохраняет тепло.

При кладке печей обязательно следует применять во внутренних частях огнеупорный кирпич, иначе печи приходится постоянно ремонтировать.

При постройке станций сборку строений нужно вести обязательно совместно с группой строителей. Если же все строительство возложить на плечи одних зимовщиков, то, как показал опыт нашей станции, сильно задерживается начало нормальной работы станции.

Необходимо увеличить снабжение станций линолеумом — он обеспечивает чистоту.

Учитывая долгую полярную ночь, необходимо обратить внимание наших снабженцев на достаточное и правильное снабжение зимовок осветительным инвентарем. В 1935 году на Котельный были присланы, например, лампы большого размера абсолютно без стекол; в течение трех полярных стосуточных ночей сотрудники работали исключительно при тусклом свете семилинейных ламп.

Необходимо снабжать станции сухой березой для изготовления нарт.

Экспедиционная обувь и одежда должна быть оленья, так как собачья очень тяжела и недостаточно тепла. Спальные мешки желательно иметь, если не из волчьих шкур, то хотя бы из заячьих спинок.

Начальник станции *В. И. Соколов*

Устье реки Таймыры

В навигацию 1937 года дом полярной станции в устье реки Таймыры был обшит снаружи войлоком и толем. Но самое главное не было сделано: пол остался не перебранным и не сбитым, ввиду запрета стройконторы трогать доски перегородок, чтобы не изменять расположения здания. Поэтому с наступлением штормов дает себя знать ветер. Продувает буквально во всех углах, и даже в валенках мерзнут ноги.

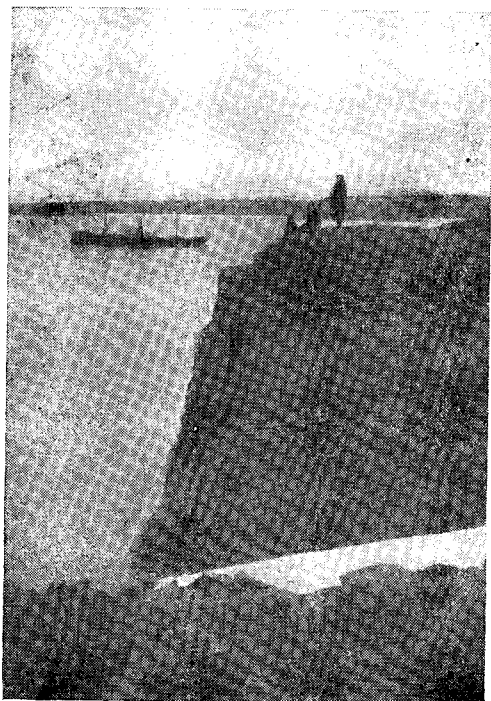
Недостатком строительства считаем плохой „черный“ пол, недостаточную засыпку землей, песком и опилками и небрежное выполнение работ. Кроме того, „чистый“ пол, повидимому, собран из плавника и тонкого сырого леса, вследствие чего под линолеумом образовались щели, шириной в палец. На зиму весь дом обложили снегом, и это немного сократило продуваемость.

Рамы, как правило, делаются без форточек, и это ухудшает санитарное состояние жилища.

Отсутствие русской печи отрицательно сказывается на выпечке хлеба. В духовке, даже в руках опытного пекаря, хлеб получается неважный.

Бытовые условия сильно страдают от размещения механической и радиорубки в жилом доме. Воздух буквально отравляется горючим, а все здание сильно сотрясается. Последнее отражается на показаниях самописцев метеостанции, расположенных в том же помещении.

Чтобы ликвидировать эти неудобства, необходимо изолировать механическую от жилого дома. Остальные дефекты можно устранить хорошим подбором строителей и завозом высококачественных стройматериалов.

Береговая скала на мысе Желания

Лес обязательно должен быть сухой. При постройке зданий в первый же год должен быть оштукатурен потолок, а через 1—2 года и стены. Черный пол должен заливаться разведенной землей или глиной. Затем в верхний слой пола плотно втрамбовываются опилки. Чистый пол пригоняется из шпунтовых двухдюймовых досок.

Образцом для полярных построек могут служить постройки Морзверпрома в бухте Смидовича на Новой Земле: все они аккуратно оштукатуренные, окрашенные и утепленные.

Дома целесообразнее всего строить на материке, привозить в разобранном виде и на станциях только собирать.

На станции обязательно должен быть запас стройматериалов: досок, кирпича, глины, песка, толя, гвоздей и т. п. При выгрузке, как показала практика последних лет, целесообразнее все операции сосредоточивать в руках капитана парохода. Это повысит его ответственность.

Все скоропортящиеся грузы — сахар, крупа, макароны, чай, кофе, печенье и т. д. — обязательно должны отправляться в бочках. Бочка не пропускает сырости, в этом ее преимущество перед ящиком. Переплачивая на таре, мы выигрываем на сокращении порчи в пути и при погрузке груза, который ежегодно в больших количествах списывается актами на многих зимовках.

Особое внимание нужно обратить на заброску свежих, доброкачественных овощей, которые в общей норме овощей должны занимать процентов 50—70, а остальная часть, как неприкосновенный запас, может засылаться в сухом виде.

Наши свежие овощи в 1937 году должны были прибыть на пароходе „Унжа“, который, как известно, не прибыл на Таймыр, а остался зимовать во льдах. Мы довольствуемся тем небольшим запасом свежих овощей, который нам дал „Русанов“: морковь, капусту, лук, свеклу мы заморозили и думаем экономно растянуть до половины зимы. Замороженные овощи вкуснее и питательнее сухих.

Небрежность и халатность Арктикснаба в снабжении полярных станций можно проиллюстрировать следующим примером. Для зимовок на „Русанова“ погрузили живой скот, но забыли отпустить необходимое количество сена и подстилки. В результате скот исхудал, потерял в весе.

Другой факт, также характеризующий работу Арктикснаба: в комплекты теплого белья кладут рубашки шестого размера, а кальсоны — третьего. В меховых изделиях мех полупрелый, в таком меховом обмундировании при морозе в 20—30° легко можно обморозиться. Валенки также холодные; сапоги с очень узкими голенищами, которые с трудом можно надеть на ватные брюки. Арктикснабу здесь изобретать ничего не нужно: в нашей системе есть промышленники, прожившие половину своей жизни на Новой Земле и в других частях Арктики, они с удовольствием дадут Арктикснабу покррой всей арктической одежды. Таким образом, ему нужно будет только запастись высококачественным мехом и организовать пошивку.

Культинвентарь присылается в достаточном количестве, иногда даже с излишком. Художественная литература подбирается хорошо, много интересных новинок. Нужно увеличить посылку технической, электро-радиосправочной и экспериментальной литературы.

Старший по зимовке *А. И. Голубенков*

НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

Как известно, в 1935 году обнаглевший враг народа (впоследствии расстрелянный по приговору Верховного суда) Семенчук сделал все, чтобы напасть и навредить во всей жизни острова Врангеля. Извращение ленинско-сталинской национальной политики, развал промысла, падение заработка охотников, развал работы полярной станции и наконец подлое убийство врача-общественника Вульфсона — вот перечень преступлений Семенчука.

С тех пор на острове в течение двух лет работала парторганизация новой смены зимовщиков. Вопросы работы среди коренного населения стояли в центре внимания парторганизации. Надо было показать на деле все блага, которые несет народам Севера ленинско-сталинская национальная политика.

Мы выделяли и отмечали лучших охотников. В самом промысле зимовщики-работники полярной станции приняли непосредственное участие: вместе с охотниками-эскимосами добывали моржей, медведей, организовали песцовую охоту. Это благоприятно отразилось на создании дружной, товарищеской атмосферы.

Впервые был введен план на добычу морского и пушного зверя, поставлена систематическая организационная помощь охотничьим бригадам, развернута массовая политическая работа среди охотников. Методы социализации и стахановской работы нашли живое применение и в промысле. Охотники-эскимосы на собственном опыте убедились, что лучшая организация лова зверя обеспечивает высокие результаты охоты. По инициативе самих охотников, в связи с изучением Сталинской Конституции, была проведена стахановская декада по всему острову, во время которой передовики охотники (Попов, Айнафак и другие) на деле доказали, что стахановская работа — верный путь к зажиточной жизни. В стахановскую декаду применили ряд рационализаторских мероприятий (потаск, переловка капканов и др.) и добились перевыполнения своих планов.

В 1937 году было организовано производственное товарищество охотников, которое сыграло существенную роль в подъеме промысла.

На острове мы организовали учебу коренного населения. В 1935 году бесперебойно работала школа с тремя группами: детская группа в составе 7 учеников имела за год 57 занятий по изучению родного и русского языка и арифметики. Часть учеников проявила хорошую успеваемость и после проверочных испытаний была премирована. В 1936 году это дело двинулось впе-

ред. Организована школа-интернат, в которой собраны все дети-эскимосы школьного возраста.

Весной 1936 года на станции были организованы курсы мотористов для эскимосов-охотников. Выпущено с этих курсов 9 мотористов, которые могут самостоятельно работать на моторах вельботов, имеющихся на острове и обслуживающих охоту на морского зверя. На курсах, кроме изучения моторного дела, проводились занятия по ликвидации неграмотности, по арифметике, политграмоте. Весной 1937 года проведены повторные курсы по переподготовке мотористов.

Характерно, что на периферии эту работу под руководством работников станции ставили уже сами эскимосы. Так, в поселке Хванкута занимался охотник-комсомолец Напаун, в поселке бухты Сомнительной — охотник-комсомолец Нанаун. Идя навстречу большой тяге к учебе и культуре, мы организовали в каждой юрте охотника культурный уголок, снабдили специальным шкафом для книг, складным столом, письменными принадлежностями, книгами и т. д.

За последние два года промысел на острове заметно двинулся вперед. План добычи песца в 1937 году выполнен на 108%. Добыча моржа осенью 1937 года (на 5 августа) достигла 45% годового плана. Зажиточная жизнь эскимосов на острове Врангеля стала фактом: средний охотник получил за сезон песцовой охоты по 5—6 тысяч рублей. Причем эти заработки отнюдь не являются предельными. Надо иметь в виду, что пока имеется еще значительный процент дефектов в пушнине (22%), по причине неправильной съемки и хранения шкурок. Вылов песца также не является предельным, если принять во внимание, что около 25% зверя, по подсчетам охотников, побывали в капканах и ушли из них по причине неудовлетворительного качества этих капканов. Слабо пока развит промысел мамонтовой кости, пера, пуха, совсем не поставлена еще промысловая добыча моржа (использование шкур, сала).

Мы вели также борьбу за внедрение личной гигиены, против знахарских приемов лечения и т. д. Усилия в этом направлении не остались бесплодными — эскимосам-школьникам привиты культурные навыки; взрослое население охотно лечится у врача, борется за чистоту жилищ.

Эскимосы начинают осваивать отдельные отрасли деятельности полярной станции и постепенно включаться в ее работу. Неплохо работает заводской факторией т. Таян, заканчивается подготовка метеонаблюдателя т. Нноко, старательно работал служитель

станции молодой охотник т. Нанивгак, ныне отправленный для учебы на материк, успешно готовится к самостоятельной вахте на рации т. Таслекак.

* * *

Парторганизация воспитала ряд непартийных большевиков, стахановцев и ударников промысла.

Вот имена некоторых из них.

Эскимос-охотник Таян, сочувствующий ВКП(б) с 1935 года, выдвинутый на работу заведующего факторией, успешно справился с основной работой, внес ряд рационализаторских предложений и улучшений в организацию промысла, упорно работает над самообразованием, за последние два года неузнаваемо вырос политически, являясь подлинным передовиком своего народа.

Охотник-эскимос Нюко, сочувствующий ВКП(б) с 1935 года, один из лучших производственников, перевыполнивший план добычи песцов, в течение последнего года успешно осваивает метеослужбу, готовясь к самостоятельной работе.

Охотник-эскимос Напаун, член ВЛКСМ, перевыполнил взятый им план по добыче песцов — поймал 61 песца, проявил во время зимней охоты подлинные образцы мужества, предприимчивости и энтузиазма в работе.

Охотник-чукча Попов, беспартийный, плохая работа которого за прошлые годы стала нарицательной, в истекшем году вышел на второе место — поймал 50 песцов.

Вот как оценивают сами эскимосы изменения, происшедшие в их жизни за последние два года. Эскимос Таян пишет:

„На Роджерсе открыли школу, в ней мой сын научился грамоте по-русски и на родном языке, научился читать и писать.

Весною собрали всех охотников, открыли курсы мотористов и школу для изучения родного языка. Жена учится радисткой, учусь я сам, сестренка тоже учится. Очень многому научили нас, эскимосов. Эта зимовка подняла наши знания. Всюду вместе с нами и впереди нас были большевики, которые учили нас, как нужно жить, как нужно работать. Я вступил в 1935 году в группу сочувствующих ВКП(б), а теперь подал заявление о приеме в кандидаты. Десять лет я живу на острове. Охотился первые два года неудачно, благодаря своей неопытности. Восемь лет охотился хорошо, пока из эскимосов никто не мог перегнать меня. Все эскимосы знают, как я охочусь. На острове есть мои ученики, которые растут. Им я всегда передавал свой опыт, и я надеюсь, что они пойдут по моей дороге. Я догадался, что жизнь зависит от себя — плохо работаешь — плохо живешь, хорошо работаешь — будешь жить хорошо. Это я сам испытал, и теперь ясно для меня, что правильно убеждали большевики, правильно учили, что хорошая жизнь в наших руках, нужно лишь честно и хорошо работать“.

В своем письме эскимос Нюко пишет:

„Я был малограмотным, свою родную азбуку не знал. Мы собрались все промышленники на курсы мотористов. После праздника 1 Мая мы приступили к учебе и в то же время нас стали учить на родном языке и по арифметике, проводили беседы политические. Меня отдельно стали учить по метеорологии. Мы раньше не знали, что такое колхоз и что такое план, а теперь мы работаем по плану. Сейчас на острове весь народ вполне свободно может подчеркнуть свою подпись, даже старухи, они

Эскимосы-охотники изучают мотор

у нас тоже занимаются в школе. Теперь мы понимаем, что большевики действительно друзья всех трудящихся и все народности действительно все равны. Мы все понимаем Сталинскую Конституцию и будем продолжать старательно освоить ее дальше. Всех трудящихся мы считаем как родного брата. При старом времени наша жизнь — это была мертвая жизнь и темное пространство. Теперь при социализме в каждом году все лучше и лучше и веселей шагаем. Я буду добиваться побольше осваивать социалистический строй, покуда мне жизни хватит, не уйду от этого, лишь бы меня учили, об этом я могу сказать всем открыто».

Старый охотник-эскимос Кмо, едва-едва получив зачатки грамоты на курсах охотников, находясь далеко от полярной станции, самостоятельно продолжает учиться русскому языку. Он пишет:

«Ты книжки мне принес. Никто мне не мешает учиться. Я хочу большевиков догнать».

Старейшая Инкали, одна из передовых женщин-эскимосок острова, говорит:

«Я раньше жила плохо. Когда приехал Семенчук, дело стало еще хуже. Пришлось питаться старым мясом. Часть людей стала болеть. Теперь стало жить легко и хорошо и радостно работать. Все знают, как я работаю. Я не люблю много спать. Я умею хорошо шить. Я умею ходить в тундру, где нахожу мамонтовые клыки. Я умею капканом и в силки ловить поморников, морских куличков. Один раз я поймала маленького медвежонка. Я умею ставить капканы и охотиться на песка. Я старая, но я вместе со всеми учусь читать и писать и считать числа».

Старый охотник Кивьян говорит:

«Я иду к лучшей жизни. В этом десятом году моей жизни на острове мне особенно интересно здесь, в этом году я начал учить эскимосскую грамоту, изучил мотор, успешно начал вести охоту. Остров богат зверем, и если хорошо охотиться, легко достигнешь зажиточной жизни».

Но в то же время у всех эскимосов существует отчетливое сознание, что работа только начата, что нужно приложить еще много усилий и труда, чтобы закрепить достигнутое и двинуться дальше. Именно в связи с этим они поднимают вопрос о закреплении на острове людей, приезжающих на зимовки, на более длительные сроки.

В процессе работы среди национального населения острова были и большие недостатки, а порой и прямое извращение ленинско-сталинской национальной политики. Имели место шовинистические выходы отдельных зимовщиков. Убор-

Скала на острове Врангеля

щица Неделько на просьбу ученицы-эскимоски дать к столу капусты, ответила: «А давно ли вы научились капусту есть?» Каюр Романов позволил себе хулиганские выходы по отношению к женам охотников. То же самое сделал штурман летного отряда Морозов. Парторганизация крепко была по этим анти-советским вылазкам и их конкретным носителям. Эти — немногочисленные, правда — случаи извращения национальной политики партии парторганизация использовала для проведения организационных, разъяснительных и воспитательных мероприятий.

Особые трудности стали перед парторганизацией в связи с неудовлетворительным подбором начальников зимовок (Петров, Долгий). В частности, бывший начальник зимовки Долгий-Раппопорт, проявляя полное непонимание основ ленинско-сталинской национальной политики, своим поведением грубо извратил политику партии, допустив непартийное, шовинистическое отношение к националам.

Имеются и другие обстоятельства, тормозящие постановку работы среди местного населения, обстоятельства, несущие на себе печать вредительских деяний. Есть замечательный приказ т. Шмидта, изданный по поводу десяти-

летия советизации острова Врангеля. Парторганизация сделала этот приказ достоянием всего населения острова как документ, демонстрирующий братскую заботу советской власти и партии Ленина—Сталина о малых народностях Севера. Однако прошли уже две навигации, а этот приказ в существенных своих частях до сих пор не выполнен аппаратом Главсевморпути — не завезена культбаза, не завезены дома для местного населения, не завезены олени и т. д.

И, наконец, большое недоумение вызывает «политика» Полярного управления Главсевморпути, которое не только не организует добавочного завоза охотников на остров, а фактически ведет линию на сокращение числа охотников. В результате пушные богатства острова полностью не используются.

На острове Врангеля ликвидация последствий семенчуковщины пошла быстрыми шагами вперед. Братское доверие и товарищеское отношение коренного населения к зимовщикам ныне закреплены. Наиболее ярким доказательством того, что работа парторганизации в этом направлении не осталась бесплодной, является факт вступления лучших охотников, передовых людей эскимосского народа в группу сочувствующих ВКП(б), в организацию комсомола, дружная поддержка эскимосами всех мероприятий станции, а также беззаветная преданность коренного населения партии Ленина—Сталина, крепкая и горячая любовь к отцу всего народа товарищу Сталину.

П. С. СОЛДАТОВ

НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ ТАЙМЫРА (Мыс Стерлегова)

Полярная станция мыс Стерлегова находится на западном берегу Таймырского полуострова. Это один из важнейших участков трассы Северного морского пути, он расположен между большим арктическим портом — островом Диксона — и мысом Челюскина.

Мыс Стерлегова, занесенный на карту во время Великой северной экспедиции XVIII века, носит имя молодого отважного штурмана Стерлегова, участника этой экспедиции.

Впоследствии ряд русских и иностранных экспедиций бороздил воды и льды восточной части Карского моря. Эти воды видели знаменитый «Фрам» Фритца Нансена, яхту «Заря» русской полярной экспедиции Эдуарда Толля, зимовавшую недалеко от мыса Стерлегова, шхуну «Мод» Руала Амундсена и т. д.

Метеорологические и гидрологические особенности этого района являются предметом изучения наших полярников. Изучение обеспечит безопасное кораблевождение на этом трудном участке Севморпути.

Этот участок Карского моря изобилует многочисленными мелкими островами. Хотя мыс Стерлегова расположен не в очень высоких широтах — его координаты 75°24' сев. широты и 88°54' вост. долготы, — но большую часть года море вокруг него сковано тяжелыми льдами.

Значительная опресненность морской воды, вследствие мощных притоков пресной воды из Обь-Енисейского и Пясинского речных бассейнов, благоприятствует раннему замерзанию моря, т. е. сокращает и без того непродолжительное время навигации.

Зимовка
на мысе
Стерлегова

Наличие в районе мыса Стерлегова ряда островов: к западу — группа Скотт-Гансена, к северу — остров Рингнес и к северо-востоку большая группа островов Мона — также ухудшает ледовый режим, создавая замедление вскрытия и очищения моря от льдов.

Среднегодовая температура на Стерлегове — минус 13,6 и минимальная минус 47,7 с преобладающими холодными ветрами, несущимися из Сибири и Якутии.

Максимальная температура на зимовку 1937 года зафиксирована в июле — плюс 19,1°. Продержавшись в течение двух дней, эта температура вызвала образование мощных грозовых облаков — разразилась очень сильная гроза с ливнем, явление довольно необычное для таких широт. Вообще же теплыми дни у нас считались при плюс 7—10 градусов.

Лето очень обильно туманами и большой облачностью, — в июле и в августе отмечено от 20 до 29 таких дней.

В районе станции берега большей частью невысокие, скалистые. Почва в окрестностях заболоченная, просыхающая только на небольших возвышенностях. На глубине 20—35 сантиметров начинается слой вечной мерзлоты.

Растительность представляет собой пятнистую тундру, покрытую мхом, мелкой осокой и хилыми цветами, распускающимися, когда пригреет солнце, и сразу же свертывающимися при его заходе или похолодании.

На льду и в море встречаются белые медведи, нерпа и морской заяц. В тундре довольно много диких оленей, белых песцов, реже встречаются полярные волки и горностаи. Зимой пернатые представители покидают тундру, и только с появлением солнца и наступлением полярного дня первые прилетают маленькие пуночки —

предвестники наступления весны. Их прилет вызывает большую радость среди зимовщиков. Река Ленивая изобилует рыбой, главным образом, омулем и гольцом. Много гусей и уток, обитающих летом на реке, являются прекрасным объектом охоты.

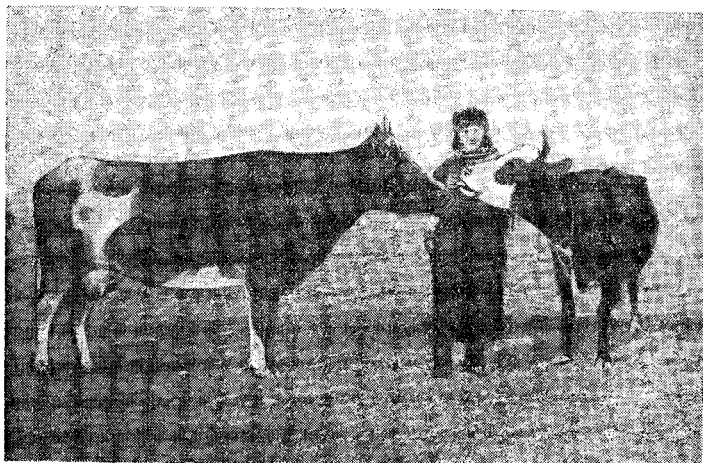
* * *

За зимовку 1936/37 года работа полярной станции на мысе Стерлегова была расширена по сравнению с предыдущей зимовкой. Программа научной работы была пополнена годичным циклом гидрологических наблюдений. Нужно было построить еще один дом для более удобного размещения летчиков, прилетающих на ледовую разведку: выстроить новый бревенчатый скотник для завезенного скота — молочной коровы и свиней; капитально отремонтировать баню и произвести текущий ремонт жилых и служебных помещений.

Полярная станция мыса Стерлегова производит систематические наблюдения за климатом, для чего была оборудована метеостанция с автоматическими самописцами, производит гидрологические работы, выясняющие влияние мощных потоков пресной воды, вливающих в Карское море. Радиостанция ежедневно передает результаты метеорологических и гидрологических наблюдений и обслуживает эпизодические зимне-весенние перелеты и участников ледовых разведок.

Коллектив зимовщиков состоял из 12 человек. Из них 2 члена ВКП(б), 2 комсомольца и 2 сочувствующих. Хороший подбор людей, соревнование и хорошо поставленная общественно-массовая работа предопределили успех зимовки. Отлично выполнили программу своих работ радиотехник Л. М. Подлодзинский,

**Зимовщица Иванова
со своими питомцами**

механик Г. М. Бедняков, гидролог А. А. Суханов, рабочий-строитель Д. В. Белов. Все они до Стерлегова уже были на зимовках и неплохо выполняли свою работу.

В. Н. Иванова и К. А. Баринава прекрасно справлялись с работой по приготовлению пищи для всего коллектива, который во время навигации и перелетов возрастал до 20 человек. Работа повара на зимовке—это очень ответственное и трудоемкое дело. Надо быть очень изобретательным, чтобы угодить на все вкусы. За хорошую работу наши женщины не раз отмечались коллективом.

Женщины взяли на себя также уход за двумя молочными племенными коровами, завезенными на зимовку. Молочные продукты создавали большое разнообразие в пище.

Мы максимально старались заполнить досуг зимовщиков, особенно в период полярной ночи. Почти через день у нас бывали какие-либо общественные мероприятия: производственные совещания, кружок иностранного языка, политечеба, лекции, читки художественной литера-

туры. Проведенные нами два шахматных турнира, тянувшиеся по полмесяцу, заняли досуг и служили живой темой для разговоров. Организовывались массовые лыжные вылазки, занимались охотой, фото и т. п.

За время нашей зимовки произошло много исторических событий в нашей стране. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, утверждение Сталинской Конституции, годовщина Октябрьской революции и другие революционные праздники торжественно отмечались на полярной станции.

На события в Испании мы единодушно откликнулись отчислением 1% зарплаты в помощь испанскому народу, борющемуся против фашизма.

Прошедшие процессы над врагами народа, предателями из троцкистско-бухаринского лагеря, шпионами и убийцами глубоко взволновали наш небольшой коллектив, и мы вместе со всеми трудящимися Союза заклеили позором гнусных предателей и обязались еще лучше работать на благо нашей прекрасной родины.

Б. В. РИХТЕР

НЕОТЛОЖНЫЕ НУЖДЫ ОСТРОВНОГО ХОЗЯЙСТВА

(Новая Земля)

Островное хозяйство Новой Земли, в связи с передачей его в ведение Главсевморпути, значительно усилилось. Но достигнут ли при этом предел возможного? Можем ли мы успокоиться на достигнутом? Конечно, нет.

Промыслы в период 1924—1936 годов значительно развились, однако приходится отметить резкие скачки между отдельными годами. Это говорит о том, что промыслы во многом еще зависят от случайности, они страдают еще слабой технической организацией производства и неподготовленностью к миграции зверя. Достаточно взять, например, добычу ремня из шкур черного морского зверя. Против 1910 года этот промысел вырос, по данным 1934/35 года, почти в 80 с лишним раз, но одновременно мы имеем такие скачки, как рост до 19 659 м в 1931/32 году, затем снижение до 10 933 м в 1932/33 году и опять рост до 25 000 м в 1934/35 году. Это указывает на то, что в 1932/33 году морской зверь отошел из одних районов в другие, а руководство не сумело перестроиться и перебросить промысловиков, не учло всех возможностей и особенностей биологии зверя, естественного и физического режима данного года,—в результате потеря 50% возможной добычи.

Скачки в показателях промысла песка наводят на мысль, что, несмотря на

имеющийся опыт, мы еще не знаем всех условий его жизни и не наладили правильного песцового хозяйства на островах, хотя к этому есть все предпосылки в виде естественных природных данных островов, благоприятных для биологии песка. На пленумах островного совета много говорят о постройке домиков-ловушек для песка, о домах-норах, о кормке его, но реальных мероприятий в жизнь в этом направлении не проведено. Между тем при культурных активных способах лова, с учетом всех повадок песка, можно добиться лучших результатов промысла.

Колебания в показателях лова белухи также говорят о ненадежности ценного промысла, хотя и требующего сложных мероприятий, но в то же время и очень рентабельного, так как у берегов Новой Земли, в ее губах и проливах ход белухи довольно значителен.

Данные о лове гольца наводят на размышления много порядка. Пора поставить перед нашими ихтиологами вопрос: не угрожает ли новоземельскому гольцу действительная опасность быть совершенно истребленным? Этот вопрос тем более своевременен, что уже ряд лет рабостают ихтиологические экспедиции на Новой Земле, сотни тысяч рублей затрагивали на изучение ее, но мы до сих пор не имеем солидной и исчерпывающей

монографии по биологии этой рыбы и популярной научной книжки о гольце для промышленников. Впрочем, такой книжки нет ни о нерпе, ни о морском зайце, ни о песце,—словом, ни о каком виде зверей, имеющем для Севера серьезное промысловое значение. А нужда в такой книжке большая. Промышленников совершенно не удовлетворяют дешевые халтурные брошюры, имеющиеся сейчас в обиходе, составленные из компиляций по трудам сомнительной свежести, а отнюдь не на основе данных, полученных в результате современного изучения промысловых зверей.

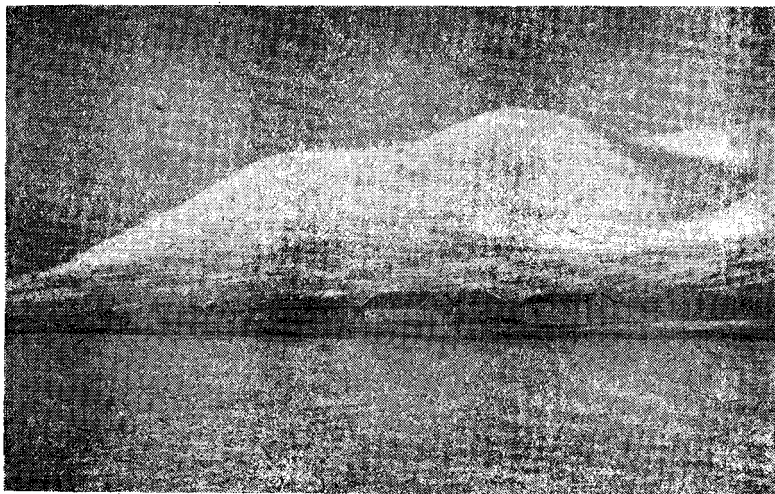
Труды Арктического института по биологии полны монографий о простейших видах, населяющих планктон полярных вод, но нет ничего о гольцах, нерпах, белухах и т. п. В результате мы слабо знаем научную базу наших промыслов.

Нет у промысловых артелей хороших, знающих инструкторов, нет на Новой Земле постоянно работающей биологической промысловой станции, сотрудники которой изучали бы зверя как летом, так и зимой, не ограничиваясь экскурсиями в течение августа-сентября по методу экспедиционных исследований. Экспедиционный метод незаменим при предварительных разведках, но там, где мы уже перешли к повседневному промыслу, нам нужны постоянные лаборатории, научно-исследовательские станции, опытные хозяйства. Мы везде закрепили разведанные участки организацией научно-исследовательских полярных станций, — почему же большой богатый промысловый район, каковым является Новая Земля, должен представлять исключение? Поставить промысел на научные культурные рельсы — одно из важнейших мероприятий для Новой Земли.

Надо всерьез заняться мясной проблемой. Сейчас культивируют домашнего северного оленя. Восстановление стада начато еще в 1930 году. Семь лет, прошедших с тех пор, оказались недостаточными, чтобы превратить это опытное стадо в промысловое. Дальнейшее развитие стада замедлилось массовым падежом оленя из-за отсутствия корма зимой 1936/37 года, так как гололед, имевший интенсивное развитие осенью и захвативший весь южный остров, лишил оленей основной их пищи — мха, скрыв его под толстым слоем льда. Между тем гололед на поверхности в низменных местах, где обильнее всего растет мох, очень частое явление на Новой Земле.

В связи с этим надо заняться изучением и улучшением дикого стада, живущего на северном острове. Мы не знаем его численности, не знаем также биологии этой обособленной разновидности оленя, которая появилась на Новой Земле в результате длительного приспособления к новоземельским условиям и настолько выработала устойчивость против суровой природы северного острова, что теперь под охраной закона, воспретившего охоту на оленей, последние несомненно увеличиваются численно. Изучить этот вид оленя и сделать все возможные из этого практические выводы — очередная и неотложная задача.

Надо подумать и над созданием на Новой Земле новых видов животных, полезных для человека, приспособленных к условиям жизни на острове и могущих иметь промысловое значение. В этом направлении мы можем произвести два опыта. Во-первых — попытаться акклиматизировать на северном острове Новой Земли мускусного овцебыка, живущего

**Общий вид
становища
Лагерного**

ныне на Крайнем Севере Американского континента и в Гренландии. Более всего подходит к Новой Земле именно гренландский вид *Ovibos moschatus wardi* Lydekker, так как природные условия Гренландии и северного острова Новой Земли очень близки друг к другу. Эти крупные животные, имеющие мощные копыта, легко разбивают ледяную кору, разгребают плотный снег и достают себе корм в любых метеорологических условиях. Интенсивность размножения оленя такая же, как и оленя, а выход мясной продукции с одной туши гораздо больше, чем у оленя. Каждый бык может дать очень много мяса для корма собак и очень ценную кожу и шерсть, а корова этой породы дает большое количество мяса, вполне пригодного для пищи человека. Небезынтересно познакомиться с результатом предпринятого в 1930 году правительством США опыта переселения и реакклиматизации гренландского овцебыка на Аляске. 34 овцебыка, пойманные в Гренландии, очень хорошо перенесли переезд на Аляску. Крайне интересно хотя бы сравнить данные развития этого стада с развитием стада северного оленя, привезенного на Новую Землю в 1930 году.

Вторым животным, которое может быть с успехом акклиматизировано на Новой Земле, именно на южном острове и в качестве домашнего животного, является снежный баран. В диком состоянии снежный баран живет на Таймырском полуострове, на всем Крайнем Севере между рекой Леной и Тихим океаном и на Камчатке, давая несколько видов.¹

Нам кажется, что здесь открываются большие возможности как по разведению на Новой Земле этого барана в диком состоянии, так и по созданию домашнего овцеводства путем гибридизации диких снежных баранов с домашней овцой.

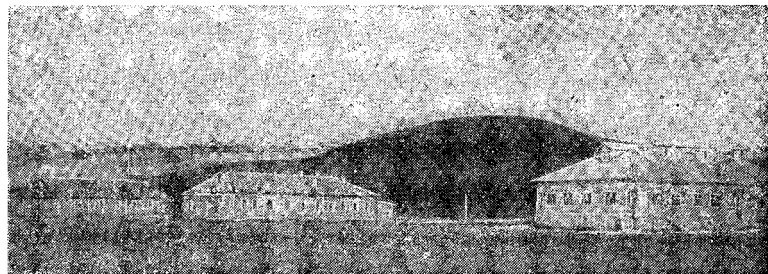
Нельзя пройти также мимо транспорта. До настоящего времени основным видом

транспорта в зимнее время является собачья упряжка. Особенно ценен собачий транспорт в песчовом промысле. Но надо преодолеть все отрицательные стороны этого вида транспорта. Сюда относится дорогое содержание собак, особенно в периоды слабого промысла нерпы. Приходится собаку подкармливать хлебом, а это стоит очень дорого — по 20 руб. в день на упряжку. Необходимо организовать заготовку на месте вяленой рыбы и вяленого мяса и продумать вопрос о создании рационального и одновременно маловесомого емкого корма для дорожного питания собак во время переездов.

Нужно создать на Новой Земле один или два питомника для собак в тех районах, где особенно много добывается нерпы. Необходимо покончить с разношерстным стадом плохих, слабых, но прожорливых архангельских дворняжек, которых развелось на Новой Земле великое множество. Нужно перейти на выносливую, быструю, сильную колымскую ездовую собаку. Для удовлетворения потребности Новой Земли в таких собаках нужно всего два года серьезной работы в двух питомниках — на юге и севере Новой Земли с завозом на каждый питомник 10 самок и 2-3 самцов. За два года 20 самок могут дать большое количество ездовых собак, достаточное для первоначальной реконструкции собачьего стада Новой Земли. Остро чувствуется нужда в специалисте собаковод-ветеринаре для инструктажа по уходу за собакой и ее лечению.

Необходим и другой вид транспорта — для быстрой связи с разными частями островов. Мы имеем в виду авиацию. Жизнь настоятельно требует, чтобы на одной из полярных станций была создана авиабаза, хотя бы в составе одного самолета типа „У-2“ или „Ш-2“. Метеорологические условия здесь достаточно благоприятны и устойчивы для обеспечения краткосрочных рейсов между отдельными пунктами Новой Земли.

Создание регулярных рейсов самолета по побережью островов имеет большое практическое значение. Руководители ост-

Жилые дома
в становище
Лагерном

ровного хозяйства и работники партийно-общественных организаций могут в любой момент быстро перебраться в нужный участок. Все жилые точки могут иметь еженедельную повоземельскую свежую газету. Врач сможет во время оказать медицинскую помощь и т. д. Неотложность этого мероприятия очевидна сама собой. Можно даже говорить о линии Нарьян-Мар — Новая Земля, и этого будет вполне достаточно.

* * *

В 1937 году зимой имелось на Новой Земле 122 человека русских, 90 ненцев и 85 человек населения полярных станций, всего — 297 человек. Доход промыслового населения во много раз превысил добычу дореволюционных годов, и теперь приходится говорить не о 65 рублях на человека, а о тысячах. Например, в 1935/36 году заработок на промышленника доходил во многих случаях до 1800—1500 руб. Средний заработок промысловника за последние 5 лет составляет 4000 рублей в год, причем в эти годы он получал товары и продукты по твердым сниженным ценам (с января 1937 года введены общие отпускные цены).

При наличии этих данных нужно признать, что промысла Новой Земли могут прокормить большое количество населения. Для всестороннего развития повоземельских промыслов нужно большее число промысловиков. Если посмотреть на схему расположения становищ и промизбушек, то бросится в глаза неравномерность их распределения на береговой линии. Такая неравномерность объясняется не наличием лучших участков, а просто тягой к издавна обжитым местам вне всякой связи с биологически обоснованным распределением промысловых угодий, которое требует специального и обстоятельного обследования.

Дальнейшее заселение островов тесно связано с бытовым благоустройством. Организация значительно повышенного культурного быта на Новой Земле должна не сходиться с повестки дня нашей практической работы. Пора уже создать образцовые жилищные условия. Жилые дома становищ надо перестроить по новым образцам, вполне удобным для работы и отдыха.

В Белужьей, Лагерном и некоторых других становищах имеются специальные культурники, которым доверено культурное воспитание местного населения. Но среди них есть такие, которые в лучшем случае могут проверить киноплёнку, перенести кинопередвижку и выдать механически книгу из библиотеки, этим ограничиваются все их способности. Беседу, доклады, учебу

провести они не в состоянии, о Новой Земле не имеют никакого представления, равно как не знают языка и быта местного населения.

Между тем промышленники проявляют очень большую тягу к культуре, ко всему новому. Это их стремление надо подхватить и удовлетворить возросшие запросы.

На Новой Земле ощущается недостаток в книгах, посвященных природе Севера, его животному миру. Нехватает классиков, современной литературы. Нет основных наших журналов. Нет научно-популярной и популярной технической литературы. Острая нужда в справочных изданиях.

Нельзя мириться с неудовлетворительным радиовещанием. Часто радиоприемники, имеющиеся в основных становищах, бездействуют, их некому наладить — починить в случае порчи, а в промизбушках нет никаких приемников. Газеты на Новую Землю приходят два раза в год — в апреле с самолетом и летом с пароходом, но крайне непланомерно: присылаются разрозненные экземпляры краевых и центральных газет. Полного комплекта хотя бы «Правды» за год не засылают, а ведь Новая Земля находится всего только в 3 сутках хода любого судна от Архангельска и 10—12 часах полета самолета.

Архангельское теруправление Главсевморпути плохо руководит таким важнейшим участком, как советская торговля. Приведем несколько примеров: не завезено было верхнего мужского платья, достаточно доброкачественного и подходящего к условиям жизни и потребностям населения. Никто не подумал о спецодежде для промысловиков. Белье, завезенное в фактории, продается по баснословной цене — пара белья стоит 35 рублей и его никто не покупает. Совершенно отсутствуют культтовары, нет также и детских игрушек. Между тем детское население значительно: детей школьного возраста до 37 человек, дошкольного около 20 и родились в прошлом году 35 детей. Дети вынуждены забавляться самодельными игрушками. Снабженцев Арктикснаба, повидимому, это не трогает, они почивают на лаврах.

Таковы действительно неотложные нужды Новой Земли. В обширном хозяйстве Главсевморпути по доходности Новая Земля займет одно из первых мест. Будет это тогда, когда и руководство Главсевморпути в полной мере оценит Новую Землю и уделит должное внимание ее нуждам.

Начатое преобразование Новой Земли надо двигать вперед еще интенсивней и с большими результатами освоения.

П. Г. ГОЛОВИН

Герой Советского Союза

В РАЗВЕДКУ НА ПОЛЮС

I

Однажды мы сидели в Управлении полярной авиации Главсевморпути. К нам подошел Водопьянов.

— На полюс лететь хотим. Слышал? — спросил Водопьянов.

— Слышал.

— Одобряешь?

— Еще бы!

Водопьянов предложил мне роль второго пилота на флагманском корабле. Это мне не совсем нравилось, я люблю самостоятельную работу. Но, предвидя исключительно интересные полеты, я согласился.

Потом позвонили из Управления. Дали сутки на подготовку, чтобы собраться и вылететь из Москвы в Архангельск на самолете-амфибии „Ш-2“ и погрузиться на ледокол „Литке“.

На следующий день я уже был в воздухе. В Москве стояла жуткая жара — лететь пришлось в одних трусах.

Перегруженный самолет больше двухсот метров высоты никак не хотел набирать; лишь после Вологды мы кое-как наскребли пятьсот. Когда сделали посадку на сухопутном аэродроме Архангельска, нам сказали, что через два часа „Литке“ отходит. Тут же взлетели, прошли в горло Белого моря, где находился ледокол, и сделали посадку около него.

Самолет подняли на борт, а через пару часов прибыл начальник экспедиции Отто Юльевич Шмидт и мы взяли курс через Баренцево море на Маточкин Шар. Это было в 1936 году.

Утром я попросил у Шмидта разрешения беспрепятственно входить в штурманскую рубку и на мостик и пользоваться астрономическими приборами и инструктажем штурманов. Он согласился, а капитан ледокола Хлебников предоставил к моим услугам все, что меня интересовало.

Мореходная астрономия была главным моим занятием на корабле. Летать почти не приходилось, в этом не было нужды: ледовые разведки обслуживали тяжелые самолеты „Дорнье-Валь“ летчиков Алексеева и Козлова.

Один раз я настоял на полете и долго рулил между льдами, выбирая подходящее место для старта. Едва взлетели и только что легли на курс, как мотор неожиданно сдал обороты, и мы камнем „посыпались“ вниз. Еле-еле я усадил самолет между льдами. Вскоре к нам подошел катер и взял на буксир.

С „Литке“ мы наблюдали только солнце, с ним я вполне освоился, и мне разрешалось командованием экспедиции наносить астрономическое определение точки на ходовую карту. Первые звезды мы увидели только на Чукотке: ночью мы брали секстан и выходили на мостик.

За это плавание я увидел много новых мест: Чукотку, Берингово море, Камчатку, Дальний Восток.

... Мы прибыли во Владивосток. Мое образование окончено, и я сейчас уже могу стоять в ходовой вахте штурманом. Теперь я считал себя готовым к полету на Северный полюс.

II

После плавания на „Литке“ я встретился с Шевелевым в Политехническом музее, где Отто Юльевич Шмидт делал доклад. Шевелев сказал мне, чтобы я обязательно к нему зашел.

В перерыве Шевелев мне сообщил, что решено, кроме трех основных тяжелых кораблей и четвертого резервного, взять в экспедицию на Северный полюс самолет-разведчик.

Взяли самолет „Р-6“, который эксплуатировался за последние годы на наших полярных линиях.

Я просиживал ночи напролет, составляя списки необходимого снаряжения и оборудования. Нужно было предусмотреть абсолютно все. Против каждой вещи писались цифры, обозначающие ее вес. В сумме получалась цифра, во много раз превышавшая грузоподъемность самолета. Надо было много выбрасывать и начинать расчет снова. Как ни старались сокращаться, в процессе работы возникала необходимость в новых вещах.

Я по опыту знал, что ограничивать в запасных частях своих механиков нельзя: они все равно возьмут их без моего ведома. Запрячут в такие уголки самолета, что никому и в голову не придет там искать. Значит, самолету придется лететь с еще большей нагрузкой, чем предполагалось.

Самолет я получил в Ленинграде — туда мы приехали с Н. Л. Кекушевым. С ним я сговорился, что он будет у меня первым бортмехаником.

Инженер эскадрильи подвел нас к десятку самолетов и сказал: „Выбирайте!“

Все они казались одинаковыми. Решили взять самолет за № 12. Оформили прием и, не затягивая дела, назначили старт.

Был уже февраль 1937 года, с погодой не ладилось.

Наконец выпал день, когда полет разрешили. Дул попутный ветерок. Мы покрыли расстояние до Москвы за 2,5 часа.

В Москве самолет поставили на завод. В баснословно короткий срок на самолете сменили обшивку плоскостей хвостового оперения, прорезали новые люки, заново смонтировали доски приборов. В носовую кабину к штурману поставили новую радиостанцию „РСРМ“, полукompас, оптический, бортовой визир, гиромангнитный компас.

Приборы, относящиеся к моторной части, вынесли в кабину механиков. У меня на щитке остались только пилотажные приборы и часть навигационных. Солнечный указатель курса (СУК) был установлен на палубе между штурманской и пилотской кабинами так, чтобы одним прибором можно пользоваться нам обоим.

Я настоял, чтобы в хвосте самолета была установлена вторая длинноволновая радиостанция со специальным аварийным агрегатом — мощная

и простая. По нашему заказу ее сделал Горьковский завод. В шутку этот передатчик кто-то назвал „баяном“, и это название укрепилось за ним.

Наконец самолет готов, его испытали в воздухе, проверили аппаратуру и радиостанцию, определили девиацию компаса и начали укладываться. Удивительно, как в такой маленький и тесный самолет уложилось столько всякого снаряжения. Взяли с собой также запасную лыжу, колеса и винт.

Все готово. Когда же отлет?

... Несколько слов о моих товарищах.

Николай Львович Кекушев — мой соратник по работе в 1934 и 1935 годах в море Лаптевых — остроумный шутник и специалист своего дела. Ему 37 лет.

По окончании полета, особенно где-нибудь на зимовке, когда все в доме устраивались на ночлег, он начинал шутить и рассказывать невероятные случаи. Умеет он рассказывать так, что, как бы неправдоподобным его рассказ ни выглядел, все равно — поверишь.

Помню, в бухте Тикси в 1934 году зимовщики затеяли разговор о часах. Львович начал рассказывать, какие сейчас на Госчасовом заводе в Москве делают часы по специальному заказу Главсевморпути. Часы с боем показывают дни, недели, месяцы и годы. Причем каждый день недели обозначен портретом одного из семи героев-летчиков: понедельник — Водопьянов, вторник — Молоков и т. д. А когда часы бьют, то из них показывается сам Шмидт и объявляет время.

— Зимовщикам тридцать процентов скидки! — добавил Кекушев.

Коллектив зимовщиков немедленно послал по радио запрос на двадцать штук часов „со Шмидтом“.

Про этот случай я как-то рассказал Шевелеву, а тот не утерпел и передал Шмидту. Отто Юльевич долго хохотал. Львович несколько дней боялся попасться ему на глаза...

Я дал полную инициативу Кекушеву в подборе второго механика. Он взял т. Терентьева, ему 29 лет, но выглядит он значительно моложе — хороший мастер-слесарь, спортсмен и великолепный товарищ.

Свободных штурманов не нашлось, а те, которых можно было пригласить, были заняты на обычных зимних работах.

Штурмана взяли из армии по рекомендации т. Спирина. Это был т. Волков — совсем еще молодой человек лет 25, отлично знающий свое дело, внимательный и дисциплинированный.

Сначала было решено, что наш самолет должен идти вперед эскадры недели за две. Но шли дожди, погода отвратительная, снег начинал быстро таять. Полет задерживался.

Тяжелые корабли экспедиции были также готовы, и все ждали вылета со дня на день.

Каждый день рано утром мы все собирались на аэродроме, убеждались, что сегодня не полетим, и возвращались в город. В течение нескольких дней каждое утро прощался я с женой, а через несколько часов снова здоровался.

21 марта. На аэродроме лужи, проталины. Весна не на шутку предупреждала о своем приближении. Решено было во что бы то ни стало вылететь завтра.

В пять часов утра мы все собрались на аэродроме. Мой самолет должен был стартовать отдельно. Была несколько рваная облачность, дул сильный южный ветер, температура упала до минус 9°.

Разом запустили оба мотора, я полез к себе в кабину...

По линии железной дороги благополучно дошли до Архангельска, сделали посадку в Холмогорах. А через три часа туда прилетели все самолеты.

При старте из Холмогор получился смешной и постыдный для меня случай. Меня предупреждал Отто Юльевич: если после старта на самолете не будет работать двусторонняя радиосвязь, полета не продолжать, вернуться обратно в Холмогоры.

А с передатчиком у меня не клеилось, он не работал с самой Москвы. От близости винтов получилась вибрация стенок штурманской кабины, проще говоря — тряска, и передатчик разладился.

Весна надвинулась и на Архангельск, снег был мокрый. С большим трудом силами всех присутствующих на аэродроме мы долго раскачивали самолет. Наконец стронули. Боясь, чтобы он снова не прилип лыжами к снегу, я быстро проругил к старту и, пробежав весь аэродром, поднялся в воздух.

Сразу лег на курс.

Минут через пять штурман мне заявил: опять что-то приключилось с радиостанцией. Помня приказ, я вернулся, сделал посадку.

Навстречу к самолету бежал кто-то, очень похожий на моего механика Терентьева.

За ним ковылял Кекушев!

Передо мной стояли оба мои механика!

Оказалось, что, пока на старте раскачивали самолет, механики мои, не предупредив меня, выскочили из самолета. А я, завязанный и закутанный как кукла, не мог обернуться назад. И думая, что механики сидят на местах, дал полный газ и взлетел...

Случай почти анекдотичный: вылетел пилот в большой рейс, оставив механиков!

Никто не сомневался, что я сел из-за них, но какой же был хохот, когда я признался, что сел из-за неисправности радио.

На другой день мы прилетели в Нарьян-Мар. Через пару дней туда пришла вся эскадра.

При полете в Нарьян-Мар радио у нас снова испортилось. Меня вызвал Отто Юльевич и очень недвусмысленно объявил, что никакие заслуги не спасут меня от больших неприятностей, если я полечу на Матшар с неработающей радиостанцией.

С экспедицией летел конструктор радиостанции „Северный полюс“ — Николай Стромиллов. Он вызвался смонтировать станцию из моего аварийного передатчика и запасного приемника, снятого с тяжелого самолета.

Большой специалист своего дела, исключительно энергичный, он с помощью остальных членов экипажа в течение двух суток установил радио.

Испытание в воздухе показало отличные результаты, и мы с радистом и с замечательной двусторонней радиосвязью продолжали свой путь на Север.

III

Из Нарьян-Мара было решено лететь прямым путем на Рудольф. Полностью загрузились бензином. Но с такой нагрузкой самолет не смог оторваться. Пришлось в Нарьян-Маре оставить запасную лыжу, винт, колеса и часть снаряжения.

Отстартовав, сразу легли на курс. Чем дальше от Нарьян-Мара, тем ниже становилась облачность. Медленно набирая высоту, полезли за

облака. С большим трудом мы наскребли тысячу сто пятьдесят метров, стрелка стала на нуле: самолет кверху больше не лез. Он слегка обледенел.

Облаков пробить так и не удалось. Пришлось повернуть обратно в Нарьян-Мар.

Вечером меня позвал О. Ю. Шмидт и в обычной для него вежливой форме дал понять, что этим моим полетом он недоволен.

Я весь день ходил как ушибленный.

На другой день погода та же.

Я опять в воздухе. Держа самолет на курс, полез вверх. Через полтора часа отчаянной борьбы на высоте тысяча триста метров, еле-еле держа самолет на пределе, я вылез за облака.

Козырек и передняя кромка крыльев покрылись тонким слоем льда. Мы шли над сплошным белым морем облаков; просветов никаких. Внизу — открытое Баренцево море.

Лететь с такой перегрузкой над чистой водой — рискованно.

Через несколько часов вправо от курса увидели другие „облака“. Я догадался, что это сопки.

Вскоре мы действительно подошли к Новой Земле.

За спиной у меня открылась дверка, потянуло сквозняком. Не оборачиваясь, я протянул руку и получил от радиста телеграмму — приказание с Нарьян-Мара: сделать посадку на Матшаре и принять там эскадру.

Мы пересекли Новую Землю, вылетели в Карское море и через полчаса сделали посадку на Маточкином Шаре.

Аэродром замечательный, абсолютно ровный.

В этих местах зимой я был впервые, а потому был очень обрадован таким сюрпризом. После аэродромов на Енисейском Севере и в Хатангской тундре очень приятно было сесть на хороший аэродром — ровный, просторный, без застругов.

Немедленно дал знать об этом в Нарьян-Мар.

Спустя четыре часа показались три самолета. Алексеев немного задержался.

П. Головин
на Холмогорском
аэродроме играет
в снежки

На Матшаре мы пришвартовали самолеты ко льду и расположились отдыхать. Вечером местные жители показали нам небольшое кучевое облачко, которое поднималось от сопок вертикально вверх, — верный признак надвигающейся пурги.

Собственно это даже нельзя назвать пургой. Это был ужасной силы снеговой шторм. Качались радиомачты, ветер ревел в антеннах и расчалках. Все кругом заволокло беснующейся мутью.

Установили дежурство: надев маску и завернувшись шарфом, как гусеница в паутину, по специальному тросу, который предусмотрительно протянули от зимовки, с альпенштоком в руке, ползали по очереди смотреть, не случилось ли чего-нибудь с самолетами.

Мой самолет, стоявший носом к ветру как более легкий, поднимало штормом сантиметров на пятнадцать и бросало обратно на место. Незачехленные металлические винты на тяжелых самолетах медленно проворачивались ветром.

Через три дня я стартовал с Матшара — опять с целью попасть на Рудольф. Там была низкая облачность и плохая видимость, но синоптики успокоили: не исключена возможность, что за время полета на Рудольфе погода исправится.

В Баренцовом море сразу начался толстый слой облачности. Шли над облаками. Милях в пятидесяти от берега моря получили приказание повернуть к мысу Желания и сделать там посадку. Значит, Рудольф не принимает. Нужно пробиваться вниз.

Закрыв газ, стал планировать и только успел воткнуться в облако, как сразу же обледенел. Моментально залепило козырек. Посмотрел на крыло и увидел, как, буквально на глазах, на передней кромке, расширяясь, ползла серая полоса льда.

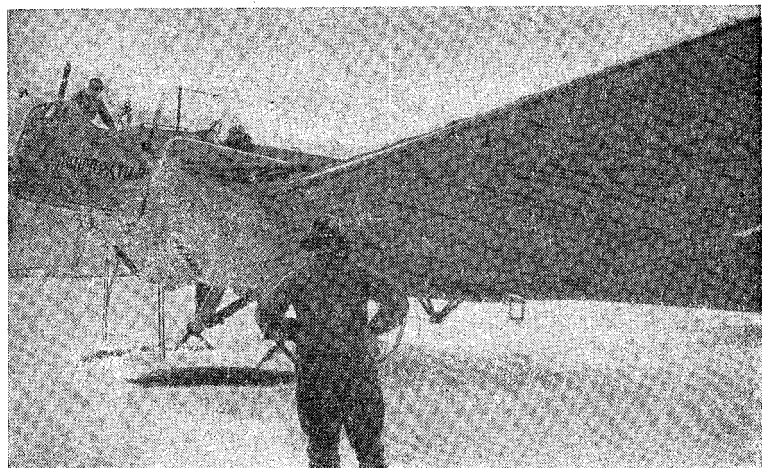
Затрясло моторы.

Облачность, повидимому, толстая.

Внизу — открытое море.

Выход один: на полной мощности карабкаться снова вверх.

В облаках самолет был не больше 2—3 минут, но настолько обледенел, что еле-еле вылез за облако.

Самолет Головина на старте

Моторы все еще трясло. Куски льда срывались с винтов и били по штурманской кабине так сильно, что облупилась краска и сильно погнуло гофру обшивки.

Пришлось вернуться назад миль на полтора, пройти вдоль Карского побережья, нырнуть в „окно“ и сделать посадку на мысе Желания.

Весь следующий день по приказу с Матшара мы держали самолет в получасовой готовности. Через каждые сорок минут запускали моторы и подогревали их.

Дул сильный ветер, погода становилась все хуже и хуже; мы ждали, когда отстартуют из Матшара тяжелые самолеты. Они должны идти прямо на Рудольф.

Я вылетел только утром на другой день и без всяких инцидентов благополучно добрался до Рудольфа. Тяжелые самолеты прилетели туда раньше меня на 6 часов.

Аэродром я нашел на куполе горы высотой около трехсот метров над уровнем моря. Там стоял фанерный домик походной мастерской и... все. Зимовка расположена у подножья горы на западном берегу Рудольфа. Это — „столица“ острова. Между зимовкой и аэродромом ползали тракторы и вездеходы и тянулись проволоки телефона. В „столице“ острова — зимовке — три жилые дома, радиостанция, баня и несколько складских помещений.

Домики украшены плакатами: у главного входа одного из них на задних лапах стоял замороженный медведь и держал в лапах огромный ключ с надписью „Ключ от полюса“. В бане визжали два медвежонка — совсем ручные. Ухаживал за ними зимовщик — пожилой крепкий мужчина, бывший боцман. Кормил их и играл с ними, как с ребятишками. Медвежата его любили и нежно играли с ним: „нежно“, конечно, по-медвежьи, потому что от ватной тужурки боцмана остались одни ключья, а сам он ходил всегда исцарапанным.

Мы поместились в отдельном домике, приблизительно в километре от зимовки. Его привез и поставил ледокол „Малыгин“ в 1932 году. Рядом с ним помещался американский домик, сплошь забитый льдом, остатки американской экспедиции Циглера. Тут же стоял каркас от палатки итальянской зимовки герцога Абрुццкого — словом, настоящий арктический музей. В домике было холодно, его долго не топили, со стен текла вода, он встретил нас очень неприветливо.

Решили жить вместе со всеми на общей зимовке. „В тесноте, да не в обиде“. Я пристроился в комнатке, где жили Алексеев, Козлов и Мазурок.

Среди участников экспедиции некоторые попали на Север впервые. „Старые“ полярники не упускали случая, чтобы над ними дружески подшутить.

Инженер Кисанов, специалист по приборам, как-то пожаловался, что у него протекают ботинки.

Кекушев и старший механик флагманского самолета Бассейн слышали эту жалобу, переглянулись и сразу друг друга „поняли“.

Они начали между собой совершенно непринужденный разговор о новом средстве для смазки сапог. Причем, по Бассейну, оказалось, что лучше сгущенного молока — средства нет. Разговор уже переходил в „спор“.

Кисанов поинтересовался: так ли он понял? Не ослышался ли? Получив подтверждение, — недолго думая, распечатал банку сгущенного молока и тут же толстым слоем тщательно смазал свои ботинки. И долго не допускал мысли, что это шутка.

— Сапоги со сметаной! — шутил Кекушев.

Самой веселой комнатой считалась та, где жили парторг экспедиции Догмаров, Мошковский, радист Иванов и спецкорреспондент „Известий“ Виленский — „злые“ шутники. Они постоянно спорили между собой, и все четверо были неразлучными приятелями.

Их комнату кто-то прозвал „осиным гнездом“, и это название при-
вилось.

IV

Первый мой полет с Рудольфа был в бухту Тихую. Я повез туда летчиков Крузе и Мошковского. Они должны были перегнать из Тихой на Рудольф два легкие самолета: „Р-5“ и „У-2“. В Тихой мы пробыли всего несколько часов. Зимовщики радушно нас приняли, угостили нас славу, давали кучу разных подарков. В числе их... живую свинью. К ней была приложена родословная в подтверждение того, что свинья эта родилась здесь и произвела на свет бесчисленное потомство.

„Бабушку“-свинью связали и положили ко мне в самолет.

— Самую северную в мире свинью везем! — говорил Мошковский.

Под вопли „самой северной в мире свиньи“ пошли в воздух.

Тихоходный самолет „У-2“ вел летчик Мошковский. Мне приходилось через каждые пять минут разворачиваться, идти обратно и ждать, пока он меня догонит. Пустить его одного не решился. На „У-2“ не было радио, — снесет его, на вынужденную не пойдешь.

5 мая меня решили выпустить на разведку к полюсу.

Рудольф — последний клочок суши. Дальше к северу — центральная Арктика — место еще не „облетанное“. Посылать туда сразу тяжело нагруженные самолеты — дело рискованное.

Решили поэтому послать „разведчика“ — более легкий самолет, посмотреть, что из себя представляет район полюса в смысле обстановки и погоды. Проверить, как во время полета будут вести себя аэронавигационные приборы, как будет слышен радиомаяк, а главное: можно ли сесть на полюсе тяжелым самолетам?

В период подготовки экспедиции на материке нас „пугали“ всякими неожиданностями. Ссылались на Бэрда и Амундсена, будто эти исследователи в свое время указывали на невозможность посадки самолета во льдах центрального бассейна. Другие утверждали, что в районе полюса не будут нормально работать гироскопические приборы. Радиотехники беспокоил вопрос: как будет вести себя радиомаяк? Предполагали, что он будет слышен только километров пятьсот, а до полюса — девятьсот.

Рисковал ли я, отправляясь в этот полет? Этот вопрос мне задают часто. Конечно, рисковал — зачем тут скромничать. Главное в этом риске: неизвестность. Но за то порукой в том, что этот риск не безрассудный, было: прекрасная машина и люди, спаявшиеся в крепкий коллектив. Это обеспечивало четкую работу в воздухе.

Синоптик экспедиции Б. Л. Дзержевский, выпуская меня в разведку, предупредил, что район полюса, возможно, будет закрыт облаками. Значит, один „сюрприз“ впереди уже есть!

Мы соскользнули с купола и пошли в воздух. Набрали высоту. Над нами была трехъярусная незначительная облачность. Через двадцать минут сообщили Рудольфу первую сводку-донесение: „Пробили первый ярус облаков, идем в зоне маяка — слышен прекрасно“.

Моторы ревут каким-то чеканным гулом. Пробили второй слой облаков. Они долго тянулись над нами, потом вдруг оборвались, и мы полетели над льдами. Третий слой облаков — перистые. Сквозь них светило солнце. Магнитные приборы стали „шалить“. Не желая попасть в неприятное положение, решили ими не пользоваться, а верить солнцу. Оно не подведет! Наш советский „солнечный указатель курса“ (СУК) оказался очень хорошим, остроумным и простым в употреблении инструментом.

С высоты полутора тысяч метров я видел внизу много хороших льдин — удобных посадочных площадок. Когда в очередном донесении сообщил об этом на Рудольф, то в ответ получил не радиограмму, а настоящую „патетическую сонату“. Можно только представить себе, с каким нетерпением остальные участники экспедиции на Рудольфе ждали моих радиодонесений! Подходя к 88 градусу, Кекушев устроил мне „спектакль“: неожиданно сдал левый мотор. У летчиков с практикой в подобных случаях выработался своеобразный рефлекс. Подчиняясь ему, я повел корабль на снижение, соображая, что с одним мотором я дотяну до приличной льдины и сяду.

Вдруг мотор снова заработал. Значит — все в порядке. Вперед и вверх!

Оказывается, расчетливый Кекушев, чтобы точнее учитывать расход горючего, дорабатывал бак до последней капли.

Переключившись на другой бак, он показал из дверки извиняющуюся за беспокойство физиономию.

С 88 градуса стали внизу попадаться облака. Сперва низкие, рваные, потом — сплошные. Выходит дело: прав Дзерждзеевский! Недаром его в экспедиции за точные безошибочные прогнозы прозвали „богом погоды“.

Сообщил об этом на Рудольф и получил ответ: „Набирайте высоту и разворачивайтесь обратно“.

Справился у Кекушева о количестве бензина. До полюса оставалось немного. Приказ получен: лететь обратно. Приказы для того даются, чтобы их исполнять. Но посудите сами, разве не обидно побывать у полюса и не доставить себе удовольствия пролететь над ним? Ведь как-никак, а „макушка земли“! Нужно же иметь уважение!

Послал радиограмму:

— Набираю высоту!

Я не ослушался приказа. Стал набирать высоту, но не меняя курса. Полюс совсем близко. Волков стал готовиться к астрономическим наблюдениям.

Мы были в полете уже пять часов тринадцать минут, когда штурман обернул ко мне сияющее лицо и поднял большой палец руки вверх. Жест общеизвестный! Послал телеграмму на Рудольф с сообщением координат и высоты: „Развернулись над полюсом, идем обратно!“

Внизу сплошные облака. Навстречу нам летела радиограмма от Шмидта с горячим поздравлением экипажу первого советского самолета, пролетевшего над полюсом.

На обратном пути начались неприятности. Дул лобовой ветер. Борясь с ним, летели медленно, а горючего израсходовали много. Кекушев прислал тревожную записку. А тут еще беда: в конце одиннадцатого часа полета Стромиллов доложил:

— Выскочили из зоны радиомаяка.

Говоря по-сухопутному: сбились с дороги. Пока искали в эфире радиомаяк, меняя курс, идя зигзагами, — пришло сообщение с Рудольфа: остров закрыт туманом, на „купол“ садиться нельзя.

Нырнули вниз в „окно“ и пошли почти бреющим полетом. Лед внизу стал мельчать и наконец перешел в открытую воду. Признак хороший — значит где-то близко берег. Самолет шел низко, едва не зацепляя антенной гребешки волн.

Сзади меня открылась дверца и вылез, как всегда невозмутимый, спокойный Львович. Он нагнулся и стал ручной помпой качать бензин. По его движениям нельзя было подумать, что в баках остались последние 100 килограммов — капля для нашей машины! А на самом деле это было так.

Удивительно неприятное положение: побывать над полюсом, потом с заглохшими моторами свалиться в воду.

Напряженно вглядываясь вдаль, увидел в тумане черный ледниковый берег. Присмотрелся и определил по очертаниям: остров Карла-Александра. Слева от него — Рудольф. Пустяки — пять минут хода!

Делать обычный круг было не на чем — бензин весь. Сделал посадку по ветру на маленьком запасном аэродроме, у самой зимовки. Навстречу самолету бежали люди. Взволнованные, радостные и гордые. Шмидт нас всех перецеловал, а у Водопьянова было какое-то детски-восторженное лицо.

Мне пришлось чуть ли не сотню раз повторять, что льдины у полюса хорошие, садиться можно, радиомаяк работал до самого полюса, приборы вели себя прилично.

18 мая я опять пошел на разведку к полюсу. Задание: посмотреть, какая на 85-м градусе погода.

Взлетели благополучно в прекрасной летной обстановке. Потом, как это обычно случается в Арктике, все испортилось. По небу поползла какая-то серая „рваная дрянь“. Часа через полтора низом итти стало невозможно. Нашел маленькое „окошко“ и полез вверх. „Окошко“ вдруг закрылось, и мы очутились в густых облаках. Лезли упрямо вверх. Высота уже две тысячи метров, а облакам ни конца, ни края не видно! Что, если пообедаем?

С Рудольфа сообщили:

— Немедленно вернитесь обратно!

Оказывается, и у них там погода испортилась.

Сделал разворот и пошел обратно. Чем ближе к острову — тем хуже и хуже видимость. Наконец ничего вокруг не стало видно. Перешел на „слепой“ полет. Высоту держал большую, боясь „вмазать“ самолет в купол горы.

Волков доложил, что, судя по вычислениям, мы около Рудольфа. Внизу ничего не видно, серая пелена тумана окутала все. Как же итти вниз? Покрутились немного и... потеряли радиомаяк. Целый час прошел, пока снова попали в зону. Оказывается, мы в стороне от острова. Повернули. Немного спустя, получили радио с Рудольфа: мы над островом, и там внизу люди слышат шум наших моторов. Что делать? Пойти на посадку — разобьешь машину. Оставался один выход: повернуть снова в море и сесть на льдину.

Вспомнилось, что льдины недалеко от архипелага бывают у краев неровные, восторженные, а в середине более или менее гладкие. Проклятый туман мешал как следует разглядеть; поэтому, найдя первую попавшуюся льдину, „протянул“ над торосами и угодил в самую середину.

Скачок... другой... третий... Вот из тумана, норовя попасть прямо под лыжу, вынырнул ропак. Кое-как „оттолкнул“ от него самолет.

Экипаж вышел на лед. Где мы? Кругом—туман. Определить свое местоположение невозможно—небо закрыто. Велика ли наша льдина и насколько прочна—тоже не узнаешь. Отойти от самолета—дело рискованное: заблудишься в тумане.

Устроили лагерь. Неизвестно ведь, сколько времени просидим тут.

Достали продовольствие, сняли с самолета аварийную радиостанцию, резиновую лодку, винтовки. Коля Строилов поднял мачту и передал на Рудольф по радио, что сидим на льдине прочно, но не знаем, где она плавает.

Скоро получили ответ—длиннейший, чуть не в метр! Шмидт, Шевелев и Водопьянов поздравляли с удачной посадкой и спрашивали, какая нам нужна помощь?

После мне рассказывали, как Водопьянов, слыша гул наших моторов в тумане над Рудольфом и понимая наше отчаянное положение и полную невозможность помочь нам, нервничая шагал в радиорубке и бормотал:

— Пусть разобьют машину! Только бы сами живы остались! Только бы целы были! А там—выручим!

Нужно сказать, что летчик на земле лучше чувствует беду, чем тот летчик, кому эта беда грозит.

Между тем наши механики разбили палатку. Зашипел примус. Пообедали и улеглись спать, завернувшись в спальные мешки. Остался дежурить Строилов.

Не успели переспать, как вдруг—выстрел! Другой! Ничего не понимая, кубарем выкатился из палатки и увидел в торосах пятки и хвост улетающего медведя. Обычная арктическая экзотика: как ни вертись, а без медведя в Арктике не обойдешься!

Через сутки туман стал рассеиваться. Проглянуло солнце. Сделали астрономические наблюдения и определились. Оказывается, мы совсем недалеко от Рудольфа.

Принялись устраивать „аэродром“—очищать площадку для старта. На это ушло два дня напряженнейшей работы. Пришлось прорубить в торосах дорожку длиной в несколько десятков метров и по ней кое-как рулить на самолете, на поворотах заноса хвост на себя.

На третьи сутки, собираясь взлететь, увидели, что наш „аэродром“ лопнул пополам. И льдина уже разошлась метра на два.

Рискули взлететь с одной половины...

Минут через двадцать были на Рудольфе. Шмидта, Водопьянова и „папанинцев“ уже не застали. Они вылетели на полюс.

V

Летчик Крузе на легком самолете пошел разведывать погоду. В полете попал, как и я, в туман, потерял ориентировку, израсходовал горючее и принужден был сесть на льдину. Бензина у него совсем не было, а льдина небольшая, второму самолету на нее не усесться.

Поручили мне найти самолет Крузе и сбросить ему на парашютах резиновые баллоны с бензином и продовольствием.

Полетели в первый раз искать—неудачно: погода испортилась.

Полетели во второй раз при замечательной погоде. Штурманом ко мне вместо заболевшего Волкова посадили Ритсланда.

Установили с Крузе радиосвязь...

Летим...

Вдруг получаем от него радиограмму: „Прошли над нами“.

Что за оказия? Самолет Крузе маленький, зеленый — под цвет раз-
водьев. Никак его не различишь сверху. Захожу опять... Где же он?..

— Развернитесь! Вы — над нами! — радирует Крузе.

Высунувшись из самолета, наконец-то увидали среди торосов малень-
кую „зеленую стрекозу“. Снизились...

Ритсланд сделал расчеты, приготовили парашюты с посылками,
открыли нижнюю люковину, пошли на круг.

— Раз!

И темный комок стремительно покотился вниз — вздулся пузырем
парашют.

— Есть!

„Посылка“ легла точно у самолета. Пошли снова на круг.

— Два!

Вторая „посылка“ легла рядом.

Ни разу не „промазал“: все четыре парашюта опустились в пока-
занные места! Попрощались с Крузе и вернулись обратно. Вскоре,
следом за нами, и он прилетел на Рудольф...

Пришла весть о вылете самолетов с полюса. Над Рудольфом стоял
густой туман... Как же принимать эскадру?

С Дзержевским на самолете „У-2“ полезли вверх — посмотреть:
насколько толст покров тумана над островом. Ничего не вышло —
туман настолько сгустился, что пришлось отложить полет.

Все оставшиеся на острове стали нервничать. Я на опыте убедился,
что такие „наземные“ моменты переживаешь острее, чем когда сам
находишься в опасности. А эскадра все приближалась...

Решил все-таки вылететь на „У-2“ и пробить облачность.

Какова же была радость, когда оказалось, что туман держится только
над островом! Дальше в море — тихая ясная погода...

До прихода эскадры оставался час времени.

Туман стал медленно оседать вниз, обнажая верхушку купола.

На всякий случай мы заложили три старта: внизу — у зимовки на
запасном аэродроме, на куполе и километрах в десяти — на втором,
меньшем куполе острова. Туда я послал своего механика Терентьева
с полотнищем „Т“.

До срока оставались минуты...

Все насторожились. На главный купол опять медленно и грозно
надвигались облака... Успеют или нет?..

Далеко на горизонте показались черные точки. Одна... две... три...
Донесся „бархатный“ рокот моторов. Северная воздушная Армада боль-
шевиков возвращалась.

Эскадра успела обогнать облако, и, прежде чем оно закрыло купол,
самолеты один за другим сделали посадку.

Четвертый самолет, Алексеева, сделал посадку на льдине в двухстах
пятидесяти километрах от Рудольфа.

Еще на полюсе было известно, что у него нехватит бензина до
конца пути. Однако он решил идти пока возможно, а дальше — ждать
на льдине, пока привезут горючее.

Эскадра с полюса шла над облаками ровным красивым строем.
Потом Алексеев „выкатился“ из строя вправо и „нырнул“ вниз. Радио-
станция его стала затухать, и последнее, что слышали — были слова:

— Иду на посадку...

Час спустя, когда эскадра была уже на Рудольфе, заработал аварийный передатчик самолета „СССР-Н-172“, и пришла первая радиограмма:

— Посадка благополучна. Все в порядке.

В честь возвращения эскадры с полюса из Москвы устроили нам концерт, который нам транслировал Диксон.

Мы все, собравшись в „кают-компания“ острова, с удовольствием слушали этот действительно замечательный концерт. Мысли невольно переносились в Москву к оставленным родным, близким, друзьям.

Жалели, что среди нас нет „алексеевцев“. Живя вместе с ними почти три месяца, мы крепко сжились друг с другом. И оттого, что среди нас не было экипажа Алексева, становилось как-то не по себе.

— Эх, поглядел бы я теперь на „Шамана“! — вздохнул кто-то из нас...

В „кают-компанию“ вошел радиотехник и предупредил, что сейчас будет „актуальная“ радиопередача с самолета Алексева.

— Не расходитесь!

Все невольно поглядели на репродуктор.

Услышать знакомые голоса товарищей, оторванных от нашей общей семьи расстоянием, льдами, водой и скверной погодой, — было больше чем обычной радостью.

Вдруг в репродуктор мы услышали один из знакомых голосов. Он объявил:

— Хор!

Пел экипаж самолета „СССР-Н-172“!

Пел, сидя на льдине, за сотни километров от суши. Пела кучка смелых веселых людей, усевшихся на льдине почти в центре Арктики, так же спокойно, как будто они сидели у себя дома!

„Успех превзошел все ожидания“, — принято говорить в подобных случаях. Все волновались, аплодировали, у всех были какие-то восторженные глаза!..

Доставка Алексеву бензина была поручена мне.

Дождаясь хорошей погоды, мы в течение трех суток держали самолет в готовности.

Экипаж дежурил на куполе.

К концу третьих суток Отто Юльевич спросил меня, не считаю ли я возможным использовать ту погоду, которая сейчас имеется.

Кубарем скатился вниз и выскочил на улицу.

Погода — подходящая. По телефону дал распоряжение: запускать моторы.

Самолет был перегружен, а весна давала себя знать — лыжи проваливались в снег. Мы съехали с купола как на сани, и только у подножия горы едва удалось оторваться.

Полет был хорошо подготовлен. Луч радиомаяка был направлен точно на самолет Алексева, и мы шли в зоне, как по дорожке.

На полпути увидели встречный самолет. Это летел на Рудольф Крузе, возвращаясь со льдины 85°. Он сидел там, карауля погоду для возвращавшейся с полюса эскадры.

Крузе прошел над нами. Мы поздоровались — покачали крыльями и разошлись.

Так мы здоровались где-нибудь на Енисее — там не редкость встретить самолет. Но здесь в этом покачивании крыльями было что-то гордое. Впервые в истории здесь встретились два самолета, и оба — советские!

Через час полета летевший со мною штурман Ритсланд настроил радиокompас на станцию самолета „СССР-Н-172“, а еще через полчаса получил радиogramму:

— Видим вас. Идете точно на нас.

Первое, что я увидел, когда опустился на льдину у самолета, было лицо Алексеева.

Он бежал ко мне навстречу, за ним — Шевелев и все „население“ самолета...

* * *

На полюс я полетел на замечательной машине. Нашей машине! Советской — до последнего винтика!

Как пилот — я рос вместе с нашей авиационной техникой. Вместе с ней развивался и совершенствовался. Она мне предъявила требования, — я ей предъявлял счета.

Вспоминаются годы первых полетов в Арктике. Много всяких трудностей — и больших и малых — приходилось испытывать. Сейчас это — уж прошлое, и все-таки думается: весь свой опыт полярного летчика я получил, преодолевая именно эти трудности.

В. С. КАРЕЛИН

ЗАПОЛЯРНЫЙ ТЕАТР

I

Немного истории. Ранней весной 1935 года в одной из центральных газет появилась заметка:

„Политическим управлением Главсевморпути организуется первый в мире Заполярный театр, который в ближайшее время вылетит в Арктику и Заполярье.

На пути следования театр будет давать спектакли и концерты для караванов судов, направляющихся в полярный бассейн, работников рыбных промыслов, консервных заводов, пушных факторий, лесосплава, команд судов, идущих по Северному морскому пути, и полярников, работающих в далекой Арктике.

В репертуаре театра ряд пьес русских и западных писателей на дореволюционные и современные темы. Театр также готовит большую концертную программу (музыка, пение, балет, художественное чтение).

Одновременно театр займется организацией самодеятельности на местах путем инструктажа, лекций и собеседований“.

Эта небольшая газетная заметка вызвала большой интерес и оживленные разговоры в кругу московской театральной общественности. Некоторые утверждали, что идея организации Заполярного театра обречена на провал, что это вымысел „досужих умов“, „утопия“.

Даже наиболее благосклонно относившиеся к этому товарищи не верили в осуществление идеи об организации Заполярного театра, считая, что трудности, стоящие перед вновь организуемым театром, почти непреодолимы.

Несмотря на атмосферу некоторого недоверия и скептицизма, в апреле 1935 года Заполярный театр Политуправления Главсевморпути был организован и начал свою деятельность. В его состав вошли работники московских государственных театров и представители кружков художественной самодеятельности Москвы: Карнеев Л. С., Мейер М. М.,

Немиров В. Ф., Орлов М. И., Свержевский А. А., Светланова В. В., Черневский Д. Д., Романовская Т. Б.

Перед театром стояли четко сформулированные задачи — организация и показ работникам Заполярья и Арктики спектаклей полноценного идейного содержания и высокого художественного качества.

С момента организации театра прошло около трех лет. Театр провел три рейса в Заполярье и Арктику и проделал большую и нужную работу. Пора подвести некоторые итоги.

Маршрут первого рейса театра в 1935 году был следующий: Москва — Красноярск — Игарка — Усть-Енисейский порт — остров Диксона — Игарка — Мурманск — Москва. Обслуживание маршрута театр выполнил полностью, кроме того театром были дополнительно обслужены: Дудинка, Дорофьевский рыбный промысел, Иннокентьевская бухта, Пясинский караван. За первый рейс было дано 66 выступлений, на которых присутствовало около 47 тысяч зрителей. Пройдено всего 14 тысяч километров пути.

Второй рейс 1936 года проходил по более сложному пути. Театр следовал по маршруту: Москва — Иркутск — Качуг — Витим — Пеледуй — Якутск — Кангаласские каменноугольные копи — Сангар-хая — Жиганск — Булун — бухта Тикси — бухта Провидения — Петропавловск на Камчатке — Владивосток — Москва. Помимо основного маршрута театром обслужены: Кистеневка, Киренск, Олекминск, суда каравана 4-й Ленской экспедиции, ледоколы „Красин“, „Литке“, пароходы „Смоленск“, „Искра“, „Ванцетти“, „Товарищ Красин“, „Камо“ и др. Проведено 102 выступления, обслужено около 56 тысяч зрителей. Пройдено 27 тысяч километров пути.

Третий рейс, в отличие от двух первых, ставил себе задачу обслуживать два величайших речных бассейна — Обский и Енисейский — в одну навигацию. Путь театра был следующий: Москва — Тюмень — Тобольск — Белогорье — Салегард — Новый Порт — Гыдо-ямо — остров Диксона — Усть-Енисейский порт — Дудинка — Енисейск — Придивненская верфь — Красноярск — Москва.

И на этот раз театр справился с возложенной на него задачей.

Театром проведено 101 выступление, которые посетило около 50 тысяч зрителей. Пройдено 16 тысяч километров пути.

Цифры и факты говорят сами за себя. За три года работы театра проведено 269 выступлений, на которых присутствовало около 150 тысяч зрителей. Пройдено 50 с лишним тысяч километров пути.

II

Где же работает театр в Арктике?

Отвечаем: — всюду. В Красноярске — в помещении гортеатра, в Игарке — в клубе Лесокombината, на Дорофеевском промысле — в общезжитии рыбаков, в Иннокентьевской бухте — в недостроенном складском помещении, на острове Диксона — в кают-компании „Большого дома“, на пароходе „Смоленск“ — в трюме, на пароходе „Сталинград“ — на палубе, на ледоколе „Ермак“ — в салоне, в Напалковской фактории — на берегу.

Как и где мы работаем?

Остров Диксона. Сигнальная вышка острова Диксона, стоящая на высоком берегу бухты, рядом с силовой станцией, привлекает всеобщее внимание. Проходя мимо вышки, люди задерживаются. На

верхних перекладинах ее висят шкуры убитых белых медведей, а ниже под шкурами уместилась небольшая скромная афиша Заполярного театра. Она извещает зимовщиков острова, команды прибывших пароходов, лихтеров, барж и личный состав разных экспедиций о репертуаре, месте и времени спектаклей и концертов. Впервые в истории театра театральная афиша нашла себе место на 73,5° сев. широты.

10 часов 30 минут вечера.

Звонок помощника режиссера, стоящего на крыльце „Большого дома“, извещает о спектакле. Из окон нашего общежития, которое одновременно является нашей костюмерной, мы видим, как торопливо собирается зритель в кают-компанию „Большого дома“. Прошел летчик т. Козлов, только что прилетевший с ледовой разведки из пролива Вилькицкого. Прибыли на катере команды судов „Искра“ и „Ванцетти“, идущих сквозным путем из Мурманска во Владивосток. Вот пришел и т. Воронин, спешно проходит группа ударников днепропетровских заводов, работающих на Диксоне, спешат занять места сотрудники рации, метеостанции острова.

Пора идти. Выходим. Полторы сотни полярных ездовых собак (на Диксоне собачий питомник) поджимают хвосты и с визгом, опрометью бросаются по сторонам. Остановившись на почтительном расстоянии, они с любопытством осматривают нас.

Незаменимые работники Севера, разумные животные, не боящиеся встречи с грозным обитателем Арктики—белым медведем, они убегают от людей, наряженных в костюмы и парики XVII столетия.

Кают-компания „Большого дома“ разделена на-двое. В половине, прилегающей к кухне, устроена сцена, повешены кулисы, палуги, задник и занавес. Установлены прожектора. Поставлена мебель. За неимением помещения артисты гримируются в кухне. Они расположились вокруг огромной плиты, еще не остывшей после стряпни. Расставили на ней зеркала, разложили грим, который, подогреваясь на неостывшей плите, медленно тает. Несмотря на все неудобства актеры чувствуют себя неплохо, кладут недостающие блики, от чрезмерной жары часто пудрятся, пытаются пудрой остановить потоки стекающего грима.

Зрители наполняют зал до отказа. Все стулья, подоконники, старый потрепанный рояль, — все заполнено зрителем. Опоздавшим нехватает

Концерт на борту теплохода „Микоян“ в 1937 году.

(Фото Л. Карисева)

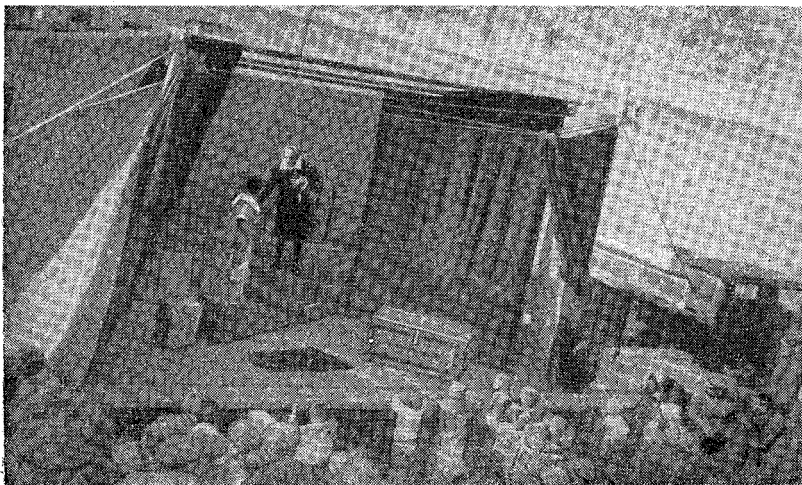
мест, и они вынуждены рассаживаться на полу, перед самым занавесом. Летчик т. Козлов, который не находит себе места, просит у нас разрешения стать за кулисы и оттуда смотреть спектакль, одновременно предлагает свои услуги закрывать и открывать занавес по знаку, который ему будет давать помощник режиссера. Вскоре в кулисах набилось такое количество зрителей, что актерам приходилось пробивать себе дорогу к выходам через плотную стену человеческих спин.

Перед самым началом спектакля выясняется, что силовая установка острова Диксона, ввиду ее перегруженности, не может дать театру достаточного количества света. Необходимо изобрести источник света. Собираем все существующие на Диксоне зеркала и устанавливаем их таким образом, что получается своеобразный „светоагрегат“, который освещает сценическое пространство преломленными в зеркалах лучами заходящего солнца.

Это на Диксоне. Несколько по-другому спектакль Заполярного театра выглядит в трюме парохода „Смоленск“.

Чукотское море. Краснознаменный ледокол „Красин“ бункеровался углем, пришвартовавшись к борту парохода „Смоленск“. „Красин“ должен был принять 1500 тонн угля. Командование установило срок бункеровки — двое суток. Сто человек комсомольской команды „Красина“ и двести семьдесят человек пассажиров „Смоленска“ разбились на бригады по 10 человек в каждой. Началась авральная работа. Бригада Московского Заполярного театра, руководимая директором театра т. Черневским, значилась под номером 28, она также работала по-стахановски. Вместо 100 подъемов за смену бригада театра давала 120—130 подъемов, чем заслужила всеобщее уважение.

Свободные от бункеровки люди требовали разумного отдыха и развлечений. Первым мероприятием, организованным Заполярным театром в Чукотском море, явились танцы. С корабля на лед спустился баянист театра т. Панин. Звуки баяна огласили мертвое безмолвие ледяной пустыни, и десятки людей закружились в вихре веселого вальса на гладкой поверхности ледяного поля. Раскрасневшиеся лица, веселые голоса, шутки и смех.

Спектакль
„Тартюф“
на караване
в навигацию
1937 года
(Фото Л. Карнева)

В четвертом трюме парохода „Смоленск“ шла не менее спешная работа. Свободные от погрузки бригады готовили подмости для спектаклей Заполярного театра. Верхняя палуба трюма (так называемый твиндек) приобретала вид оборудованного театра. Выгорожена игровая площадка, на сигнальных флагах парохода подвешен занавес, кулисы, падуго, отгорожено место для актеров. Яркие цветные флаги придают этому импровизированному театральному помещению празднично-торжественный вид. Электрик парохода подготавливает нужное спектаклю освещение. Палуба трюма очищается от мусора, покрывается чистыми циновками. Лестница в трюм драпируется брезентом и принимает парадный вид. Партер образуют принесенные из кают-компаний стулья и кресла, амфитеатр — доски, положенные на ящики и бочки. Принесенная с капитанского мостика сирена, установленная у входа в трюм, служит сигналом к началу спектакля.

В кают-компаниях „Красина“ и „Смоленска“, в матросских помещениях и на палубах вывешены афиши:

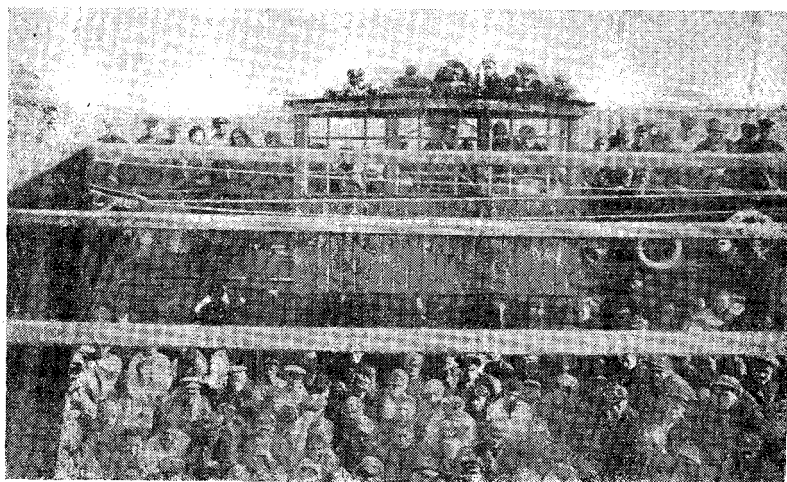
„Сегодня в трюме № 4 парохода „Смоленск“ спектакль Заполярного театра „Тартюф“, комедия в 5 действиях. Начало в 8 часов вечера. Билеты у помполита парохода“.

Владельцы билетов готовятся к спектаклю. Люди идут в баню, бреются, надевают чистые сорочки и костюмы. Артисты тоже меняют робы грузчиков на театральные костюмы. В каюте помполита одевание и гримировка. Костюмы тщательно разглажены, парики расчесаны, реквизит и бутафория на месте.

Все немного волнуются. Во льдах Чукотского моря, неподалеку от места трагической гибели „Челюскина“, впервые в истории театра зрители — работники Арктики — увидят комедию знаменитого французского драматурга. Мольер в Арктике! Мольер — во льдах Чукотского моря! Есть от чего волноваться.

Зритель с боем осаждают вход в театр-трюм, и, как это ни странно, в Арктике так же, как и в столице, бесчисленное количество театральных „зайцев“.

Восемь часов вечера. Трижды провыла сирена, и поднялся занавес. Дружный хохот и аплодисменты часто наполняли зал-трюм. Реакция

„Зрительный зал“ на караване
(Фото Л. Карнеева)

была настолько непосредственной и продолжительной, что часто заставляла актеров задерживать и останавливать действие спектакля. Актеры отдавали все, что было в их возможностях, играя с большим подъемом и увлечением. На верхней палубе грохотали лебедки, лязгали стальные тросы, доносились выкрики отводчиков, но никто не обращал на это внимания. Зрители и актеры, увлеченные спектаклем, не замечали постороннего шума, они дополняли друг друга и взаимно радовались; и эта радость была настолько большой, что казалась почти осязаемой.

Спектакль окончен. Аплодисментам нет конца. Долго не расходились. Жали руки актерам и награждали подарками. Одни вручали пачку папирос или табака, другие — банку сгущенного молока, некоторые — печенье, конфеты, лимоны, фруктовые консервы. Это было все то, что возможно поднести в подарок, будучи в далекой Арктике, но дорожке всего было искреннее чувство благодарности, которым наградил нас зритель.

И сейчас мы вспоминаем об этом дне как об одном из самых счастливых дней. На листке нашего календаря этот день отмечен красным карандашом. Перелистывая календарь, мы с большим волнением и радостью вспоминаем о спектакле в Чукотском море.

III

Совсем по-иному выглядит спектакль на барже 4-го Ленского речного каравана. Надо сказать, что Ленский речной караван до выхода в море буксируется не цепочкой, когда суда идут кильватерной колонной, а по принципу концентрации судов. Вслед за пароходом пришвартованные борт к борту идут 4 тысячетонных баржи. За ними, упираясь в разводья между рулями, идут следующие 3 таких же баржи. Таким же порядком, вслед за этими тремя — две и затем одна. После этой связки судов следуют более мелкие, построенные в таком же порядке, составляющие второе звено. Все баржи соединены между собою переходными трапами, и сообщение между ними налажено в полной мере. По меткому выражению одного из наших товарищей караван 4-й Ленской экспедиции был назван „Пловучим городом“. И действительно, это так. Буксирный пароход „Партизан Щетинкин“ как бы являлся электростанцией, дающей свет этому городу. На одной из барж устроен магазин, в котором вы можете получить необходимые вам товары ширпотреба и питания. На баржах выложены русские печи, в которых выпекается хлеб для всего населения „Пловучего города“. Существует нечто похожее на коммунальную прачечную.

Большое внимание населения „Пловучего города“ привлекал „пловучий театр“.

Грузчики и все население „Пловучего города“ под руководством заведующего постановочной частью театра т. Свержевского соорудили большой помост — сцену из положенных поперек баржи трапов. На углах этого сооружения они прикрепили перпендикулярно поставленные столбы. Вверху эти столбы были соединены рейками, что и служило основанием — каркасом сцены. На положенные перекладины повесили кулисы, падуго, задник, приладили занавес. Сцена получилась на-славу. Зрительный зал немногим уступал сцене. Толстые бревна были расположены таким образом, что создавали постепенно возвышающуюся покатость, напоминающую амфитеатр. Мостик управления баржи напоминал своеобразный балкон.

На этой сцене Заполярный театр сыграл более 10 спектаклей. Это было замечательное зрелище. Вы плывете по широкой Лене. Навстречу вам несутся изумительные по своей красоте берега. Ароматный запах тайги доносится с далекого берега. Ровно в 8 часов вечера по всем баржам каравана проходит дежурный театра и извещает всех жителей „Пловучего города“ о начале спектакля. Зрители рассаживаются на трюмах, на рулевой рубке, на круто поднятых бревнах рулевого управления. Получается нечто вроде трехярусного театра.

Не один раз во время наших спектаклей и концертов менялась погода, налетал ветер, проносился дождь, и казалось, что сама природа протестует против наших спектаклей. Сукна и занавесы, висящие на тросах и рейках, вздымались как паруса, срывались с петель и мешали продолжению спектакля. Ветер валил декорации и мешал актерам играть. Своим завыванием он заглушал голоса актеров или уносил звуки произносимых слов в противоположную от зрителей сторону. Дождь обильными потоками низвергался на зрителей и актеров, но публика кричит: „продолжайте“. И только в редких случаях мы прекращали наши спектакли.

В сентябре 1935 года в Игарку пришли коммерческие пароходы „Сталинград“ и „Анадырь“, впервые в истории прошедшие весь Северный морской путь в одну навигацию с востока на запад в рекордно-короткий срок.

Встречать пароходы двинулась целая флотилия катеров, моторных лодок, маленьких буксирных пароходов, расцвеченная флагами и шелковыми лентами. Театр получил в свое распоряжение небольшой одномачтовый катер и, придав ему карнавальный вид, направился вместе с флотилией встречать пароходы. Мы в подарок советским морякам принесли свой концерт. Он был устроен тут же на палубе, на трюмном люке. Шел мелкий осенний дождь. В воздухе было холодно. Артист Немиров, несмотря на „неконцертную“ погоду, читал отрывки из поэмы Маяковского „Хорошо“. Когда на сцене появился баянист, пришлось раскрыть зонтик и держать его над инструментом, чтобы дождь не замочил баяна. Певец Маев, несмотря на катившиеся по лицу капли дождя, спел шесть вещей.

Мы так привыкли к непостоянству погоды в Арктике и Заполярье, что не обращали никакого внимания на ее капризы. Для нас самое радостное было то, что зритель, находившийся под дождем на открытой палубе, дружно аплодировал и просил повторения исполняемых нами номеров.

Считаем необходимым сказать несколько слов по поводу концерта, который мы проводили на рыбалке Дорофеевского промысла (Енисей). Он был организован в маленьком домике общежития рыбаков. Двухэтажные нары, стоящие вокруг стен домика, напоминали каюты пароходов. В небольшом свободном от нар квадрате происходило наше выступление. Зрители расположились на нарах в два яруса и с затаенным дыханием следили за происходящим на площадке. Мы читали стихи Пушкина, рассказы Чехова, фельетоны Кольцова. Пели арии из классических опер, исполняли музыкальные произведения Моцарта, Шуберта, танцевали характерные танцы.

Теперь о концертах по радио. В составе театра имеется музыкальное трио и вокалисты. Они обслуживали концертами зимовки, фактории и суда, идущие Северным морским путем. С радиопункта острова Диксона ежедневно в течение 20 дней наша концертная группа передавала

концерты по радио, которые слышала вся Арктика (по специально при-
сланным заявкам с зимовки Северный полюс, с острова Рудольфа,
с мыса Оловянного и гидрографического судна „Торос“). По просьбе
Героев Советского Союза т. Папанина и Шевелева, зимовщиков мыса
Оловянного и Челюскина, а также моряков судна „Торос“ были также
проведены концерты. Исполнялись произведения Бизе, Чайковского,
Римского-Корсакова, Венявского, Дунаевского и народные песни.

IV

Помимо спектаклей и концертов театр проводит большую массовую
работу. Организует кружки художественной самодеятельности, про-
водит с ними лекции и беседы, инструктирует и практически помогает
им в работе. Например, в первый рейс артистка Светланова подгото-
вила пьесу с драмкружком Игарского клуба. В рейс 1937 года артист
Карнеев подготовил к постановке в Енисейском доме культуры пьесу
Корнейчука „Платон Кречет“, которая с большим успехом прошла
в день двадцатилетия Октябрьской социалистической революции, — о чем
драмкружок Енисейского дома культуры известил нас специальной
телеграммой. Артисты театра ведут в кружках самодеятельности прак-
тическую работу по технике речи, технике движения, гриму и истории
театра.

Помимо инструктивно-методической работы проводятся специальные
вечера самодеятельности. Так, например, во время спешной бункеровки
судов на острове Диксона, когда основная часть зрителей была занята
на авральных работах, у театра выдался своеобразный выходной день.
У себя в общежитии актеры репетировали новые скетчи, танцы, частушки,
перedelывали отдельные сцены готовых спектаклей. Вдруг раздается
стук в дверь, — это пришла свободная от погрузки часть команды паро-
ходов „Искра“ и „Крестьянин“. Сейчас же организуется летучий кон-
церт. Конферансье предлагает занять места. На топчанах, на столах и
просто на полу размещается неожиданный зритель. На табурете посредине
комнаты баянист театра т. Панин. Лыются звуки „Турецкого марша“.
Панина сменяет певец Маев, за ним рассказчик Орлов, а за ними по-
немногу, преодолев смущение, начинает выступать „зритель“. Матрос
первого класса исполняет песенку. Кочегар декламирует стихи. Механик
лихо отплясывает чечотку. Вечер приобрел характер смывки актеров-
профессионалов города Москвы с активом самодеятельного искусства
далекого Заполярья и Арктики.

На судах 4-го Ленского каравана работниками Заполярного театра был
организован караванный шахматный турнир. Огромная доска, извещающая
о результатах игры и висящая на жилом помещении баржи, привлекала
всеобщее внимание.

Большим успехом пользовались литературные вечера, проводившиеся
Заполярным театром в период долгого плавания на пароходе „Смоленск“
от бухты Тикси до Владивостока. На этих вечерах разобрали произведе-
ние Николая Островского „Как закалялась сталь“. Была устроена гром-
кая читка стенографического отчета судебного заседания по делу
Семенчука.

Большим успехом среди населения „Пловучего города“ пользовалась
маленькая, но хорошо укомплектованная библиотечка Заполярного театра.
Артистка Светланова превратилась в заправскую библиотекаршу и
часами сидела, выдавая и принимая книги. Не меньший успех имела и

наша аптека. В силу каких-то неизвестных нам причин население „Пловучего города“ не вполне доверяло находящемуся на караване лектому, поэтому по всем болезням жители „Пловучего города“ обращались к нам, и артистка Мейер, заведующая нашей аптечкой, получила звание „товарища доктора“.

V

На одном из спектаклей в Кистеневке нам пришлось быть свидетелями любопытного случая. В антракте в зрительном зале мы заметили одного рабочего, который сидел и корчился от боли. Мы спросили его, что с ним. „Я болен“, отвечал он. „Так идите домой“, предложили мы. „Нет, не могу. Уж очень интересно, как-нибудь потерплю до конца. Я ведь в театре первый раз“.

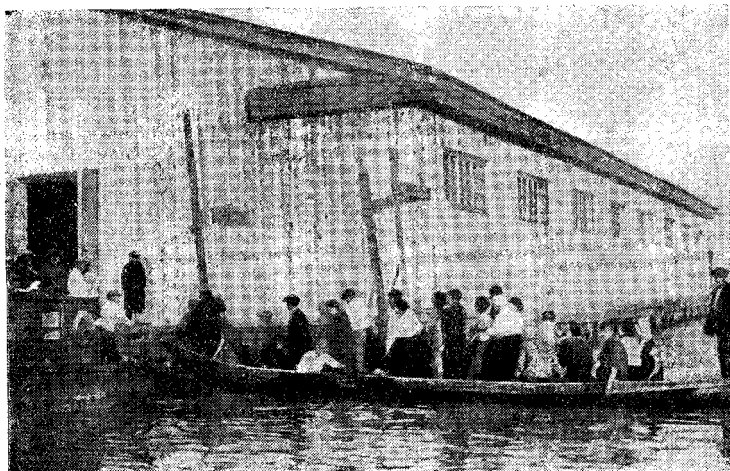
Не обошлось, конечно, без курьезов. В Белогорье, в период наводнения, когда зритель, чтобы посмотреть спектакль, должен был в лодках добираться до склада технического оборудования, где помещался театр, мы наблюдали такую картину. Как-то раз перед началом спектакля мы заметили в водах бурно разлившегося Иртыша маленькую „душегубку“, в которой сидели направляющиеся к театру три девушки. Две из них усиленно гребли веслами, а третья выкачивала из „душегубки“ воду. Вскоре они подъехали к нам и попросили разрешения пройти в зрительный зал через сцену. Мы заинтересовались — почему? Оказывается, „душегубка“ была настолько дряхлой и старой, что вбирала в себя много воды, а так как нечем было выкачивать воду, одной из девушек пришлось снять туфлю и превратить ее в черпак.

Приведем несколько отзывов печати. Газета „Большевик Заполярья“ от 10 июля 1930 года пишет:

„Спасибо ГУСМП за хороший театр. Через газету „Большевик Заполярья“ мы благодарим артистов Заполярного театра за их умелое обслуживание рабочих Лесокомбината. У нас надолго запечатлеются в памяти представленные ими постановки концертов на сцене нашего клуба. Мы восхищены ими. Рабочие Лесокомбината: Баронин, Марков, Семенов“.

Тов. Прокопьев пишет:

„Я живу в Игарке несколько лет. Замечательной творческой жизнью живут строители Заполярного города. Но вот досуг у нас скудный. Один кинотеатр не заподняет

На спектакль.
Белогорье
(Фото Л. Кариева)

его. А тут к нам приехал Заполярный театр. Я побывал только на одной его постановке, хотя разговоров о театре слышал много. На всех он произвел хорошее впечатление. Что я могу сказать о театре? У меня даже нет таких хороших слов, чтобы выразить свой восторг. Я ушел из театра освеженный, бодрый, готовый к новым, еще более упорным боям за дальнейшее строительство нашего города. Прекрасную зарядку прекрасной игрой дает прекрасный театр. Я не ошибусь, если от имени многих игарцев выражу желание просить правительство оставить Заполярный театр в Игарке на постоянную работу. А уж мы со своей стороны окружим коллектив театра вниманием и заботой, чтобы он творчески рос и делал бы свое великое дело”.

Студенты национального отделения Игарской совпартшколы пишут:

„Студенты Игарской национальной совпартшколы имени Смидовича привносят горячую благодарность артистам первого Московского Заполярного театра за их культурное обслуживание выпускного вечера. С чувством великой радости и гордости слушали участники выпускного вечера концерт труппы артистов. Только в стране строящегося социализма, под руководством великого Сталина возможно продвижение культуры на далекий Север к тем нашим народностям, которые веками угнетались капитализмом. Студенты: Кетских, Болина, Куболев, Саножников и др.“

Зимовщики с мыса Нордвик пишут:

„Советское искусство проникает во все углы нашей необъятной родины. Несмотря на трудные условия, в которых приходится работать Заполярному театру, его работа не проходит даром. Нам, зимовщикам станции Нордвик, удалось слушать замечательные концерты по радио, которые передавались Заполярным театром с острова диксона. Мы, зимовщики Нордвика, горячо благодарим коллектив Заполярного театра за его концерты по радио и за всю работу, проделанную на Севере“.

„Енисейская Правда“ в номере от 12 октября 1937 года писала:

„Приезд Заполярного театра превратился в крупнейшее событие города Енисейска. Енисейцы буквально штурмуют кассы театра в надежде приобрести билеты. В зрительном зале появилась публика с посеребренными сединами головами, годами не бывавшая в театре. Прошедшие перед зрителем „Тартюф“ Мольера и „Без вины виноватые“ Островского пользуются огромным успехом. Все восхищены мастерской игрой артистов. Такой игры зритель давно уже не видел. Ежедневно театр переполнен. Это — лучшая оценка работы, проводимой Заполярным театром“.

Приведенные здесь и десятки других отзывов зрителей и прессы говорят нам о том, что Заполярный театр является ценной художественной единицей в Заполярье и Арктике и имеет полное право на дальнейшее существование и развитие. Сейчас театр готовится к четвертому рейсу, а поэтому хочется несколько заглянуть в будущее.

VI

Что мы хотим и чего нам нехватает? Маршрут четвертого рейса пока еще не установлен. Но вероятнее всего нам придется поехать в Якутию. Помимо наличного репертуара, театром будут подготовлены две пьесы: „Трактирщица“ Гольдони и „Очная ставка“ братьев Тур и Шейнина. Помимо этого, при театре будет создана небольшая группа кукольного театра, в репертуар которого войдут небольшие сценки, построенные на материалах якутского фольклора и оформленные якутскими художниками.

По нашему мнению, этот вид работы театра наиболее доступен зрителям национальных районов, которые плохо владеют русским языком. Такая группа, состоящая из четырех человек, подвижна, что в условиях арктических перевозок, в связи с затруднениями с транспортом, чрезвычайно удобно. Такую группу легко перебросить на самолете в отдаленные селения, переправить на катере и даже на простой весельной лодке.

Помимо кукольной группы, театр берет с собой по примеру прошлого года музыкальное трио, а также мастера художественного чтения артиста Глумова, который совместно с трио будет проводить литературно-музыкальные вечера.

Театр по опыту прошлых лет будет вести работу с кружками самодеятельного искусства, уделяя при этом внимание детской работе. Все виды внесценной политикомассовой работы будут проводиться театром в значительно больших размерах, чем это делалось до сих пор.

Чего же нам нехватает?

Заполярный театр ни в коей мере не может сказать о недостаточном внимании к театру со стороны Политического управления Главсевморпути.

Но совершенно для нас непонятным является отношение к театру со стороны Всесоюзного комитета искусств (ВКИ). ВКИ ни разу не заинтересовался жизнью и работой театра. Считая наш театр узковедомственным, ВКИ, вероятно, забывает о том, как необходим и насколько политически важен театр в районах Заполярья и Арктики. Существование Заполярного театра в течение трех лет является большим политическим фактором, а ВКИ по неизвестным причинам до сих пор не заинтересован в нашей работе.

А заинтересоваться ему следовало бы. Если Политическое управление Главсевморпути осуществляет идеологическое и финансовое руководство театра, то творчески театр предоставлен самому себе. Разве не позор, что, вступая в четвертый год своего существования, Заполярный театр остается без художественного руководства? ВКИ располагает огромными кадрами крупных творческих работников, а поэтому должен и мог бы выделить для Заполярного театра мастера сцены, назначив его художественным руководителем театра, и этим самым упрочить свою связь с Заполярным театром.

Каждому из нас дано право мечтать. И самая большая наша мечта состоит в том, чтобы на будущий год, уехав в очередной рейс, остаться на зимовку в одном из крупных промышленных центров Советской Арктики. Если эта наша мечта осуществится, мы будем самыми счастливыми советскими актерами.

Хватит ли у работников театра на это сил?

Полагаем, что да. Возьмите вахтенный журнал Заполярного театра, в который каждый из членов коллектива, неся очередную вахту, записывает свои впечатления о жизни и работе театра. На одной из страниц вы сможете прочесть запись одного из работников театра. Называется эта запись: „Почему я работаю в Заполярном театре?“

Товарищ пишет:

„Я много думал, почему я работаю в этом театре. И долго не находил ответа. Потом понял, осознал, почувствовал. Подумайте, какая замечательная у нас с вами жизнь. То, о чем люди думали веками, что казалось несбыточной мечтой, то сегодня оказалось самой настоящей былью...

Когда я вижу новую, Советскую Арктику, вижу в настоящем и в будущем, когда я встречаю в ней, людей, о которых нужно песни слагать, когда я чувствую, чья твердая, уверенная рука направляет отважный батальон полярников, чей внимательный ласковый взгляд следит за ними, чье теплое дыхание отца и друга согревает его, — я понимаю, почему я работаю в этом театре. Я хочу быть бойцом этого батальона, который под руководством близкого родного и великого человека нашей эпохи товарища Сталина несет источники жизни в отдаленные, веками мерзлые уголки нашей планеты“.

Эта запись в вахтенном журнале выражает чаяния и думы всего коллектива Полярного театра.

К НИЗОВЬЯМ ЛЕНЫ

Был тихий летний вечер. Серые якутские сумерки незаметно спускались на землю, они окутывали берег. Кусты и вода на Лене, отражая цвет сумерек, приобретали матовый цвет.

Наша парусно-моторная шхуна „Пионер“ была готова к отплытию. Ее небольшой экипаж уже занял свои места. Заклокотал мотор, и судно, как бы потоптавшись на месте, рывками двинулось вперед. Бархатно-зеленые берега поплыли нам навстречу, в сумерках стали вырисовываться силуэты гор.

Отойдя более ста километров, мы стали на якорь. Утром нас разбудил крик горных ласточек. Два огромных ворона разорили их гнезда, устроенные в песчаных горах, и ласточки с писком кружились в воздухе.

Углубляемся все дальше и дальше на Север. Широкая и с большими плесами Лена сказочно красива. Лес по берегам в большинстве лиственный и березовый. Своей густотой и девственностью он еще больше оттенял красоту Лены. Деревья низко склонялись над водой и, бросая на нее кудрявые тени, изображали качающиеся картины.

Подъезжая к Сангар-хая, мы увидели по правую сторону реки белые вершины гор Верхоянского хребта. На отдельном мысу-полуострове растянулся поселок Сангары. В стороне от села возвышается скалистая сопка, на которой стоит памятник погибшим здесь летчикам: Кальвицу и Левенгарду.

В селении Сангар-хая несколько новых двухэтажных домов. Недалеко расположены угольные шахты с высокими сопками каменного угля. Всего лишь несколько десятков лет тому назад здесь стояла одинокая юрта якута-охотника. Сейчас в Сангар-хая насчитывается несколько сот человек. Население в большинстве состоит из рабочих, главным образом из якутов. Сангарские каменноугольные копи являются по существу кузницей для выковки национальных кадров.

Сейчас в Сангар-хая есть школа-семилетка, клуб, больница и другие, в последние годы созданные постройки.

Еще несколько десятков километров, и перед нами как из-под земли вынырнуло несколько новых жилых домов, расположенных среди густого леса. Это южносаккырыская производственно-охотничья станция (ПОС). Всего лишь два-три года тому назад здесь была дикая тайга, как и во многих других местах Якутии. С приходом охотоустроительной партии в устье речки Китчан организовали ПОС, которая имеет звероводческую ферму, осваивает новые места промысла.

Чем ниже мы спускаемся по Лене, тем все чаще встречаются острова. Одному месту дано название: „тердон тердон“, что значит сорок четыре острова. Здесь уже не встречаем населенных мест, но время от времени к нам подплывали рыбаки на своих узеньких ветках, с большим мастерством управляющие ими при любом ветре.

На следующий день мы подошли к острову Аграфена. Прославленный в якутских былинах и сказаниях, неимоверно высокий по сравнению с окружающей местностью, поросший густым лесом, — он создавал впечатление великана, стоящего посреди Лены. Этот остров замечателен тем, что через него проходит полярный круг. Аграфеной остров, по легендам якутов, был так назван в память погибших когда-то здесь путешественников.

Порою нам встречались скалы с черной полосой каменного угля. Вообще по Лене, особенно не доезжая Жиганска, залежей каменного угля разного качества очень много.

11 августа мы приехали в Жиганск. Районный центр широко раскинулся в устье речки Жиганки, более 30 построек расположилось по обе ее стороны. После революции население Жиганска значительно выросло.

От Жиганска сравнительно пышная растительность стала сменяться более скудной. Больше стал встречаться черный сланец, ползущий по склонам гор. Началась полоса лесотундры. Изредка по берегам можно увидеть стойбища эвенков с конусообразными чумами да едущего на олене седока, поющего песню, а потом опять потянутся на сотни километров безлюдные пространства, поросшие низким лесом.

Еще до Булуна острова закончились, и Лена потекла среди скал, скупно уступающих ей место. Лена в этих местах очень глубока, особенно около Булуна. В этих плесах бывают частые ветры, переходящие в шторм, не уступающий по своей силе морскому.

Булун с каждым годом приобретает все более важное значение для народов Севера. Это — культурный центр Заполярья. Булун является первоначальной базой по снабжению жителей Якутского Севера. Здесь несколько магазинов, в школе в большинстве учатся дети местных народностей. Недалеко от Булуна расположен Булунский оленсовхоз, являющийся рассадником оленеводства для населения прилегающих мест.

Идя по улицам Булуна, мы увидим высокий памятник, установленный на братской могиле. Здесь в 1923 году погребены красноармейцы Ленинградского полка, погибшие от цынги.

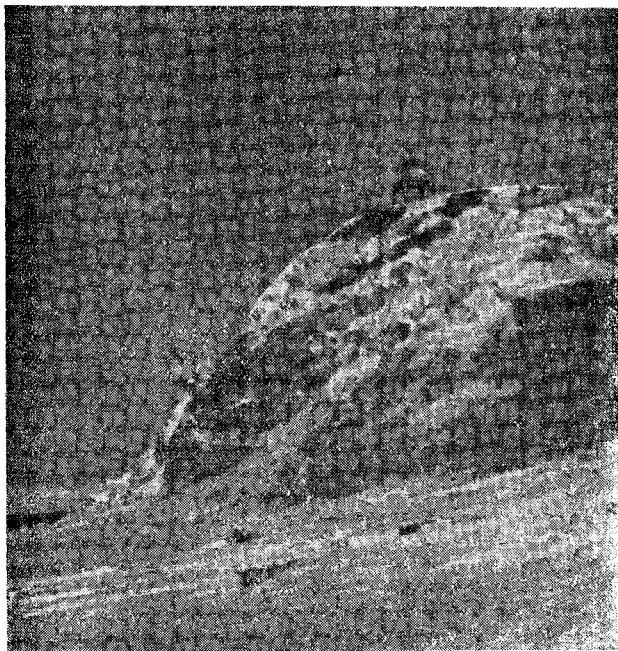
Отважные бойцы за установление советской власти в Якутии, неутомимые исследователи — они смело бороздили просторы Сибири, приобщая их к общему социалистическому строительству в стране.

Жара здесь днем достигает 20°, однако ночью нередки заморозки. Недалеко от Булуна в горах до нашего приезда выпал снег.

Это подчеркивает резкую континентальность якутского климата.

Чем дальше мы двигались на Север, тем чаще дули холодные ветры, Север давал знать о себе.

За несколько километров до местности Столбы Лена из множества протоков соединяется в одну. Скала, стоящая в этом месте посреди реки, пред-

Памятник летчику Кальвицу на берегу Лены
(Фото Н. Подорольского)

ставляет настоящий каменный столб. Отсюда Лена опять разбивается на несколько протоков, из которых главными являются Быковская (самая правая), Нееловская, Тумацкая, Трофимовская и Оленекская.

Местность Столбы является отправным пунктом для ряда экспедиций. Здесь они формируются, чтобы идти к морю. Здесь также ежегодно формируются караваны судов, везущих грузы для Якутии с бухты Тикси.

Остров Столб имеет свое историческое прошлое. На этом каменном острове голодной смертью погибла экспедиция Толля. Недалеко от этого места к северо-западу стоит высокая гора с вечно лежащим на ней снегом; на этой горе тоже возвышается памятник другому исследователю, Де-Лонгу, который путешествовал в 1881 году по Ледовитому океану, на судне „Жаннета“. „Жаннету“ раздавило льдами.

Миновали Столб; типичная тундра раскинулась перед нами в обе стороны. Растительность начинается то от самой береговой линии, то прерывается горами тающего льда, лежащего по берегам в низинах.

* * *

В местечке Курьи Крестины наше судно стало на якорь. Первым нашим желанием было взобраться на вершины скал Верхоянского хребта.

Первыми встретившимися в горах животными оказались тарбаганы (сурки). Они занимали территорию радиусом более километра. Норы их были устроены в ущельях скал. Тарбаган — типичный обитатель северных скал и в условиях Якутии является малоизученным зверьком.

Они несколько не боялись и смотрели на нас. Некоторые колонии тарбаганов ютились на скалах, вершины которых висели над рекой. Тарбаганы с акробатической ловкостью передвигались с места на место.

Каждая семья тарбагана состоит из 4—5 штук, в редких случаях больше, это бывает тогда, когда молодые прошлого помета остаются с родителями. Самцы осторожнее самок и держатся в большинстве случаев нейтрально, тогда как самки готовы пожертвовать собой для защиты своих детей. Родительский инстинкт у самок выражен сильнее, чем у самцов. С восхода и до заката солнца тарбаганы все время бодрствуют. В плохую же погоду они целыми сутками лежат в норах, находясь, как видно, в полудремотном состоянии.

С каждым днем тарбаганы все более и более делались осторожными. Почуввав опасность, один из них издавал пронзительный писк, и вся колония, как по команде, пряталась в норы. Многие авторы настаивают на том, что тарбаган забегает в нору задом, но это неверно. Наблюдая их часто, я ни разу этого не видел.

Наша экспедиция приступила к работе. На реке забегали катера, делая промеры Лены, выявляя рельеф дна. На высокие вершины белых гор полезли люди с триангуляционными знаками. Сигнальные гудки, рокот моторов, песни идущих по берегу людей.

Здесь можно было видеть большие стаи морских чаек, с криком отнимающих друг у друга рыбу. Мне удалось различить до четырех разноперенных чаек. Некоторые из них были черные с белой грудкой, серые, белые, почти розовые. Морские чайки, как бы уступая человеку место, улетали к морю, сурки, упираясь на задние лапки, долго сидели столбиками, в недоумении с любопытством следя за людьми.

В устьях Лены нам приходилось не раз вилегь нерпу. Но она по Лене, как видно, доходит только до перекатов.¹ Нередко нам приходилось

¹ Следует полагать, что эти перекаты ее задерживают, а то она могла бы стать обитателем нижнеленских вод.

видеть большие табуны северных оленей, спокойно пасущихся по склонам гор. Почти ежедневно мы наблюдали за оленями, плывущими через реку. Это была их осенняя миграция. Интересно заметить, что олени шли в одном направлении, то есть с левого берега на правый, причем все олени шли по одному и тому же месту. Пользуясь этим, местные охотники без труда добывают оленей в большом количестве.

До первых чисел августа нам всюду встречались по берегам линные гуси и их выводки. Трава на некоторых местах была сплошь усыпана пухом и перьями линяющих гусей. В период линки гуси находятся почти в беспомощном состоянии. К половине августа гусей становится гораздо меньше, молодые к этому времени подрастают, а взрослые полностью оперяются, и все они улетают на юг.

К концу августа в тундре уже начинаются первые признаки осени. Ясные солнечные дни все чаще и чаще сменяются пасмурными. Когда-то безоблачное небо покрывается темными облаками. Солнце все ближе стало проходить над горизонтом. Круглосуточный день незаметно приближается к началу полярной ночи.

Обитатели тундры все более стали изменять свой летний образ жизни. Тарбаганы больше времени стали проводить в своих логовах. Песцы стали приобретать зимний мех. Тундра готовилась к долгой и суровой зиме.

* * *

В бухте Тикси нам показали пару белых медведей. Целые дни молодые звери проводили на воде, плавали около пароходов, взбирались на лед и ловили морских чаек. Звери так привыкли к людям, что без боязни подходили к портовой столовой и получали подачки. Среди льда зверь незаметно подкрадывался к сидящим на льду птицам и мгновенно схватывал ожиревших птиц. Медведи, чтобы быть незамеченными среди льдов, черный кончик носа закрывают лапой. Многие жители бухты Тикси держат у себя молодых медведей и песцов.

В первых числах сентября выпал снег. От этого скалы Верхоянского хребта казались огромными белыми великанами.

С наступлением холодов наша экспедиция стала заканчивать свою работу. Пятнадцать суток нам пришлось ждать, пока утихнет шторм, который препятствовал нашему каравану выйти в море из бухты Тикси. Чтобы зайти в устье Лены, надо было пройти расстояние по морю более пятидесяти километров. Частенько в этих местах ленские речные пароходы, не приспособленные к морским ветрам, терпят большие аварии, а некоторые и тонут: так было с пароходом „Революционным“, который потонул в 1932 году. Выброшенный на подводные камни, разъединенный морской водой, он и по настоящее время качается на волнах.

На шестнадцатый день ветер стих, и наш караван тронулся в обратный путь. „Пионер“ был пришвартован к пароходам „Вторая пятилетка“ и „Партизан Щетинкин“, которые везли груз из бухты Тикси в Якутск. Таким путем в Якутию ежегодно привозят сотни тонн грузов.

С. Г. НАГОРНЫЙ

ПЕРВЫЙ ПОЛЯРНЫЙ ЛЕТЧИК НАГУРСКИЙ

Немногие знают, что честь первых полетов в Арктике принадлежит русскому летчику Нагурскому. Еще менее известны подробности этого события, которое по его значению в истории авиации можно сравнить с перелетом Блерио через Ламанш.

В начале 1914 года морское ведомство занялось снаряжением экспедиции для поисков Георгия Седова. На „Св. Фоке“ — судне Седова — не было радиотелеграфа. Последние известия были получены в сентябре 1913 года, когда в Архангельск прибыла группа больных во главе с капитаном Захаровым, отправленная Седовым на материк. Эта группа покинула „Фоку“ на Новой Земле. Сведения они привезли тревожные: угля на „Фоке“ так мало, что едва ли Седов дойдет до Земли Франца-Иосифа, о возвращении же назад не может быть и речи.

Неуверенность внушало также состояние „Фоки“, который был сильно потрепан штормами во время перехода на Новую Землю, подвергался сжатию льдов и т. д.

Решено было принять меры для поисков Седова и его спутников. Предстояло обследовать огромный район полярных вод — вдоль всего западного побережья Новой Земли, у островов архипелага Франца-Иосифа. Возникла мысль об использовании для этой цели самолета, причем такого, который способен садиться не только на сушу и лед, но и на воду. Гидросамолеты в то время уже строились.

Фирме „Морис Фарман“ в Париже был сделан заказ. Военный летчик поручик Нагурский выехал в Париж. Здесь, на аэродроме в Бюке, пока строилась для него машина, он произвел 18 тренировочных полетов на подобном аппарате. 14 июня гидроаэроплан для первых в истории полетов в Арктике был готов. Это была весьма совершенная для того времени машина. Она обладала мотором в 70 лошадиных сил, грузоподъемностью — 300 килограммов, скоростью — около 100 верст в час.

Немедленно после испытания машина Нагурского была разобрана и упакована в 8 ящиков. Ей предстояло совершить длинное путешествие морем. Сперва — в Христианию, а затем на пароходе „Эклипс“, который под командой Свердруп шел на спасение Брусилова и Русанова, — в новый порт Александровск на Мурмане. В Александровске, куда „Эклипс“ прибыл 19 июля (старый стиль), стояли уже „Герта“ и „Печора“ — суда, предназначенные для поисков Седова. Командовал спасательной экспедицией капитан I ранга Ислямов.

В Александровске гидросамолет Нагурского едва не был использован для совершенно неожиданной цели. На другой день после прибытия „Эклипса“ в Александровск стало известно, что Германия объявила России войну. Железнодорожная связь с центром страны отсутствовала.

Главным начальником в Александровске был урядник. Скупые и нерегулярные радиogramмы — это все, что получал порт Александровск из центра. Отсюда — слухи. Уже 21 июля кто-то сообщил, что немецкий военный флот движется в Белое море. Затем прибыла телеграмма из Гамерфеста, от русского консула, о том, что он, якобы, сам видел 4 германских крейсера, проследовавших на восток. К концу дня Ислямову телеграфировал смотритель Вайдагубского маяка: четыре судна, очевидно — крейсера, очевидно — немецкие, идут на ост.

От Вайда-губы до Александровска, рассчитал Ислямов, четыре часа хода. Тут еще архангельский губернатор прислал панический приказ: печите уголь. Но сжечь уголь — это значило сжечь весь порт и часть города. Это, к счастью, не было выполнено.

И в эти часы тревоги Ислямов вспомнил о гидросамолете Нагурского. Полетела от него шифровка в Петроград: имею самолет, могу использовать для разведки вражеских судов, а также их бомбежки с воздуха динамитными патронами, которые взяты для взрывания льдов.

Ответа не последовало. Впрочем, и крейсера не появились. Машина Нагурского благополучно избежала участия в боевых действиях. Ей предстояли другие испытания.

3 августа гидросамолет прибыл на „Печоре“ в губу Крестовую, на Новой Земле. Ящики вывезли на пустынный берег залива, и здесь, под дождем, в тумане, началась сборка. Работали Нагурский и его моторист Кузнецов. Без усталости возились они с частями и шасси. И вот 7 августа в полночь машина была готова к полету. Не дожидаясь утра, не отдохнув, Нагурский сделал два круга над заливом. Оказалось, все в порядке. И уже в 4 часа гидросамолет Нагурского стартовал в первый арктический перелет — вдоль западного берега Новой Земли. Вот собственный рассказ Нагурского о его первом полете:

„Летел я, ориентируясь берегами Новой Земли и компасом. От мыса Борисова начались торосы и льды. С севера надвигались густые облака, внизу неся сплошной туман. Ориентировка стала затруднительной; пришлось руководствоваться только компасом, и счастье мое, что я взял с собой шлюпочный компас... Целый час летел я в сплошных облаках, после чего облака стали редеть, и, усиленно всматриваясь в берега, я различал Горбовые острова, проливы между которыми были покрыты сплошным льдом. Долетев до мыса Литке и обогнув Баренцовы острова, повернул обратно, с тем, чтобы сесть у островов Панкратьевых — места последней зимовки Седова, но это мне не удалось из-за льда и тумана. Полетел дальше и в 9 часов утра сел у мыса Борисова. Весь полет продолжался 4 часа 20 минут, в течение которых я сделал 420 верст на высоте от 800 до 1 тысячи метров. Температура на этой высоте была минус 5 Р. Подойти к берегу было очень трудно: берег был высокий, скалистый, вдоль берега тянулись гряды торчащих из воды камней. Несколько раз натыкались на камни, причем порядочно пострадал левый поплавок, который после этого давал постоянно течь. Чтобы выбраться на берег, пришлось идти по воде, и сапоги наши совершенно промокли. Подтянув аппарат и привязав его, развели костер из плавника и тут же у костра от сильного переутомления моментально заснули...“

Если первый полет Нагурского был предпринят с целью поисков экспедиции Седова, то второй — 9 августа — носил характер ледовой разведки, сделанной самолетом для проводки судна. Шхуна „Андроида“ имела задачу устроить на одном из Горбовых островов продовольственное депо. Нагурский вылетел и вскоре вернулся с донесением, что

проливы между островами забиты льдом. „Андроида“ остановилась в Архангельской губе.

10 августа самолет Нагурского едва не погиб. В этот день разразился неожиданный шторм. С большим трудом и опасностью, вызвав добровольцев из матросов, летчику удалось съехать в шлюпке на берег, чтобы усилить крепление самолета.

Третий полет легко мог стать трагическим. Только что Нагурский поднялся, как услышал резкий стук в моторе. Пилоту удалось с заглушенным мотором благополучно спланировать. Пришлось разобрать мотор. Выяснилось, что сломан шатун и погнут главный вал. Фирма „Морис Фарман“ подсунула явный брак: гайки шатуна оказались не зашплинтованы. Ремонт продолжался до 29 августа. К этому времени прибыла „Герта“ с Ислямовым, побывавшая на Земле Франца-Иосифа. Ислямов сообщил, что, согласно найденным запискам спутников Седова, „Св. Фока“, лишенный своего командира, отправился на материк и должен быть сейчас где-то в открытом море, на пути в Архангельск. Из тех же записок Ислямов знал, в каком плачевном состоянии плывет „Фока“ домой, и поэтому приказал Нагурскому искать его.

„30 августа, — рассказывал Нагурский, — в 4 часа 20 минут дня я полетел и взял направление на запад. Был свежий западный ветер (8 метров в секунду) и мороз в 7° Р. Сделав 100 верст в этом направлении, повернул на мыс Литке, а в 6 часов вечера вернулся к тому месту, откуда вылетел. „Св. Фоку“ я не заметил нигде...“

Во время этого полета Нагурский достиг наиболее высоких широт — свыше 76° сев. широты.

Последний—пятый—полет продолжался 3,5 часа—в губу Крестовую. Гидросамолет Нагурского затем был снова разобран, уложен в ящики и погружен на „Печору“ для следования в Архангельск.

Так благополучно осуществилась первая попытка использовать летающий аппарат тяжелее воздуха для арктических исследований. До Нагурского было сделано несколько опытов применения для этой цели аэростатов. После трагической гибели бесстрашного Соломона Андрэ, пытавшегося в 1897 году лететь на аэростате к полюсу, действительно серьезным, но все же неудачным предприятием этого рода были полеты Уэлмана на управляемом аэростате, с Н. Е. Поповым в качестве пилота. Но и оно окончилось без успеха.

Интересно, что Нагурский не только практически доказал возможность и полезность полетов в Арктике, но и высказал ряд выводов, правильность которых смогли делом доказать уже иные люди в иное, в наше советское время.

В одной газете в октябре 1914 года было напечатано интервью с Нагурским, в котором он говорит, между прочим, следующее:

„...Если бы мотор был сильнее, сил 90—100, то можно было бы забрать с собой провизии на два месяца. Если бы к этому еще прибавить склады с бензином и маслом на Панкратьевых островах, на мысе Желания и на Земле Франца-Иосифа, то можно было бы лететь к Северному полюсу...“

Задача завоевания полюса с воздуха оказалась труднее, чем это предполагал Нагурский. Но, к чести этого первого полярного пилота, намеченные им пункты на Новой Земле, на Земле Франца-Иосифа оказались как раз теми, где впоследствии были созданы базы для полетов советских летчиков к полюсу.

ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕР В ЭПОХУ ПЕТРА I

I

В «Памятниках Сибирской истории XVIII века» мы находим документы, характеризующие деятельность Петра I на Востоке и Севере Сибири.

Отдаленность края, бесконтрольность порождали много злоупотреблений. Показательна в этом смысле «публичная торговая казна главного грабителя, Сибирского губернатора Гагарина в 1721 году». Собственноручно Петр на основании многих донесений пишет, что «Гагарин шлут и недобрый человек и в Сибири ему уже губернатором не быть, а будет прислан на его место иной». В другом месте Петр пишет: «...хотя всем известно о наказании, которое учинено князю Гагарину, однако же здесь в Сибири не унимаются бездельники, а именно, от земских комиссаров лишние сборы собираются, и народу обиды чинятся, и судебные комиссары, которые по слободам делают великие пакости и неправды, и хотя челобитные и доношения на них бедных людей есть, но никакого розыска и решения не чинится».

Грабежи и насилия вносили дезорганизацию, били по государственной казне, этим-то собственно и был озабочен Петр. В том же указе по поводу «бездельников» предлагается ряд жестоких мер борьбы с ними и говорится, что все это для того, чтобы «народ не вовсе разорился и мог бы свои подати платить на содержание флота и армии».

Транспорт и бездорожье в ту эпоху в сильнейшей степени лимитировали развитие края. Петр, расширяя торговые связи с сопредельными государствами, в частности с богатым Китаем, был озабочен развитием дорог в Сибири. Между тем в те времена не было известно даже, сколько верст между отдельными населенными пунктами, волоками, реками и городами. И вот в Сибири появляются посланные Петром геодезисты «для сочинения карт и иных исследований». Дается приказ о прокладке летней дороги между Верхотурьем и Туринском. «По грезам и по болотам мостить мосты самые добрые, а по рекам и по речкам для переправы сделать плот, и чтобы в деле тех мостов и плотов и в расчистке дороги в проезде остановки отнюдь ни мало не было».

Служилый человек Степан Максимов направляется от Якутска к Охотскому морю через хребты, чтобы «смерять вервью» расстояние между устьями рек, «описать, какие там леса, и «учинить чертеж». Доезд-доклад Степана Максимова является первым, хотя и грубым

измерением расстояний на востоке Сибири.

Чуть ли не локтями мерили версты. Бредли пешком и верхами на конях по необозримым пространствам Сибири. Пробивались сквозь таежные чащобы, переплывали глубокие реки, переполазали опасные хребты и мерили, добывая элементарные познания о богатом и незнакомом крае.

Из новорожденного Петербурга указы за указами летели в Сибирь: то прислать для Петербурга «разноцветных камешков и раковин из каждой губернии по пуду», то «как можно к первому пути зимнему сыскать и прислать красных гусков маленьких и протчих курьезных птичек и зверьков», то поручение «доктору Шуберту искать особливо в таких местах, где есть железные руды, ключевых вод, которыми можно пользоваться в болезни на приклад, как Пирмондская Шпавассер и прочее». Даже археологические древности интересуют Петра. В одном из указов сибирскому губернатору предлагается: «в стороне Оби реки на высокой каменной горе, именуемой на российском языке Сазан-камень, а на монгольском Табун-Мандука, искать каменного идола, который на той горе есть, и ежели найдется, того идола описать на бумаге с подлинною мерою по частям переднюю и заднюю сторону».

Но главное внимание Петровского двора было направлено на поиски серебряных, золотых, медных и иных руд. Из донесений енисейского коменданта мы узнаем о Нерчинском заводе. На этом заводе работали «рудознатный мастер» Семен Грек и шведский пленник Петр Демис. Так как на заводе не хватало рабочей силы, из Енисейской губернии были переселены в Нерчинск «пашенные крестьяне», которые без отрыва от своего основного занятия занимались и заводскими делами. Рудознатцы уходили далеко вглубь тайги и тундры. Выспрашивали у местных жителей, не видали ли они где благородную руду.

Было много случаев, когда жители тундры и тайги приходили и рассказы-вали о золотых россыпях. Свои рассказы они приукрашали фантастическими небылицами. Вот, например, рассказ остяка Катыша Ланбина: видел он в Тобольском уезде озеро великое, водю как молоко, а на том озере есть остров, и с того острова в темные ночи бывает свет от камней. Один такой камень Ланбин променял на черную овечью шерсть. Был этот камень, по рассказам очевидцев, не велик, видом бел, а в нем как

искра огненная, и сияние от него по руке разливается.

Рассказы жителей открывали Петровскому двору ценные ископаемые, талящиеся в недрах за Уральским хребтом. То там, то здесь люди находили золотые и рудоносные россыпи. Все это способствовало расширению познаний о стране, долгое время окутанной легендарной дымкой.

Не легко давались эти познания коренным и пришлым жителям большой российской колонии. Бесправие и гнет, произвол и насилие царили здесь. Постоянная борьба с силами природы, походы и бесперывные войны, суровая и дикая природа. Недаром под словом «сибирщина» таилась грозный смысл каторги, тяжкой нестерпимой жизни.

В учебнике «Краткий курс истории СССР», составленном под руководством профессора А. В. Шестакова, эпоха Петра характеризуется так:

«При Петре I Россия значительно продвинулась вперед, но оставалась страной, где все держалось на крепостном угнетении и царском произволе. Усиление Российской империи при Петре I было достигнуто за счет гибели сотен тысяч трудящихся, за счет разорения народа. Петр I сделал очень много для создания и укрепления государства помещиков и купцов».

II

Ехал служилый человек с переметной сумой по тундре. Остановливался в чуме. Тут же решал, что быть этому чуму «под высокой государевой рукой в вечном холопстве», платить ясаку столько-то. Ехал за ним другой, тоже останавливался в этом чуме и тоже решал, что быть этому чуму под высокой государевой рукой в вечном холопстве и платить ясаку столько-то. Никакие мольбы туземцев о том, что они уже объясачены, не помогали. Так и платили двоим, а то и троем острогам дань. Под залог этой дани приказчики часто брали пленников.

На сотни и тысячи километров безлюдной снежной пустыни стоит острожек. В нем десяток служилых людей со старшиной, и этот острожек правит областью, заводит свои порядки, подчиняет «воинским промыслом» непокорные племена, собирает ясак.

Остроги строились так: дом рубленый с лапу, сажени 60 в окружности. Рядом с острожной избой — ясашная изба с казенной аманатской размером в четыре сажени. Тут же изба для приезжих приказчиков и служилых людей. Рядом — амбар для «великого государя казны».

Были ненавистны эти остроги всей тундре. Никто не ставил свои чумы рядом с острогами.

Пьяные песни и крики неслись из острожной избы. После азартной картежной игры часто возникали побоища. Тогда дело доходило и до ножей, до убийства.

Однажды на приказчика Ивана Харитонова и его служилых людей, только что собравших ясак, с копьями и ножами напали юкагиры. Когда после убийства Ивана Харитонова осмотрели его «шкарб», в нем нашли 5 пудов табаку и 80 дюжин карт. Вот с таким «шкарбом» двигались на Север служилые государевы приказчики.

Когда длинный санный поезд только что назначенного воеводы выезжал из Москвы за Урал, в нем обязательно было несколько дворовых девок. Бралась они на тот случай, чтобы выгодно их продать на Сибири (на Севере не хватало женщин). Завоеватели забирали насильно женщин и из чумов. Известный своими походами Хабаров забрал у тунгусов «бабья поголовие старых и молодых девок 243 человека». Брала женщин с бою. Так было в Якутии, когда однажды одичалые казаки забрали из чумов после рукопашных схваток 20 девок и 10 баб в виде ясыря. Широко практиковалась работорговля. Тунгусских девиц продавали за 7 соболей и за 10 лисиц красных с 4 пластинами собольими. На Колыме, как сообщает челобитная юкагиров, служилые люди забирали в ясак женщин и «тех женок из войска продавали промышленным людям».

Якутск был долгое время базой для колониального продвижения царской России на северо-восток страны. Здесь находился комендант. Отсюда отдавались указы. Снаряжали «для проведения жилищ морских островов и земель» отряды.

Анадырский край завоеван с 1640 по 1650 год, тем не менее войны здесь происходили и в петровскую эпоху. Бесперывные нападения коряков и юкагиров, — камчатских племен, — то на государеву казну, то на остроги, с одной стороны, и карательные походы, — с другой.

Свыше двадцати лет длилась кровавая борьба за овладение Чукоткой и Камчаткой. Доведенные грабежами и самоуправством местных служилых людей отчаяния, племена за племенами стихийно восставали против управителей, воевод и приказчиков. Не объединенные какой-либо общей идеей, племена эти вели борьбу разрозненно, но, по признанию даже буржуазных историков, весьма искусно. Оказывается, инородцы «огненные бои вызнали и на боях оказались порядки не русские». Захватывая остроги, племена Анадырского края и Камчатки вооружались пищальями и дрались ими не хуже приказчиков.

Долгое время якутское воеводство беспокоило легендарное имя коряка Овна

Косухина, бывшего под Анадырем. Этот вожак повстанцев оставался неуловимым. Его набеги на остроги были настолько смелы, что анадырские остроги запросили у Якутска помощи. Зная отлично землю свою, Овон Косухин всегда выходил из самых тяжелых положений неуловимым. История не оставила нам подробных описаний походов Овона Косухина, но даже то, что дошло до нас, рисует его как талантливого народного вожака повстанцев типа Степана Разина, Пугачева, Болотникова или Шамиля. «Приказчикам прискорбен и тесен путь на Камчатку от Овона Косухина», — жаловались Якутску со всех острогов.

В апреле 1709 года казачий пятидесятиник Ефим Петров двинулся «для усмирения войною» Овона Косухина. Его отряд подступил к Каменному и Косухинскому острогам, где засели повстанцы-коряки, и через несколько дней пушкой разгромил их. 50 коряков было убито, и тут выяснилось, что сам престарелый Овон Косухин до приступа казаков умер. Старший сын его, видя безнадежность обороны, ночью из острога сбежал, а младший, как доносили казаки, «лучший коряка по имени Ивитка с родниками своими отступил к Олюторке». Здесь все оставшиеся повстанцы собрались на высоком «каменном столбе», куда влезали по лестнице, а спускались со столба на ремнях. Казаки подступили к каменному столбу и, видя безнадежность осады, подслали к повстанцам подкупленного коряка Понтеля для переговоров. Добиться примирения не удалось. Так как была зима, пришлось казакам отступить.

Другое событие произошло возле Чендонского острога. Приехал приказчик Иван Федосеев с Василием Резановым собирать ясак. Чендонские коряки приняли их у себя в юртах. А ночью связали им руки и ноги, повывальвали деревянными спицами глаза и убили. Сделано это было по призыву оленного коряка по имени Щербак. Тогда известный каратель Ефим Петров двинулся с отрядом своим на усмирение чендонских коряков. Сражение разыгралось на стене взятого штурмана острога. Щербак призвал к оружию всех ясачных коряков. Потеряв много убитыми и ранеными, коряки отступили в земляные юрты и там засели. Петров опять подслали им подкупленного коряка, но из юрт ответили: «Живыми в руки не дадимся!»

Этот бой с нескрываемым удивлением описывают приказчики в челобитных Якутску. То была смертельная схватка. Юрты отбивались гулками выстрелами пищалей и тучами стрел. Много казаков пало на подступах. Видя безнадежность открытой осады, казаки пошли на хитрость — они ночью незаметно подкра-

лись к юртам и подожгли их. Это было потрясающее зрелище. Повстанцы продолжали отбиваться в горящих юртах. Малодушные выскакивали, но их настигали удары стрел в спину. В огне и в дыму пожарища повстанцы бились, чтобы не сдаваться порабощателям.

Так в горящих юртах погибло свыше трехсот коряков. Сам глава повстанцев Щербак спасся бегством на оленях. За ним была послана погоня. Сто человек казаков и нанятых туземцев других племен с гиканьем и свистом неслись по тундре за одинокой нартой беглеца. Настигнуть его все же не удалось. Щербак доскакал до острога на каменном столбу, где оборонялся младший сын Овона Косухина — коряк Ивитка, и здесь засел. Преследователи похватали человек сорок «родников» Щербака, которые жили в окрестностях столба, и всех убили. Из неприступного острога потом вышло еще 6 семей, которые были также взяты в плен. Они рассказали: «ясачные иноземцы нужны и бедны и обнищали, а на старых соболиных местах соболь опромышлялся. Питаются они рыбьей кетой, да большими морскими китами, а иной рыбы никакой нет, а зверя де, лисиц красных, и росомых, и волков есть малое число, только промышлять их коряки не умеют».

Шли санные обозы с порохом из Москвы. Шли вьюки со свинцом из Нерчинского завода. Якутское воеводство посылало отряд за отрядом для усмирения коряков. Но восстания вспыхивали стихийно то там, то здесь, и доступ к Ламскому — Охотскому — морю из Якутска был долгое время затруднен.

В 1714 году в Анадыре и на Камчатке шли настоящие бои. Каратели громили повстанцев пушками и ядрами. Взятие Олюторского острога велось уже по всем правилам «воинского промысла».

В декабре 1714 года на Таловской вершине под Анадырем Чуванские и Ходыньские племена, теперь уже юкагиры, напали на отряд казаков, сопровождавших крупную ясачную добычу — камчатскую казну. Здесь был убит ненавистный всей тундре каратель Ефим Петров с 70 другими приказчиками. Оставшиеся в живых из отряда Петрова трое суток днем и ночью скакали на оленях в Акланский острог. Здесь преследовавшие их юкагиры обложили со всех сторон и накрепко осадили, забрав всех оленей.

Повстанцы угрожали в то время сильнейшим острогам — Анадырскому и Олюторскому. Связь Якутска с Камчаткой и Анадырем совершенно прекратилась.

Юкагиры не скрывали причины восстания, говорили через своих переводчиков, что они мстят за многие обиды, налоги, разорение и взятки приказчика

Петрова, что казна государева им не нужна и они вернут ее в Анадырский острог, если в тундру не придут каратели.

Видя бессилие свое, приказчики стали подкупать подарками и обещаниями коряков, сбивая их на походы против юкагиров. Но и это не помогало. Население Анадыря и Камчатки, как писали в указах якутские воеводы, «в великую шаткость пружило».

Положение в острогах Анадыря и Камчатки к тому времени настолько осложнилось, что местные управители запросили у Якутска помощи — 200 человек служилых людей и 200 пудов пороху.

III

В то время как под острогами Анадыря и Камчатки шли ожесточенные бои, с Лены, Яны, Колымы снаряжались отряд за отрядом «для проводывания жилых морских островов» и морского пути на Камчатку. Бесперывные нападения коряков и юкагиров заставляли якутских воевод искать более спокойного и безопасного морского и речного пути к Ламскому — Охотскому — морю.

В 1711 году группа казаков была послана во главе с приказчиком Меркурием Вагиным на поиски острова, предполагавшегося против устья Яны. Отряд Меркурия Вагина дошел до острова на собачьих нартах. Людей здесь не нашли. Лесу не было. Зверья, кроме оленей, никакого. То были Новосибирские острова.

Отряд повернул обратно к матерiku, но дорогой попал в жестокую пургу, потерял собак и «оголодовал». Озлобленные казаки убили своего вожака Меркурия Вагина с несколькими его подручными за неумелую организацию похода. Потом их судили и пытали на козлах за это убийство в Якутске. Двое участников были повешены. А остальные подали челобитную.

Самые разноречивые слухи шли в то время о «Большом Каменном Носе». Кто говорил, что это остров, кто утверждал — материк. И вот довольно хорошо известный своими походами Василий Стадухин с 8 «служилыми людьми» и 14 коряками строит на Колыме пятисаженный коч. Так как не было пеньковых снастей и якорей железных, приспособили ремни из оленьих шкур. Якорь сделали деревянный с камнем. Сами сшили парус. И вот двинулись по Колыме и вышли в море. Льды прижали коч под самый берег, у мыса Шелагского льды стали непроходимой стеной. Отряд твердо решил, что Большой Каменный Нос — это «матерая земля», а не остров, конца ей нет. Повернули обратно. Тут разыгралась сильная буря. Коч сорвало с деревянного якоря и выбросило на лайду. «Открыватели» едва не погибли голодной смертью.

Дело это происходило в 1712 году. Василий Стадухин так мало был осведомлен о плавании Семена Дежнева, проведенном задолго до этого, что и не подозревал своей ошибки насчет Каменного Носа. Отважный Семен Дежнев, не раз ходивший во льды «Студеного моря», возглавил большую группу промышленников, тянувшихся к новым землям, завоеваниям и богатствам. Семь кочей, тщательно и хорошо снаряженные, вышли из Нижнеколымска. Шторм вскоре потопил четыре коча, но остальные три под командой Семена Дежнева шли и шли вперед. Где парусом, где на гребях, а где и волоком тащили кочи вдоль берега Большого Каменного Носа. Встречались чукотские становища — брали их «огненным боем» и облагали ясаком. Встречались льды, большие отмели с «рыбьим зубом» — моржовыми клыками.

Когда экспедиция была уже «промеж сивер и полунощник», то есть на северо-востоке, еще два коча погибли. Остался один с Дежневым. Этот коч обогнул Каменный Нос, тут его подхватила буря и долго носила по чистому от льдов штормовому морю.

25 человек вышли на берег «холодные, голодные, наги и босые». Десять недель люди шли по тундре, непрерывно сталкиваясь с воинственными племенами. Остатки экспедиции в 12 человек после тяжелых испытаний подошли наконец к устью реки Анадыря. Никто еще сюда не доходил с востока. Дежнев и не подозревал, какое ценное научное открытие он совершил своим походом. Загадка, долгое время занимавшая умы географов, загадка о том, соединяется ли Северо-восточный материк Азии с Американским, была Дежневым по сути разрешена. Он первый прошел из Северного Ледовитого океана в Тихий, тем самым доказав, что материчи эти разъединяются проливом.

Два года провел Дежнев на Анадырском побережье, изучая новооткрытый край, и однажды встретился с отрядом Моморы и Стадухина.

Рядом с Дежневым встает другая фигура пытливого искателя — Владимира Атласова. В 1697 году небольшой отряд пятидесятника Атласова вступил на Камчатскую землю. Переваливая через хребты, переплывая реки, отряд Атласова обошел всю Камчатку. Его две «скаска», поданные потом якутскому воеводе, являются образцом народных исследований, стихийно возникавших в те годы. В «скасках», наряду со сведениями о количестве пушного зверя, имеются подробные указания о земле, растительности, птицах, о реках и горах, о климате Камчатки. Подробно описаны быт, нравы, обычаи камчадалов. Это первый общий

этнографический материал о Камчатке. Вызванный в Москву, Атласов был отмечен наградами за свое открытие. Возвратившись обратно на Камчатку, он погиб от укуса взбунтовавшихся казаков.

Конечно, ни Дежнев, ни Атласов ни в какой мере не являются идеалом исследователей, но и рядом с обычными в то время приказчиками их ставить нельзя. Эти люди смело и открыто шли вперед навстречу всем трудностям. Чувство пыливости толкало их вперед к новым походам и открытиям. Движение русских на Север в Петровскую эпоху тем и знаменательно, что оно обогатило человечество рядом крупных научных открытий.

Имея разрозненные, разноречивые сведения о Севере, Петр I сам дал наказ капитану Витусу Берингу:

«Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами, на оных ботах возле земли, которая идет на Норд, и по чаянию (пониже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки, и для того искать, где она сошлась с Америкой».

Плавание капитана Беринга на боте «Св. Гавриил» явилось блестящим научным завершением первых попыток освещения северо-востока Азии, которые предпринимались Дежневым, Стадухиным и другими «опытовщиками». Бот Витуса Беринга, как известно, прошел проливом из Тихого в Ледовитый океан до широты 67 параллели. Таким образом, окончательно было установлено, что Азиатский и Американский материки не соходятся. Позже пролив, по которому прошел бот «Св. Гавриил», был назван именем Беринга, а мыс, вдающийся в пролив, — именем Дежнева.

Плавание Беринга, длившееся пять лет, дало основание для новой, грандиозной по тому времени экспедиции. Она возникла тоже по личному указанию Петра, который разработал специальный указ.

В 1733 году началось «Первое морское путешествие Россиянами предпринятое». Четыре отряда экспедиции должны были исследовать весь северный берег Азии и прилегающие к нему острова. Ученым было дано указание систематизировать все прежние данные, накопленные в течение столетия плаваниями поморов на кочах и каюках у берегов Арктики. Мало того, все это нужно было нанести на карту и сделать подробнейшую опись.

Первый отряд экспедиции взялся за изучение участка от Карского моря до Обской губы. Второй — от Оби до Енисея. Третий — от Енисея до устья Лены. Четвертый — от Лены до Тихого океана.

Десять лет длилась эта экспедиция. Арктика навсегда сохранила память об отважных представителях ее — Василии и жене его Марии Прончищевых, Челюскине, Харитоне Лаптеве. Их именами названы сейчас мысы и бухты на севере Таймыра. Имя же Витуса Беринга до наших дней является символом смелости и настойчивости, научной прозорливости и благородного стремления к обогащению культуры передового и прогрессивного человечества.

Являясь прямыми наследниками лучших традиций первых отважных поморов, первых русских ученых, наши советские исследователи под руководством партии разрешают проблемы научного и культурно-экономического освоения Севера и сделали Северный морской путь действующей магистралью.

Н. Н. НОЗИКОВ

ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ МОРЯКАМИ АНТАРКТИДЫ

(Кругосветное плавание Беллинсгаузена)

Для решения вопроса, существует ли южный полярный материк и насколько можно приблизиться к Южному полюсу, английское правительство в 1772 году снарядило и отправило научную экспедицию во главе с известным кругосветным мореплавателем Джеймсом Куком. Экспедиция отправилась на двух специально построенных и оборудованных для суровых условий плавания деревянных кораблях. В течение 1772—1775 годов экспедиция обошла кругом южные полярные страны вдоль границы сплошного пловучего льда. Зимой Кук поднимался за 55° к северу, а летом спускался южнее, за полярный круг. В юго-восточ-

ной части Тихого океана ему удалось достичь весьма значительной широты — 70°10'. Во время плавания в южной части Атлантического океана Кук открыл архипелаг Южных Сандвичевых островов¹ и большой остров Южная Георгия (более 100 километров длиной). Кроме того, он обследовал открытые ранее острова Кергуэлен и Принца Эдуарда в Индийском океане.

Но Антарктического материка Кук не

¹ Самая южная оконечность архипелага 59°26' ю. ш., т. е. на полградуса дальше от Южного полюса, чем Ленинград от северного.

нашел, так как не смог преодолеть встретившегося сплошного льда. Возвратившись в Англию, Кук объявил, что далее достигнутого им пункта итти к югу невозможно. Таким образом существование Антарктического материка осталось недоказанным.

Новых попыток плавания в больших южных широтах в течение 44 лет после плавания Кука не предпринималось.

За южным полярным кругом суша впервые была открыта русской экспедицией, во главе с Беллингсгаузеном.

5 июля 1819 года отправилась для исследований и открытий южных полярных стран русская экспедиция на двух военных шлюпах¹ «Восток» и «Мирный», под начальством капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллингсгаузена,

Шлюпы были деревянные с медной обшивкой подводной части. Они совершенно непригодны для борьбы с полярными льдами. По сравнению с судами Кука они были также значительно слабее.

Шлюп «Восток» имел тоннаж 450 тонн, а «Мирный» — 530 тонн.

Оба судна были построены в Петербурге на Охтенской верфи и предназначались для плавания в Балтийском море. Артиллерийское вооружение каждого шлюпа состояло из 20 пушек.

«Востоком» командовал капитан 2-го ранга Ф. Ф. Беллингсгаузен, а «Мирным» — лейтенант М. П. Лазарев.

Кроме экипажа, для научных исследований на «Востоке» находился еще астроном профессор И. Симонов и академик-живописец П. Михайлов. Для собирания коллекций и наблюдений по естественным наукам к экспедиции должны были присоединиться два немецких натуралиста — Мертенс и Кунце.

Сорокалетний начальник экспедиции Фаддей Фаддеевич Беллингсгаузен был в молодости участником кругосветного путешествия под начальством Крузенштерна. Все же остальные участники экспедиции были молодые моряки.

Беллингсгаузен получил от Морского министерства инструкцию, в которой ему предписывалось —

«осмотреть те части Южного Ледовитого океана, в которых еще никто не плавал, проверить положение некоторых островов и, идя на юг до возможно высокой широты, стараться отыскать берега Южного полярного материка...», а кроме того употребить «все возможное старание и величайшее усилие для достижения сколь возможно южнее к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставить сего предприятия иначе, как при

непреодолимым препятствием... Ежели подобные усилия останутся бесплодными, то надлежит возобновить свои покушения, не упуская из виду главную и важную цель, для коей экспедиция отправляется, повторяя свои покушения ежечасно, как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу».

Продовольствие было заготовлено с расчетом на 2 года плавания. Теплой одежды и обуви взято в двойном количестве против потребности. Кроме провианта и необходимого снаряжения, на шлюпы погрузили также запас дров (угля в то время во флоте не применяли) для отопления кубрика, трюма и кают.

4 июля 1819 года экспедиция вышла из Кронштадта. В Копенгагене ее должны были ждать натуралисты Мертенс и Кунце, но они отказались от столь рискованного плавания, уведомив об этом письменно Беллингсгаузена.

В Англии были закуплены мореходные инструменты и карты. Оба командира старались и здесь найти натуралистов, но подыскать их не могли. Пополнив запасы пресной воды и провизии, 29 августа шлюпы отправились далее.

В столицу Бразилии — Рио-де-Жанейро — шлюпы пришли 2 ноября и простояли здесь три недели, занимаясь научными наблюдениями и исследованиями.

15 декабря экспедиция подошла к островам Южная Георгия и Валлиса и произвела морскую опись южных берегов для дополнения карты, составленной Куком.

Отсюда шлюпы направились к Земле Сандвич (Южным Сандвичевым островам в Атлантическом океане). На этом переходе Беллингсгаузен сделал несколько попыток измерить глубину океана. За борт было выпущено 475 метров лот-линия, но дна не достали.

Поблизости от Южной Георгии Беллингсгаузен открыл новый небольшой остров, почти круглый, гористый, покрытый снегом.

Продолжая итти на юг, 23 декабря «Восток» открыл 3 острова, никем ранее из мореплавателей не виденных. Острова эти были покрыты снегом. На одном из них был действующий вулкан, высотой 366 метров.

На судах экспедиции стал ощущаться недостаток в пресной воде. Тогда Беллингсгаузен приказал выстрелить ядром из пушки по ледяной горе. Ядро отбило несколько больших кусков льда. На шлюпках их доставили на суда и растаяли в бочках. Так было положено начало практики снабжения пресной водой из льда.

Новый год (1820) принес снег и мороз. Паруса и снасти обмерзли и покрылись коркой льда. Приходилось

¹ Шлюп или корвет — военное трехмачтовое судно с открытой батареей пушек.

каждые полчаса освобождать снасти ото льда, иначе невозможно было ими управлять. На другой день потеплело. Суда экспедиции подошли к Земле Сандвич.

Погода была переменная. «Пасмурность и мрачность чередовались с ясной погодой». Беллинггаузен, используя хорошую погоду, нанес на карту положение Земли Сандвич и определил ее размеры. При этом выяснилось, что значительная часть берега, названная Куком Землей Сандвича, представляет в действительности несколько небольших островов.

Беллинггаузен отмечает, что «Капитан Кук по причине дурных погод держался не близко к островам Тюле и Монтегю, а потому льды между оных показались ему берегом».

Беллинггаузен, относившийся с большим уважением к работам своих предшественников, сохраняя имя, данное Куком, назвал всю группу Южносандвичевыми островами.

Это были небольшие острова, скалистые и неприступные, с высокими обрывистыми берегами. Один из них — остров Сандерс — оказался действующим вулканом.

Отсюда экспедиция пошла прямо на юг. 4 января она вошла в полосу густого битого льда. С этого дня началась упорная борьба со льдами.

Полтора месяца Беллинггаузен настойчиво стремился к югу, пробиваясь через плывучие льды. Но проникать во льды шлюпам было очень трудно, — они были парусные, и, когда не было попутного ветра, им приходилось делать большие обходы.

Несколько раз суда экспедиции пересекали южный полярный круг и заходили за 69° южной широты, но вокруг был сплошной лед, преграждавший путь.

16 февраля, видя, что пробиться к Южному полюсу невозможно, Беллинггаузен решил идти прямо на восток, придерживаясь тех широт, где дуют попутные ветры, и вместе с тем, чтобы «осмотреть ту часть Ледовитого океана, где еще никто не бывал». Затертый льдами, он поворачивал на север, на восток и потом снова спускался к югу.

Однообразие плавания было утомительно. Иногда оно оживлялось изумительным по красоте, яркости и игре красок южным сиянием. Моряки целыми часами наблюдали это явление. Многоцветная широкая дуга перекидывалась с запада на восток. Зеленые, желтые, фиолетовые, белые и красные лучи простирались от наружной стороны дуги до края небесного свода. Блестящие цветные полосы плавно перекачивались через все небо. Огромная радуга начинала постепенно подвигаться вверх, и под

ней образовалась вторая радуга, такая же, как и первая. Время от времени огненная волна надвигалась с юга и окрашивала небосвод розовым светом. Казалось, что все небо воспламенялось. Под конец этого явления обе дуги одновременно выбрасывали бесчисленное множество параллельных вертикальных полос, из которых каждая представляла семицветный солнечный спектр. Проходило несколько минут, и обе дуги разрывались, лучи их переставали качаться, тускнели и постепенно исчезали.

5 марта «Восток» и «Мирный» расстались. Они находились у предельной черты плавания Кука. Беллинггаузен решил, что теперь необходимо каждому шлюпу самостоятельно продолжать плавание, чтобы иметь возможность исследовать большое пространство. Встреча и соединение после выполнения намеченных исследовательских работ были назначены в порте Джэксон (близ Сиднея в Австралии).

Вскоре «Восток» попал в сильнейший шторм. Часть парусов его разорвало, остальные же пришлось спустить. Сильное волнение и встречавшиеся льды ставили шлюп в весьма опасное положение. Шторм ревел 9 суток. Но благодаря искусному управлению, корабль преодолел все опасности.

Вскоре «Восток» вышел из области плывучих льдов и направился к порту Джэксон. 30 марта он стал на якорь в Сиднейском заливе. Со времени выхода из Рио-де-Жанейро «Восток» пробыл в плавании под парусами 131 день. Через 8 дней, после очень бурного перехода, туда же прибыл «Мирный».

На берегу около порта Джэксон Беллинггаузен устроил в палатке обсерваторию, где астроном Симонов производил свои наблюдения.

Здесь экспедиция оставалась 3 недели. За это время моряки исправили повреждения своих судов, полученные в штормах. В свободное от служб время они ездили на берег и знакомились с местной природой и бытом населения.

8 мая «Восток» и «Мирный» покинули порт и направились к островам Новой Зеландии. Через 20 дней плавания они стали на якорь в проливе Кука, здесь за время недельной стоянки ежедневно производились наблюдения и исследования. Между прочим, Лазарев определил высоту величественного пика Эгмонт в 2508 метров (по современным измерениям более точными инструментами высота его достигает 2514 метров).

От Новой Зеландии шлюпы направились к архипелагам Товарищества и Низменных островов, или Помоту, чтобы исследовать тропическую полосу Великого океана, которая была наименее из-

вестна. Здесь Беллинггаузен открыл 15 островов. Большинство этих коралловых островов было населено. Исследуя их, экспедиция собрала богатые этнографические коллекции.

Продолжая плавание, 22 июля мореплаватели пришли к острову Отаити, покрытому богатой тропической растительностью. Экспедиция точно определила положение многих островов «опасного Таятского архипелага», чем сильно облегчила работу последующих мореплавателей.

9 сентября шлюпы вернулись в порт Джэксон.

* * *

Ремонтные работы и приготовление ко второму антарктическому плаванию были закончены к концу октября. 31 октября оба шлюпа ушли в море, направляясь к Южному полюсу.

Первая земля, которую они увидели, был остров Маккуари. Моряки были очень удивлены, увидев остров, покрытый яркой зеленью, вместо снега.

Беллинггаузен решил сделать здесь высадку, чтобы запастись пресной водой и описать остров. Выезжавшая на берег группа увидела взморье, покрытое морскими слонами, котиками и пингвинами. Множество морских птиц летало над берегом. Группа вернулась на корабль, привезя с собой несколько пингвинов и их яйца, шкуры полярных слонов и коллекций трав и камней.

Ночью произошло землетрясение. Два сильных подземных удара ощущались как на острове, так и на шлюпах.

На следующий день снова ездили на берег знакомиться с природой и промыслом морских слонов. К большому изумлению Беллинггаузена нашел здесь множество мелких попугав.

20 ноября шлюпы снова двинулись в путь, стараясь как можно дальше проникнуть на юг, а при встрече с непроходимыми льдами шли к востоку.

Вскоре в носовой части шлюпа «Восток» под медной бортовой обшивкой обнаружилась сильная течь, заделать которую в условиях плавания было невозможно. Пришлось значительно уменьшить скорость хода корабля, постоянно выкачивая воду.

27 ноября прошли 60° южной широты, а на другой день встретили первые пловучие льды. «Они были плоски, обрубисты и покрыты снегом».

Повторилось знакомое по прошлому году плавание. Айсберги, густой снег, жестокие бури, ежеминутная опасность наскочить на льдину, сильная качка, постоянная сырость.

Айсбергов и вообще пловучих льдов в этой части океана оказалось больше,

чем в прошлое плавание, и по размерам они превышали прежние. Так, один «ледяной остров» имел окружность до 20 километров, при высоте 36 метров над поверхностью воды. Иногда случалось сразу насчитывать до 100 айсбергов.

Плавание среди ледяных гор на деревянных парусных судах было очень опасно. Но еще большим препятствием для проникновения на юг был сплошной пловучий лед, из-за которого шлюпам часто приходилось на десятки миль отходить на север.

13 декабря мореплаватели в четвертый раз перешли южный полярный круг на меридиане 164°34' западной долготы. В этот день они наблюдали полуденное солнце, осветившее горизонт.

Плавание на юг продолжалось в беспреостанной борьбе со льдами. 25 декабря около полудня «Мирный» наскочил на затонувшую льдину. Он избежал гибели только потому, что удар произошел в то время, когда нос шлюпа на волне опускался, и оттого пришлось в надводной части судна. Случись наоборот, подводная часть была бы раздроблена, и шлюп затонул бы.

Шлюпы шли, постоянно меняя курсы.

В январе 1821 года, в разгар лета в южном полушарии, граница сплошных льдов стала отступать, и экспедиция достигла наиболее южной точки за все время плавания, а именно — 69°53' южной широты на 92°19' западной долготы.

Далее к югу тянулись льды. Признаков суши нигде не было. Беллинггаузен принужден был повернуть к северу.

10 января 1821 года неожиданно увидели «чернеющее пятно». Беллинггаузен так рассказывает об этом событии:

«Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег. Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место, и к общему удовольствию все удостоверились, что видят берег, покрытый снегом. Одни только осыпи и скалы, на которых снег удержаться не мог, чернелись. Невозможно выразить словами радости, которая являлась на лицах всех при восклицании: берег! берег! Восторг сей был неудивителен после долговременного единообразного плавания в непрерывных губительных опасностях между льдами при снеге, дожде, слякоти и туманах. Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие острова».

Берег оказался островом, длиною в 9,5 и шириной в 4 мили, с высокими горами, по измерениям проф. Симона — высотой в 4390 футов, т. е. 1338 метров. Он был окружен широкой, сплошной каймой пловучего льда, не позволявшей ни высадиться на берег, ни подойти к нему поближе.

Остров этот — первый найденный далеко за южным полярным кругом (широта его 68°57') — Беллингсгаузен назвал островом Петра I.

Продолжая свое плавание вдоль 69° южной широты, шлюпы шли около ледяных низменных полей.

17 января в 11 часов утра при ясной погоде на шлюпе «Восток» опять увидели берег с высоким, выступавшим в море мысом. Подойти к этой земле из-за окружавших ее льдов шлюпам не удалось, но благодаря ясной погоде прекрасно рассмотрели гористый уходящий к югу берег, а художник Михайлов зарисовал его.

Вновь открытую землю, лежащую на 68°43' южной широты и 73°9' западной долготы, Беллингсгаузен назвал берегом Земли Александра I.

Испортившаяся погода и засвежевший ветер заставили Беллингсгаузена вместе со льдами повернуть на север, после двухдневной попытки обойти берег новооткрытой земли.

Повернув на северо-восток, Беллингсгаузен направился к Новой или Южной Шотландии, об открытии которой он узнал еще будучи в Сиднее. 24 января экспедиция подошла к этому архипелагу. Исследуя его, Беллингсгаузен дал всем его островам имена. Появились на карте острова: Малый Ярославец, Бородино, Тейль, Смоленск, Березину, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо, Елены, Три брата, Рожнова, Мордвинова, Михайлова, Шишкова. Названия эти по большей части не сохранились.

Близ острова Малый Ярославец шлюпы встретили 8 английских и американских промысловых судов, работавших здесь уже 4 месяца. На одном из них находился капитан Смит, открывший один из островов Южной Шотландии. Он успел уже взять со своего открытия богатую добычу, набив до 60 000 морских котов и огромное количество тюленей и моржей.

Только один раз удалось высадиться на острове Ватерлоо, берег которого отложе других, хотя и окружен опасными камнями. Астроном Симонов и лейтенанты Лесков и Демидов отправились туда на вельботе утром, а вернулись вечером, привезя трех живых морских котов, несколько пингвинов, водоросли, камни и мох. По их словам, берег состоял из камня, покрытого рыхлой, сыпучей землей и местами мхом. На берегу они нашли корабельные доски и ободранные туши морских животных.

30 января свирепствовал жестокий шторм. На шлюпе «Восток» долгнули многие части крепления судна и значи-

тельно увеличилась течь. Приходилось непрерывно выкачивать воду. Команда шлюпов после 14 недель тяжелого плавания крайне утомилась, увеличилось число больных. Беллингсгаузен решил прекратить дальнейшие исследования и идти в Рио-де-Жанейро, а затем возвращаться в Россию.

В Бразилию экспедиция пришла 27 февраля 1821 года. Ремонт судов продолжался около двух месяцев, после чего экспедиция направилась к европейским берегам.

24 июля «Восток» и «Мирный» возвратились в Кронштадт.

Все плавание продолжалось 751 день. Находясь под парусами 527 дней, шлюпы прошли 92 256 километров. Во время путешествия были открыты: часть Южнополярного материка — Земля Александра I, 29 островов и одна коралловая мель.

Экспедиция Беллингсгаузена в продолжение трех летних и двух зимних периодов обошла весь земной шар в больших южных широтах, 6 раз переходила через южный полярный круг, доходя местами почти до 70° южной широты, и доказала, что Южносандвичева земля, открытая за 45 лет до этого, представляет собою архипелаг небольших вулканических островов. Экспедиция составила описание физико-географических условий южнополярных морей, которое не потеряло научного значения и до наших дней.

Заслуженную оценку трудам и заслугам Беллингсгаузена и Лазарева дает капитан Вильд:

«Надо признаться, что достижения Беллингсгаузена и Лазарева в этих широтах превыше всяких похвал. Здесь ветер то дует шквалами, несущими снег, совершенно ослепляющий глаза, то он дует не так свежо, чтобы дать кораблю под парусами достаточно силы пробиваться во льдах. Тем временем зыбь из открытого моря к северу проникает в пояс пловучих льдов, заставляя теряться одно ледяное поле о другое с непереставаемым шумом. Я имел все-таки за собою постоянное утешение — возможность поднять пары в машине, тогда как вышеупомянутые два полярные мореплавателя вполне зависели от парусов».

В честь Беллингсгаузена часть Южнополярного моря между 68 и 90° западной долготы названа «морем Беллингсгаузена», а также его имя присвоено острову в южной части Аральского моря и острову в архипелаге Товарищества. В Кронштадте в 1870 году ему поставили памятник.

С. А. ИВАНОВ

Смерть вырвала из наших рядов полярника Серафима Александровича Иванова, бортрадиста самолета «СССР-Н-170», участника многих арктических походов, дважды орденоносца. Как-то совсем не верится, что среди нас уже нет его, еще столь молодого, полного сил и энергии, мужества и отваги.

Летчиков, моряков, полярников, всех, кто знал Иванова, поражала его скромность, выносливость. Он молча, без хныканья переносил лишения и трудности арктических походов. Всегда и везде жизнерадостный — душа коллектива. Всегда и везде — энергичный, работающий, не гнушающийся черновой работой. Настойчивость, беспредельная преданность родине — таковы характерные черты С. А. Иванова. Эти черты в нем воспитал комсомол, воспитала партия.

Жизненный путь С. А. Иванова похож на путь миллионов молодых людей нашей родины. Рабочий-грузчик, председа-

тель сельсовета (1919—1921, ст. Донская, Азово-Черноморского края), уполномоченный по продналогу (1921—1923, г. Горный Ключ), боец Красной армии.

Его знают не только зимовщики, моряки, отважные полярные летчики, его знает вся наша страна. Он участник челюскинской эпопеи, за что был награжден орденом Красной Звезды. Он участник беспримерной в истории экспедиции на Северный полюс, награжденный правительством Орденом Ленина и денежной наградой.

С. А. Иванов ушел от нас в полном расцвете своих сил. Ему было еще только 32 года. Из этих 32 лет он 7 лет отдал суровой Арктике. Первое знакомство с условиями и работой в Арктике он проводил на небольших зимовках. И здесь испытал свои силы, проверив нервы и выносливость, он смело вошел в ряды еще немногочисленной в то время армии полярников.

1933 год. Он старший радист экспедиции на пароходе «Челюскин». В дни незабываемой, славной челюскинской эпопеи он показал себя стойким, мужественным борцом. Он в числе последних оставил борт парохода, погружавшегося в пучину Чукотского моря. Вместе с Эрнстом Кренкелем он связывает ледовый лагерь Шмидта с сердцем нашей родины — с Москвой, с Кремлем, со Сталиным.

1935 год. С. А. Иванов — радист высокоширотной экспедиции на ледоколе «Садко». Общительность с людьми разных профессий, уживчивость в коллективе делают его любимцем моряков, полярников, научных исследователей. Он неприменный участник авралов, он не избегает черновой и тяжелой работы.

В 1935 и 1936 годах Герой Советского Союза М. В. Водопьянов делает неоднократные глубокие воздушные разведки в Арктике. С. А. Иванов — участник перелетов Москва — мыс Шмидта и Москва — Земля Франца-Иосифа.

Приближался 1937 год. Шла деятельная подготовка к экспедиции на Северный полюс. Энергичный и неутомимый, он горел на работе. Сегодня мы его видели в Ленинграде, завтра он в Москве, сегодня за книгой, завтра в лаборато-

рий, на заводе. Он энергично готовился к выполнению ответственной и трудной задачи. На каждом корабле устанавливались радиостанции: коротковолновая, мощная всеволновая — радиопендентор и, помимо этого, аварийный агрегат. Все это нужно было прочно оборудовать, основательно изучить и освоить. И вот С. А. Иванов — радист флагманского корабля „СССР-Н-170“, пилотируемого Героем Советского Союза Михаилом Васильевичем Водопьяновым.

Он один из участников этой беспримерной в истории экспедиции. Он вложил в работу всю свою душу, все силы и энергию, волю и умение.

Совсем недавно мы отправляли его в новый путь. Он полетел бортрадистом на том же самолете „СССР-Н-170“ под водительством М. В. Водопьянова на розыски самолета „Н-209“ т. Леваневского. Вернувшись в Москву, он заболел гриппом. И вот 2 декабря тяжелое осложнение на почве гриппа навсегда от нас унесло т. Иванова. Тяжела утрата. Тем тяжелее ее переживаешь, когда чувствуешь, что этот молодой, жизнерадостный человек, имеющий прекрасный опыт работы в Арктике, еще многое мог бы дать в борьбе за освоение и изучение Арктики.

Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

ОРГАНИЗОВАТЬ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ БУНКЕРНЫЕ БАЗЫ

Результаты арктической навигации 1937 года показали, что одной из основных причин вынужденной зимовки во льдах значительного количества ледокольных и транспортных судов является неудовлетворительное снабжение флота бункерным углем.

В основные пункты бункеровки уголь был недопоставлен, и, таким образом, полностью суда не были снабжены топливом; отсутствовали промежуточные бункерные базы, где бы суда могли пополнить свои запасы, а качество заготовленного угля оказалось плохим.

Особенно плохо в этом отношении обстоит дело в бухте Тикси, где по вине бывшего начальника Якутского теруправления снабжение судов углем было сорвано, а тот уголь, который там был, оказался непригодным для судов. К этому делу приложили свои руки вредители, враги народа.

Для обеспечения нормальной и бесперебойного снабжения флота бункерным углем в навигацию 1938 года начальником Главсевморпути был издан приказ (№ 332, от 29 ноября 1937 года) о проведении целого ряда мероприятий.

Прежде всего, снабжение флота бункерным углем в навигацию 1938 года должно проводиться помимо основных портов, к которым приписаны суда (Ленинград, Мурманск, Архангельск и Владивосток), в следующих промежуточных пунктах трассы Северного морского пути: в бухте Тихой, на острове Диксона, на островах „Комсомольской Правды“, в бухте Кожевникова, в бухте Тикси, в Чаунской губе и в бухте Провидения.

Во всех этих пунктах организуются специальные бункерные базы. С целью организации более четкой работы они приписываются к следующим теруправлениям: острова „Комсомольской Правды“ к Мурман-

скому теруправлению, бухта Тихая к Архангельскому теруправлению, остров Диксона к Красноярскому, бухта Тикси к Якутскому, Чаунская губа и бухта Провидения к Дальневосточному, а бухта Кожевникова — к тресту Нордвикстрой. Базы в портах Диксон, Тикси и Провидение подчиняются начальникам портов.

Обеспечение бункерных баз нужным количеством угля в сроки, установленные годовым планом, а также ответственность за качество этого угля целиком возлагается на начальников теруправлений. Они отвечают за заготовку, перевозку и организацию хранения этого угля, за бесперебойное снабжение судов, ведут учет расхода топлива и расчеты с клиентурой.

В портах Диксон и Тикси будет проведена механизация погрузочно-разгрузочных работ. В титульных списках на 1938 год ассигнования на эти устройства уже предусмотрены.

Учитывая условия арктической навигации, требующие иногда непредвиденного дополнительного снабжения флота бункерным углем, в навигацию 1938 года на всех бункерных базах должны быть созданы неприкосновенные запасы угля, расходующиеся по специальным разрешениям.

Для создания угольных запасов в бухте Кожевникова начальнику Нордвикстрой поручено максимально развернуть добычу местных углей. В промфинплане на 1938 год по Нордвикстрою предусмотрены капиталовложения на добычу угля в размере 6000 тонн (3000 тонн на нужды навигации 1938 года и 3000 — для неприкосновенного запаса).

На островах „Комсомольской Правды“ и в Чаунской губе поручено произвести изыскательские работы для точного определения места организуемых там угольных баз.

Рефракция солнца на острове Рудольфа)

(фото Н. Новичкова)

ДОКУМЕНТЫ ЗАВОЕВАНИЯ АРКТИКИ

В Москве, в Музее изобразительных искусств, открылась Первая всесоюзная выставка фотоискусства.

Выставка является яркой документацией расцвета нашей страны, наших людей.

Здесь только снимки, но они кажутся произведениями талантливой кисти художников.

Ленин произносит речь перед уходящими на фронт войсками. Сталин с трибуны исторического Съезда Советов провозглашает Конституцию, самую демократическую в мире. Танки мощной лавиной проходят по Красной площади. Шахтеры Донбасса празднуют победу Алексея Стаханова. Колхозники собирают богатый урожай. Железнодорожники ведут кривоносовские составы. Знойный тропический Батуми и таежная Сибирь. Украинские хаты и казахстанская пустыня. Вся страна во всем ее многообразии за двадцатилетие советской власти представлена здесь в документах.

Значительное место уделено Арктике.

При входе, в просвете между колоннами, рядом с панно, отражающим расцвет нашей родины, висит другое панно, символизирующее Арктику. На нем — охотник-промысленик с богатой добычей, оленя упряжка, вдали ледокол пробивает тяжелые торосы.

Несмотря на пургу и полярные морозы, хрупкий фотографический аппарат, бережно закутанный в меха, чтобы не смерзались его металлические части, в руках советского фоторепортера настойчиво делает свое дело, фиксируя великую эпопею продвижения советских полярников на Север.

Творчество Д. Дебабова широко известно. Его снимки Севера обошли все центральные газеты, показывая многомиллионному читателю Арктику наших дней.

Вот красивый возле корабля, легшего в вынужденный дрейф, играют на льду в футбол. Этот снимок показывает главное качество советских полярников — не поддающуюся унынию терпеливость, умение переживать неблагоприятную обстановку.

На другом снимке сквозь сталактиты айсбергов видны сплоченные многобальные льды, простирающиеся до самого горизонта. Среди них стоит могучий „Красин“.

Полны большого содержания снимки Дебабова о тайге и тундре. Вот охотник туруханской тайги. Он осторожно скользит на широких охотничьих лыжах. Ружье-малопулька у него за спиной. Весь он обвешен добычей — беличьими тушками. Вся его фигура выражает непреодолимую силу.

„Охотничья избушка в тундре“. Застроги, уходящие к горизонту. Посреди этого океана — как островок — деревянная рубленая избушка, доверху заваленная снегом. Гостеприимный дымок вьется над крышей.

Полярники хорошо знают, что значит охота в тундре. Охотники ненцы и эвенки уезжают иногда километров за двести от своих жилищ, попадают нередко в пургу, и взятого с собой продовольствия может нехватить.

Вот в таких отдаленных и труднодоступных районах сейчас и строятся охотничьи избушки. Ориентируясь на них, охотники спокойно промышляют песца, зная, что в любую минуту они могут завернуть в избушку, где по неписанному закону тундры предыдущий посетитель оставил лучины и дрова, где можно найти хлеб, а оленям можно укрыться от любой пурги и подкормиться.

На Ямале, например, в третьей пятилетке намечено, помимо уже существующих, построить еще 165 охотничьих избушек.

Следующий снимок: „Колхозница-ненка Васса Лампай“. Здоровое свежее лицо, закутанное в оленьи шкуры. На этом лице нет ни приниженности, ни обреченности — типичной черты человека дореволюционной тундры.

Васса Лампай из колхоза „Ядай-ил“, что значит „Новая жизнь“. Это один из первых и самых крепких колхозов на Таймыре. У него табуны обобществленных оленей, которых пасут колхозные пастухи. Сами колхозники уже не кочуют и начали строить себе хорошие рубленые дома. Летом они ловят рыбу, зимой промышляют песца. Появились у них патефоны, швейные машины, кожаные куртки; ходят они в колхозную баню, что раньше строго-настрого запрещалось шаманами.

„Концерт Московской консерватории на Чукотке“. Артисты исполняют какую-то музыкальную вещь. На переднем плане чукчанка с маленьким ребенком слушает, затаив дыхание. Старые путешественники изображали человека тундры отрешенным от общечеловеческой культуры дикарем, которому не свойственны вдохновенные порывы и радость творчества. Между тем чукчи очень любят музыку и являются непревзойденными мастерами резьбы по мамонтовой и моржовой кости. Музыку и пение любят также ненцы, эвенки и другие северные народности.

Из полярного жанра заслуживают внимания также работы П. Новицкого. Его снимки пейзажные, но не отвлеченные, а сюжетно продуманные.

„Земля Рудольфа“ — глубокие пласты снега, освещенные луной, создают впечатление нетронутой полярной целины. С большим настроением даны два морских пейзажа: „Баренцево море“ и „Девятый вал“. Свинцовые арктические волны бурлят, как кипяток. Это самый коварный шторм. Много хладнокровия, выдержки и мужества требуется от полярных капитанов, чтобы одолеть такие штормы.

Кодоритны снимки ленинградского мастера фото Н. Штерцера. Его работы на выставке также раскрывают внутреннее содержание Арктики наших дней. «В тунгусской школе» (кстати, не тунгусской, а эвенкийской, товарищи установили выставки!), «Восход солнца после полярной ночи», «Первое Мая в Арктике», «Красин» ведет первый «Ленский караван», «В доме колхозника», — отражают социальные сдвиги, которые произошли в тундре после Октябрьской революции.

Самолет — это новая эпопея в завоевании Арктики. Полярные летчики пользуются в нашей стране заслуженной славой героев. Им отведено на выставке большое место. Сильные и мужественные образы подкупают своей простотой и жизненностью.

Снимок В. Мусинова называется «Встреча Героя Советского Союза В. С. Молокова». Он сделан летом 1936 года на набережной Москва-реки. Василий Сергеевич только что посадил свою летающую лодку, вернувшись из далекого перелета вдоль Северного морского пути. Его встречают руководители партии и члены правительства. Мать Василия Сергеевича, плачущая от радости и гордости за своего сына, прикинула к его груди, а он, откинув шлем, смотрит на нее.

Б. Вдовенко запечатлел образ летчика-орденоносца Фариха после завершения первого зимнего трансарктического перелета. Митинг на Тушинском аэродроме — Фарих отвечает на приветствия.

Рейс на Северный полюс, вызвавший восхищение всего передового и прогрессивного человечества, зафиксирован на многих снимках. Пожалуй, самый искренний снимок В. Гребнева: «Отто Юльевич Шмидт прощается с сыном перед отлетом на полюс». Здесь все трогательно и просто.

М. Калашников показывает другую сторону рейса на полюс. Снимок называется «На старте». Сильный остов крабля. Винты вращаются, и кажется, что земля содрогается от гула мощной машины.

Затем идут кадры из других полярных экспедиций. Фото М. Калашникова: «Встреча Чкалова на аэродроме после перелета Москва—Северный полюс—США».

Ликующий, полный торжественного подъема снимок М. Озерского: «Путь Героя Советского Союза М. Громова». Москва рукоплещет и засыпает путь героя знаменитого перелета цветами и листовками.

До сих пор речь шла об уже известных художниках фотоискусства, снимки которых завоевали широкую популярность в стране.

Но есть на выставке отдел фотолюбителей. И здесь оказались не меньшие мастера.

Прекрасны снимки М. Небогатовой, посвященные острову Врангеля и побережью Восточносибирского моря: дочь знаменитого на острове охотника Таяна с огромным моржовым клыком в руках; портрет девочки-эскимоски; «Красин» у острова Врангеля; мыс Ше-

„Первое Мая в Арктике“

(Фото Н. Штерцера)

лагский. Все эти снимки показывают умение автора пользоваться объективом в трудных условиях Арктики.

Дальше идут волнующие снимки полярника-орденоносца Б. Дзержевского: «Путь ледокола», «Челюскин» и «Ермак» у мыса Челюскина, — эти работы показывают суровую природу Арктики, покоряемую людьми и кораблями.

Знакомое лицо Папанина глядит с фотографии Никольского: «Папанин на острове Рудольфа играет с белым медвежонком».

Пройдут годы. В Арктике не останется больше белых пятен. Но снимки сохраняют для истории картину завоевания и освоения Арктики.

Харьковская трудовая коммуна имени Феликса Дзержинского — инициатор и

организатор производства советских «леек» — представила на выставке образцы своей продукции. Здесь есть чем похвалиться трудкоммуновцам. «Лейки» ФЭД получили в нашей стране широкое признание и распространение. Упорная конструкторская мысль непрерывно совершенствуется «лейки». Но полярники не видят специальных усовершенствований для работы этим аппаратом в специфических условиях Арктики.

«Лейка» не выдерживает арктических зимних холодов, нежные части затвора отказываются служить, пленка деформируется и теряет свои качества.

На эту сторону работы должна быть направлена конструкторская мысль. Мы должны уметь хорошо снимать в Арктике не только летом, но и зимой, в любую погоду.

СЕМЬЯ ПАПАНИНЦЕВ

Лейтенант Грили, вступивший в Арктику под американским флагом и потерявший 18 участников экспедиции, писал в мучительной агонии:

«Повидимому, судьба против нас... никаких надежд на помощь с острова Литтлтона. Нас заманили сюда на погибель... Я готов почти с ума сойти, когда думаю о будущем...»

Сколько смелых талантливых людей погибло в Арктике в напрасной надежде в самую критическую минуту получить с «Большой земли» хоть какую-нибудь помощь, хоть одно обнадеживающее слово.

22 мая 1937 года в 12 часов 15 минут из сердца Арктики, с Северного полюса, в Москву пришла первая радиограмма:

«Рады сообщить, что смогли выполнить задание товарища Сталина и создать на полюсе прочную базу для науки и авиации.

Наши мысли — с нашей великой родиной. О. Ю. Шмидт».

С тех пор мы день за днем следим за радиограммами с Северного полюса, за успехами отважных зимовщиков: Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова.

Льдина, превращенная в научную лабораторию, прошла длинный путь от Северного полюса к Гренландскому морю. Но не было ни одного дня, чтобы обитатели ее не чувствовали, что за ними стоит могущественная родина, всегда готовая помочь им в трудную минуту. Не было в нашей стране политического события, которое прошло бы мимо знаменитой дрейфующей льдины.

21 ноября исполнилось полугодие со дня организации станции «Северный полюс». Радиостанция имени Коминтерна

в этот день организовала специальную передачу.

— Алло! Алло! Говорит Москва! Слушайте, Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров! У микрофона доверенная Петрозаводского избирательного округа Котова!

Товарищ Котова приветствует Ивана Дмитриевича Папанина, выдвинутого кандидатом в депутаты Совета Национальностей трудящимися Петрозаводска.

Писатель Всеволод Вишневский читает у микрофона рассказ-биографию Папанина. Черты отважного советского полярника вырисовываются в этом рассказе.

Затем к микрофону по очереди подходят жены зимовщиков.

— Говорит Москва! Иван Дмитриевич, слушайте вашу жену Галину Кирилловну!

Она подходит к микрофону. Рассказывает о домашних делах.

Вокруг антенны воеет пурга. Снег шестит о стены палатки. Иногда раздаются глухие удары движущейся льдины. А они, четверо зимовщиков, слушают «Большую землю», своих жен и избирателей.

Они узнают, что Галина Кирилловна Папанина выполняет свое обязательство — упорно учится английскому языку и музыке. Наталья Петровна Кренкель успела оборудовать дачу, где у Эрнста теперь будет своя удобная лаборатория. Надежда Дмитриевна Ширшова тоже преуспевает в английском языке. Анна Викторовна Федорова исполнила все поручения, оставленные ей перед отъездом мужем, и ждет с нетерпением благополучного возвращения всех четверых.

В палатке внимательно слушают. Голоса раздаются то из Петрозаводска, то

из Ленинграда, то из Москвы. Далекие и в то же время близкие голоса, полные любви и гордости за каждого из них в отдельности.

— Алло! Северный полюс! Говорит Москва! Сейчас по вашему заказу начинаем концерт!

«Песня о Сталине» и «Песня о Северном полюсе» врываются в палатку.

Опять включен Ленинград. У микрофона — ансамбль Леонида Утесова.

«Спокойно трудитесь на льдине
Во мраке полярных ночей!»

Палатка слушает знакомые напевы джаза — «Казачью песню» и «Песню о тачанке», «Теплоход» и «Два друга».

Через полтора часа после прощального слова диктора в Москву пришла радиограмма с горячей благодарностью всем участникам этого «вечера встречи в эфире».

* * *

Через несколько дней после «встречи в эфире» мы были на квартирах у Папанина и Кренкеля. Мы встретились с их семьями.

В квартире Галины Кирилловны Папаниной течет размеренная жизнь. Ни один из устоев «колхоза», — как называет свой дом Папанин, — не потревожен. Все в порядке. Все заняты делом. Учатся. Работают. Отдыхают.

Часто в прихожей раздается звонок. Это — разносчик с Главного почтамта. Телеграмма. Разносчик говорит кратко:

— С полюса!

В доме радостный крик:

— Телеграмма! Телеграмма!

Ее читают всем «колхозом»:

«...Если нужна моя помощь, сообщите немедленно, особенно береги свое здоровье, в первых числах января можешь поехать Крым».

Телеграммы идут «цепочкой» с полюса в Москву, в Большой Козловский переулок, а в ответ — из Москвы на полюс, к дрейфующей льдине.

На Главном почтамте привыкли. И в Ессентуках, где лечилась Галина Кирилловна, тоже привыкли. Сначала, когда она подала первую телеграмму в окошечко, там всполошились:

— Что вы, что вы, нет такого адреса и никогда не было!

Галина Кирилловна мягко и настойчиво потребовала:

— А вы пошлите в Москву, оттуда она дойдет.

— На полюс?

— На полюс, конечно!

Послали. Потом и в Ессентуках тоже привыкли.

— Вот так и живем. Ждем, — рассказывает Галина Кирилловна.

Биография этой женщины во многом напоминает биографию самого Папанина. Галина Кирилловна сопутствовала ему в труднейших зимовках. В походе на Алдан, в 1925 году, где Иван Дмитриевич строил мощную радиостанцию. В зимовке на Земле Франца-Иосифа в 1932/33 году. В зимовке на мысе Челюскина в 1934/35 году. На Земле Франца-Иосифа Галина Кирилловна работала библиотекарем и буфетчицей. На мысе Челюскина она была уже в должности метеоролога.

Она всегда была душой зимовки, умела создать уют, во-время оказать помощь и поддержку...

Недалеко от Большого Козловского — Большой Харитоньевский переулок. Уютная, увешенная картинами квартира радииста Эрнста Кренкеля.

— Во всяком случае, я больше беспокоилась, когда он был на «Челюскине», — ведет свою ровную, спокойную беседу Наталья Петровна Кренкель. — А тут мы привыкли чувствовать его в нашей семье. Спрашиваем у него совета, получаем ответ. По радио, конечно. Вот прочтите.

В радиограмме с Северного полюса Эрнст Кренкель пишет:

«Получил сразу пять телеграмм, всех горячо благодарю, рад твой покупке, восхищен твоими хорошими бодрыми телеграммами. Нажимай на зимние дела, чтобы быть абсолютно свободной весной...»

За пятнадцать лет на зимовках у Кренкеля накопился богатый опыт, интересные воспоминания, поучительные наблюдения. Все это в лаконичных записях дневников. Целая гора дневников, не разработанных, не видевших света.

Почему?

«Плавание Жаннеты» или другие «Записки полярника», конечно, ценные произведения, но почему мы должны говорить только о мертвых, неудачных попытках завоевания Севера и хранить молчание о живых документах наших побед?

Этот вопрос особенно относится к Издательству Главсевморпути, которое не умеет работать с современными завоевателями Арктики.

Мы продолжаем беседу с Натальей Петровной.

— Мы всей семьей нетерпеливо его ждем. Как только вернется с полюса — организуем настоящий отдых. Ему нужно отдохнуть. Полтора года он был на Северной Земле, потом пять месяцев горячей подготовки. Сейчас на льдине.

Вся Сталинская страна ждет возвращения с полюса отважной четверки, тех людей, которые в веках превознесли славу нашей социалистической родины.

из Ленинграда, то из Москвы. Далекие и в то же время близкие голоса, полные любви и гордости за каждого из них в отдельности.

— Алло! Северный полюс! Говорит Москва! Сейчас по вашему заказу начинаем концерт!

«Песня о Сталине» и «Песня о Северном полюсе» врываются в палатку.

Опять включен Ленинград. У микрофона — ансамбль Леонида Утесова.

«Спокойно трудитесь на льдине

Во мраке полярных ночей!»

Палатка слушает знакомые напевы джаза — «Казачью песню» и «Песню о тачанке», «Теплоход» и «Два друга».

Через полтора часа после прощального слова диктора в Москву пришла радиogramма с горячей благодарностью всем участникам этого «вечера встречи в эфире».

* * *

Через несколько дней после «встречи в эфире» мы были на квартирах у Папанина и Кренкеля. Мы встретились с их семьями.

В квартире Галины Кирилловны Папаниной течет размеренная жизнь. Ни один из устоев «колхоза», — как называет свой дом Папанин, — не потревожен. Все в порядке. Все заняты делом. Учатся. Работают. Отдыхают.

Часто в прихожей раздается звонок. Это — разносчик с Главного почтамта. Телеграмма. Разносчик говорит кратко: — С полюса!

В доме радостный крик:

— Телеграмма! Телеграмма!

Ее читают всем «колхозом»:

«...Если нужна моя помощь, сообщи немедленно, особенно береги свое здоровье, в первых числах января можешь поехать Крым».

Телеграммы идут «цепочкой» с полюса в Москву, в Большой Козловский переулок, а в ответ — из Москвы на полюс, к дрейфующей льдине.

На Главном почтамте привыкли. И в Ессентуках, где лечилась Галина Кирилловна, тоже привыкли. Сначала, когда она подала первую телеграмму в окошечко, там всполошились:

— Что вы, что вы, нет такого адреса и никогда не было!

Галина Кирилловна мягко и настойчиво потребовала:

— А вы пошлите в Москву, оттуда она дойдет.

— На полюс?

— На полюс, конечно!

Послали. Потом и в Ессентуках тоже привыкли.

— Вот так и живем. Ждем, — рассказывает Галина Кирилловна.

Биография этой женщины во многом напоминает биографию самого Папанина. Галина Кирилловна сопровождала его в труднейших зимовках. В походе на Алдан, в 1925 году, где Иван Дмитриевич строил мощную радиостанцию. В зимовке на Земле Франца-Иосифа в 1932/33 году. В зимовке на мысе Челюскина в 1934/35 году. На Земле Франца-Иосифа Галина Кирилловна работала библиотекарем и буфетчицей. На мысе Челюскина она была уже в должности метеоролога.

Она всегда была душой зимовки, умела создать уют, во-время оказать помощь и поддержку...

Недалеко от Большого Козловского — Большой Харитоньевский переулок. Уютная, увешенная картинами квартира радииста Эрнста Кренкеля.

— Во всяком случае, я больше беспокоилась, когда он был на «Челюскине», — ведет свою ровную, спокойную беседу Наталья Петровна Кренкель. — А тут мы привыкли чувствовать его в нашей семье. Спрашиваем у него совета, получаем ответ. По радио, конечно. Вот прочтите.

В радиogramме с Северного полюса Эрнст Кренкель пишет:

«Получил сразу пять телеграмм, всех горячо благодарю, рад твой покупке, восхищен твоими хорошими бодрими телеграммами. Нажимай на зимние дела, чтобы быть абсолютно свободной весной...»

За пятнадцать лет на зимовках у Кренкеля накопился богатый опыт, интересные воспоминания, поучительные наблюдения. Все это в лаконичных записях дневников. Целая гора дневников, не разработанных, не видевших света.

Почему?

«Плавание Жаннеты» или другие «Записки полярника», конечно, ценные произведения, но почему мы должны говорить только о мертвых, неудачных попытках завоевания Севера и хранить молчание о живых документах наших побед?

Этот вопрос особенно относится к Издательству Главсевморпути, которое не умеет работать с современными завоевателями Арктики.

Мы продолжаем беседу с Натальей Петровной.

— Мы всей семьей нетерпеливо ждем. Как только вернется с полюса — организуем настоящий отдых. Ему нужно отдохнуть. Полтора года он был на Северном Земле, потом пять месяцев горячей подготовки. Сейчас на льдине.

Вся Сталинская страна ждет возвращения с полюса отважной четверки, тех людей, которые в веках превознесли славу нашей социалистической родины.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Главсевморпуть охватывает своей деятельностью самые разнообразные отрасли народного хозяйства Севера. С каждым годом на Севере увеличивается количество промышленных предприятий, совхозов, колхозов, научных учреждений, растет сеть полярных станций, увеличиваются грузоперевозки Северным морским путем, осваиваются новые речные магистрали, прокладываются новые авиалинии и т. д.

Все эти мероприятия требуют специально подготовленных кадров.

Самым крупным учебным заведением Главсевморпути является Институт народов Севера, который охватывает более 30 северных национальностей, не имевших ранее своей культуры. При институте имеются техникум, вузовское отделение, аспирантура и научно-исследовательская ассоциация. В 1938 году в институте на всех отделениях будет обучаться около 400 человек.

Гидрографический институт в Ленинграде является единственным в СССР вузом, который готовит инженеров-гидрографов для арктических морей. До 1938 года в Гидрографическом институте был только один факультет гидрографов-картографов. В 1938 году открывается еще геофизический факультет. Кроме того, при институте предполагается создать аспирантуру.

Сейчас в институте обучается 212 человек, после же окончания строительства новых корпусов института и общежития, на постройку которых ассигновано 3,5 миллиона рублей, контингент учащихся будет значительно увеличен. В этом году из-за отсутствия общежитий новый прием производился исключительно из числа ленинградцев. Всего было подано 157 заявлений, принято 56 человек. Институт существует уже два года. Первый выпуск (23 человека) будет в 1938 году.

При Всесоюзном Арктическом институте в 1938 году открывается аспирантура по 16 специальностям: геофизики, геологи, гидрологи, картографы-геофизики, гидробиологи, охотоведы, зоологи, промбиологи, оленеводы, ледовики и др. Первый прием в аспирантуру составит 25 человек.

При Игарском научно-исследовательском селскохозяйственном институте будет организовано несколько учебных единиц; по оленеводству, рыбному хозяйству и т. п.

В Якутске существует два техникума: пушной и рыбохозяйственный. В пушном техникуме имеется 5 отделений: звероохотоведческое, товароведческое, оленеведческое, учетно-плановое и торговое. В 1938

году в этом техникуме будет обучаться около 300 человек.

Рыбохозяйственный техникум переходит в ведение Главсевморпути от Наркомата пищевой промышленности РСФСР. За годы своего существования в техникум было принято всего 40 человек, а в 1937 году сразу было принято 80 человек. В нем имеется два отделения: по добыче рыбы и обработке ее. Всего в 1938 году в рыбохозяйственном техникуме будет обучаться 120 человек; 80% учащихся в обоих техникумах — якуты.

В Москве имеются курсы, которые готовят метеорологов, радистов и механиков для полярных станций. На эти курсы принимаются только люди, работавшие по данным специальностям, как вернувшиеся с зимовок, так и работавшие ранее в других системах. Предполагается эти курсы в дальнейшем превратить в постоянно действующую школу.

На этих курсах обучается 300 человек.

По всей периферии при крупных промышленных предприятиях, совхозах, верфях и т. д. открываются курсы мастеров социалистического труда. На них будут приниматься лучшие стахановцы по всем основным специальностям для повышения их квалификации и доведения их знаний до уровня инженерно-технических работников.

В 1938 году при Омском, Красноярском и Якутском теруправлениях открываются школы торгового ученичества. Эти школы будут готовить продавцов, завмагов и счетных работников из местного коренного населения.

Кроме того, работают курсы торговых работников (завмагов) в Ленинграде. На этих курсах обучается 37 человек исключительно из народов Севера.

В Москве организуются в 1938 году одногодичные курсы для ответственных работников пушного хозяйства: начальников пушных контор, инспекторов по пушнине и пр., всего на 40 человек.

В Ленинграде для укомплектования экипажей вновь строящихся судов организуются курсы для плавсостава.

Кроме стационарных учебных заведений и курсов, проводится целый ряд временных курсовых мероприятий по различным специальностям.

На всех точках системы Главсевморпути проводятся также постоянные занятия по техминимуму, охватывающие 148 специальностей.

ЗАПУСК АВИАМОТОРОВ НА ЖИДКОМ ГАЗЕ

Бюро изобретений Главсевморпути проводит опытные работы в научно-исследовательских институтах по применению жидкого газа „Бутан-пропана“ для запуска авиамоторов при низких температурах. Произведенные опыты на авиамоторе „М-11“ дали положительные результаты. В зимнем сезоне 1937/38 года опыты будут продолжены на других марках авиамоторов, эксплуатируемых на Крайнем Севере и в Арктике.

Жидкий газ является прекрасным авиационным топливом, особенно для запуска авиамоторов в холодное время и при очень большой влажности воздуха.

При добычании нефти одновременно выделяется так называемый природный газ. Основные составные части этого газа при сравнительно небольшом сжатии (8—12 атмосфер) приходят в жидкое состояние. Жидкий газ является чрезвычайно транспортабельным веществом. Например, при габарите обычной железной бензиновой бочки можно транспортировать около 300 кубометров газа. Насколько велика эта цифра, можно понять хотя бы из сопоставления с кислородом. Для перевозки 300 кубометров кислорода потребовалось бы около 60 баллонов общим весом в 5000 килограммов.

Жидкий газ, будучи легко транспортируемым, обладает в то же время значительно

более выгодными качествами по сравнению с лучшими сортами авиабензина.

Прежде всего он не нуждается в подогреве для перехода из жидкого состояния в газообразное, достаточно только открыть кран бочки, и, независимо от наружной температуры воздуха, получается готовый к работе в моторе газ, который, смешавшись с воздухом (от 2 до 5% содержания газа), создает взрывчатую смесь.

Таким образом жидкий газ дает возможность авиамотору заполняться и работать при любой низкой температуре. Влажность воздуха, делаая невозможным запуск авиамотора на авиабензине, не влияет на жидкий газ.

Октановое число жидкого газа около 120, что намного превышает бензин и позволяет работать на высоких степенях сжатия, с понижением удельного расхода топлива, по сравнению с бензином.

Газ работает легче бензина, не дает нагара и не разжижает смазки мотора, повышая тем самым его долговечность.

Аппаратура для работы на газе очень проста, а потому всегда готова к работе, безотказна и долговечна. На самолете укрепляется изготовленный из нержавеющей стали баллончик, весом в 3 килограмма, вмещающий 75—80 литров жидкого газа. Этого количества достаточно не менее чем на 150—200 запусков мотора „М-17“ и на неограниченное количество запусков мотора „М-11“. Из баллона газ через регулирующийся кран направляется непосредственно в газовый смеситель, представляющий собой тройник, одетый на воздушный патрубок обычного карбюратора.

Запуск мотора при открытии газа производится обычным способом: поворачиванием вентя или же каким-либо из существующих видов стартеров. Обычно мотор на газе начинает работать моментально. Прогрев весь мотор, работая на газе, переключают его на бензин простым открытием бензинового крана и закрытием газового.

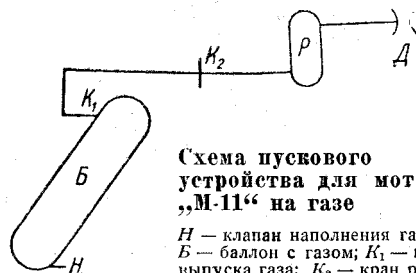

Схема пускового устройства для мотора „М-11“ на газе

Н — клапан наполнения газом; Б — баллон с газом; К₁ — кран выпуска газа; К₂ — кран регулятора; Р — регулятор; Д — диффузор карбюратора

Редакционная коллегия

Адрес редакции:

Москва, улица Коминтерна, 4/7. Тел. 4-35-95

Сдано в набор 22 декабря 1937 г.
Бум. 70×108 см 7½ печ. л.
Уполн. Главлита № Б—38662.

Технический редактор Ю. А. Таубер

3¼ бум. л.
Зак. 3001

Подписано к печати 4 февраля 1938 г.
12 авт. л. 120000 тип. зн. в бум. л.
Изд. № 5 Тираж 10 000 экз.

Типография „Коминтерн“. Ленинград, Красная ул., 1

ВОЛОГОДСКАЯ